

Александр Дюма

ИСПОВЕДЬ
ФАВОРИТКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РОСМЕН»

Александр Дюма Исповедь фаворитки

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6986159
Исповедь фаворитки: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-1849-2*

Аннотация

Легендарная леди Гамильтон... В круговороте грандиозных исторических событий она пережила множество взлетов и падений. Какую тайну знала эта женщина, сумевшая из гувернантки превратиться в блистательную леди, спутницу аристократов своего времени, возлюбленную талантливого и бесстрашного полководца Горацио Нельсона?

Содержание

Слово к читателю	5
Пролог	8
I	16
II	21
III	26
IV	31
V	36
VI	41
VII	46
VIII	51
IX	58
X	63
XI	68
XII	75
XIII	80
XIV	87
XV	93
XVI	98
XVII	103
XVIII	107
XIX	112
XX	116
XXI	120
XXII	124
XXIII	128
XXIV	132
XXV	137
XXVI	143
XXVII	148
XXVIII	153
XXIX	158
XXX	162
XXXI	168
XXXII	174
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Александр Дюма Исповедь фаворитки

Слово к читателю

Зачастую одно лишь имя автора на обложке книги способно дать достаточно полное представление о ее жанре, стиле, характере изложения материала и, конечно же, о художественной ценности. Любая из книг Александра Дюма непременно предполагает романтические коллизии, увлекательную фабулу, напряженный конфликт, сочный колорит эпохи, простой и энергичный язык. В каждой его книге звенят шпаги и грохочут выстрелы в ходе яростной и непримиримой борьбы между Добром и Злом, за честь, за человеческое достоинство, за духовные ценности и, разумеется, за любовь, которая по обыкновению является главной пружиной конфликтного противостояния персонажей, но при этом бывает необычайно уязвимой для отравленных стрел злобы, зависти, клеветы и низменного меркантилизма.

Книги Дюма – зеркало не только духовного мира писателя, но и всей его жизни, события которой порой прямо перекликаются с коллизиями самых остросюжетных из его произведений.

Отец писателя – наполеоновский генерал Дюма Дави де ла Пайетри, был плодом любви французского аристократа и чернокожей рабыни. Испытавший множество ударов жестокой судьбы, он женился на дочери трактирщика в небольшом городке Виллер-Котре, где и появился на свет их наследник, будущий автор мировых бестселлеров.

В двадцатилетнем возрасте, как многие из его героев, он отправляется покорять Париж. С двумя луидорами в кармане, но с дерзкой мечтой о славе и независимости.

Безвестный переписчик в канцелярии герцога Орлеанского становится автором ряда пьес, имевших шумный успех на столичной сцене и принесших ему заслуженную славу.

Когда в июле 1830 года вспыхнула революция, популярный драматург принимает самое активное участие в ее событиях, включая штурм королевского дворца Тюильри.

Вскоре он начинает писать историко-приключенческие романы и становится признанным мастером этого жанра.

Но, подобно многим своим героям, Дюма не был практичным человеком. В тот период, когда литературная слава принесла определенные материальные результаты, он решил воплотить свою давнюю мечту – стать владельцем замка. И он стал им, но толпы околотитратурных прихлебал, да и собратья писатели, кто из действительной нужды, а кто из мстительного желания поспособствовать разорению талантливого коллеги, так широко пользовались его гостеприимством и щедростью, что довольно скоро замок был продан за долги.

Дюма имел отношение и к революционным событиям 1848 года, после чего отправился путешествовать, в частности посетил Россию и Кавказ.

Хотя он продолжал неустанно писать обо всем, что видел, о чем мечтал и куда звала его необузданная фантазия, денег не хватало на покрытие текущих расходов, не говоря уже о долгах. К концу 1870 года тяжело больной Дюма кое-как добрался до загородного имения своего сына, тогда уже процветающего драматурга, имея в кармане два луидора, ровно столько, сколько было у него в те шальные времена, когда он, подобно самому главному из своих героев – д'Артаньяну, ехал покорять Париж...

В январе 1871 года великого писателя не стало.

Как высказался Дюма-сын, «он умер так же, как и жил, не заметив этого». Зато заметили миллионы и миллионы людей, для которых имя Дюма-отца является одной из величайших вех человеческой цивилизации...

Роман «Воспоминания фаворитки» посвящен, как и многие из произведений писателя, процессу становления личности, карьере человека, который вступает в мир, не имея практически никаких шансов его покорить или хотя бы каким-то образом выделиться из массы себе подобных. Однако благодаря силе характера, воле к жизни и тому трудно постижимому качеству, которое принято называть харизмой, достигает возжеланных высот.

Таков и д'Артаньян, таков сам Дюма, таков Бальзамо и таковы многие герои писателя, дерзко и целеустремленно пробивающие себе дорогу сквозь жизненные джунгли.

Эмма Лайона, крестьянка, дочь служанки, совершает головокружительную карьеру, приехав покорять Лондон без малейших надежд на успех. Она, бесспорно, красива, но мало ли в столице красавиц, которые в лучшем случае становятся белошвейками, а в худшем – и гораздо более распространенном – идут на панель... Но Эмма становится любовницей адмирала Джона Пейна, затем – натурщицей известного художника, общается с лучшими умами своей эпохи, выходит замуж за лорда Гамильтона, становится подругой королевы Неаполя, и в конце концов – возлюбленной прославленного флотоводца Горацио Нельсона. Можно сказать, знаменитой возлюбленной, потому что, кроме людской молвы, образ леди Гамильтон был увековечен многими мастерами художественного творчества, и в первую очередь – Александром Дюма.

Насколько правдива эта история? Начнем с того, что объективно правдивых историй не существует как таковых, ведь излагается история человеком, пропустившим ее сквозь призму своего мировосприятия, своих стереотипов мышления, симпатий, антипатий и других индивидуальных особенностей. Одно можно сказать со всей уверенностью: Дюма всегда очень бережно относился к сути характера эпохи, а в каком именно месяце и какого числа адмирал Нельсон впервые поцеловал руку леди Гамильтон – какая разница?

Как заявлял сам писатель, «исторический персонаж или событие – всего лишь гвоздь, на который я вешаю свою картину».

А картина, конечно же, ценнее любого гвоздя.

Тем более если речь идет о шедевре Александра Дюма.

В. Гитин, литератор

Пролог

Четырнадцатого января 1815 года, около пяти часов вечера, по устланной снегом дороге от селения Вимий¹ к расположенной между Булонь-сюр-Мер² и Кале³ маленькой гавани Амблетёз⁴, куда в 1688 году высадился изгнанный из Англии король Яков II⁵, шагал священник, предшествуемый пожилой женщиной, видимо его провожатой. Он шел быстрым шагом, свидетельствовавшим о том, что его с нетерпением ждут, и беспрестанно запахивал полы плаща, пытаясь укрыться от порывов ледяного ветра, дувшего с берегов Англии. Было время прилива, и к реву валов, накатывавшихся на берег, примешивался глухой скрежет гальки, потревоженной прибоем.

Пройдя около полульё⁶ по дороге, обсаженной двумя рядами чахлах вязов – зимой их оголяла сама зима, а летом трепал морской ветер, – старуха свернула на едва заметную под снегом тропку: она начиналась справа от дороги и упиралась в порог маленькой хижины, построенной высоко на склоне холма, что господствовал над окрестными далями. Лишь слабый огонек света или масляной лампы мерцал в окне, указывая местоположение этой хибарки, совершенно утонувшей в снежной мгле.

Нашим путникам хватило десяти минут, чтобы добраться до порога; старуха уже протянула руку, чтобы открыть дверь, но та распахнулась сама, и молодой нежный голос произнес с чуть заметным английским акцентом:

– Входите, господин аббат! Моя матушка ожидает вас с нетерпением.

Старуха отступила в сторону, пропуская вперед священника, и вслед за ним вошла в хижину. Молодая девушка, открывшая им, затворила дверь и провела их во вторую комнату, единственную, где горела лампа. Лежащая в постели женщина с усилием поднялась, увидев их, и слабым голосом спросила по-английски:

– Это он?

– Да, матушка, – на том же языке ответила ей девушка.

– Так пусть он войдет! Пусть войдет! – перейдя на французский, воскликнула больная и бессильно упала на подушки.

Пройдя во вторую комнату, священник склонился над кроватью, между тем как девушка и старуха остались за порогом.

По-видимому, даже попытка пошевелиться очень утомила несчастную, и ее голова безвольно откинулась назад; слабеющей бескровной рукой она лишь указала на кресло, призывая слугителя Господа приблизиться и сесть напротив.

Священник понял этот знак, придвинул кресло к ее изголовью и сел.

Наступившую тишину нарушало теперь лишь прерывистое дыхание умирающей и всхлипывания, которые девушка тщетно пыталась подавить в своей груди.

Священник же воспользовался заминкой, чтобы оглядеться.

Внутреннее убранство хижины являло собой странную смесь роскоши и нищеты. Мебель здесь осталась такой, какой и подобает быть в бедном доме, вид стен свидетель-

¹ *Вимий* – селение в 3 км к северу от Булони.

² *Булонь-сюр-Мер* – портовый город у пролива Ла-Манш, в устье реки Лианы.

³ *Кале* – портовый город у пролива Па-де-Кале, в 35 км к северо-востоку от Булони.

⁴ *Амблетёз* – морской городок в 10 км к северу от Булони.

⁵ *Яков II Стюарт* (1633–1701) – английский король (1685–1688); стремился к восстановлению в Англии абсолютизма и католичества; в декабре 1688 г. был свергнут с престола своими противниками в результате государственного переворота, т. н. «Славной революции», и бежал во Францию.

⁶ *Льё* – старинная французская мера расстояния: 4,444 км.

ствовал о том же; однако простыни на постели больной были из тончайшего голландского полотна, ее ночная рубашка – из самого дорогого батиста, а платок, охватывавший ее шею и удерживавший копну великолепных каштановых волос, окаймляли драгоценные кружева, которым Англия даровала свое имя.

Напротив кровати, разделенные лишь окном с бедными ситцевыми занавесками, висели два парных портрета мужчины и женщины в полный рост; принадлежа, по-видимому, кисти одного из знаменитых современных живописцев, они бросались в глаза великолепием красок и своими размерами.

С одной картины на священника смотрел старший офицер британского флота. На его голубом мундире, слева, под орденом Бани – весьма почитаемым в Англии⁷, где его дают лишь за великие благодеяния, оказанные отечеству, – красовались еще три награды; знаток подобных материй без труда распознал бы в одной из них неаполитанский орден Святого Фердинанда «За заслуги»⁸, в другой – мальтийский орден Святого Иоахима⁹, учрежденный российским императором Павлом I и канувший в небытие вместе с ним¹⁰; что касается третьей, то это был оттоманский Полумесяц¹¹, заключавший в своем изгибе бриллиантовый вензель султана Селима III.¹²

Однако особенно примечательно выглядело овечьяное славою увечье, жертвой которого стал тот, с кого был писан портрет: широкий шрам, пробороздивший лоб, и черная повязка под ним, прикрывавшая вытекший глаз, не говоря уже о пристегнутом к пуговице мундира правом рукаве, где пряталась культя отнятой выше локтя руки.

Изображенный на портрете светловолосый человек был среднего роста, его оставшийся единственный глаз искрился живым умом, наконец, орлиный нос и крупный волевой подбородок свидетельствовали о решительности и храбрости, столь необходимых воину.

⁷ Орден Бани – один из высших английских орденов, учрежденный в 1399 г. королем Генрихом IV; награждение им дает рыцарское звание и титул сэра; с 1815 г. им награждали как за военные, так и за гражданские заслуги; название происходит от английского слова bath («баня», «купель»): перед вручением знака отличия новопосвященных рыцарей купали в воде; орден представляет собой крест, в середине которого находятся скипетр с розой и чертополохом и три короны.

⁸ Этот орден был учрежден в 1800 г. в честь возвращения Бурбонов в Неаполь после падения Парthenопейской республики. Патроном ордена считался покровитель Испании святой Фердинанд – король Кастилии и Леона с 1230 г. Фердинанд III (1199–1252), изгнавший мавров из Кордовы (1236) и Севильи (1248) и канонизированный в 1671 г.; день его почитания – 30 мая. Знаки ордена, имевшего две степени (с 1810 г. – три), состояли из увенчанной короной шестиконечной звезды с белыми бургундскими лилиями между лучами и с изображением святого Фердинанда в центре; орден носился на темно-синей ленте с красной каймой.

⁹ Старейший из духовно-рыцарских орденов, члены которых, помимо обычных монашеских обетов бедности, послушания и целомудрия, принимали еще обет борьбы с неверными, становясь монахами-воинами; был основан в 1070 или 1080 г. в Иерусалиме под названием «Госпитальная братия святого Иоанна» (отсюда одно из названий членов этого ордена – «госпитальеры», или «иоанниты»). Первоначально в ордене были монахи, заботившиеся о больных паломниках, и рыцари, охранявшие их. В 1099 г., во время Первого крестового похода, рыцари отделились от монахов и приняли название «Орден рыцарей госпиталя святого Иоанна Иерусалимского». Ок. 1120 г. для иоаннитов стали обязательны четыре обета воин-нов-монахов, т. е. орден превратился в духовно-рыцарский в полном смысле этого слова. В 1291 г. после изгнания крестоносцев со Святой земли госпитальеры обосновались в городе Лимасол на Кипре, а в 1309 г. отвоевали у турок остров Родос в Эгейском море, сделали его орденским государством и тогда же стали именовать себя родосскими рыцарями. В 1523 г. турки выбили их с Родоса. В 1530 г. госпитальеры заняли остров Мальту и с этого времени стали называться мальтийскими рыцарями. В 1798 г. Мальта была захвачена французами, в 1800 г. англичанами, и после длительных перипетий центр ордена оказался в России; в 30-х гг. XIX в. орден переместился в Италию под покровительство папы; в настоящее время является благотворительной организацией.

¹⁰ Российский император Павел I (1754–1801; правил с 1796 г.), не монах и даже не католик, до своей смерти в 1801 г. пребывал Великим магистром Мальтийского ордена. В этом качестве 29 ноября 1798 г. император опубликовал высочайший манифест об установлении для поощрения службы российского дворянства ордена святого Иоанна Иерусалимского; вероятно, именно он здесь и подразумевается; как награда Российской империи этот орден был упразднен в 1817 г.

¹¹ Оттоманский Полумесяц – орден, учрежденный Селимом III в 1799 г.; первым его кавалером стал Нельсон.

¹² Селим III (1761–1808) – турецкий султан в 1789–1807 гг.; участвовал в войне второй антифранцузской коалиции (1798–1801); пытался предотвратить распад Османской империи с помощью реформ, однако был свергнут с престола в результате мятежа, заключен в крепость, а затем казнен.

Напротив, женщина являла собой чистый идеал красоты и грации. Ее каштановые волосы без всяких украшений великолепными прядями ниспадали на шею и грудь; черный цвет глаз и бровей подчеркивал ослепительную свежесть кожи; точеный нос восхищал правильностью своей формы, а по-детски полуоткрытые губы напоминали розовый бутон в весеннее утро и давали возможность если не увидеть, то угадать два ряда жемчужин.

Молодая женщина на портрете была облачена в кашемировый хитон, шитый на древнегреческий лад¹³; на ее правое плечо художник небрежно набросил пурпурный плащ; талию обхватывал широкий пояс из расшитого золотом вишневого бархата, а тяжелая пряжка была украшена камеей с профилем старца¹⁴.

Было совершенно очевидно, что на этом великолепном портрете изображена сама больная: во всем ее облике, хотя ей перевалило за пятьдесят и тяжелый недуг искажил ее черты, ощущались следы той изысканной прелести, которую художнику удалось передать на холсте.

Пока служитель Господа предавался, так сказать, невольной созерцательности, страдальца медленно раскрыла глаза и устремила на него тревожный взгляд: казалось, она пытается прочесть на лице того, кого она призвала в посредники для последнего примирения между нею и Всевышним, предвестие небесного гнева или небесного милосердия.

Священник был немолод – лет шестидесяти пяти; хотя несколько выбившихся седых прядей скрадывали мягкую безмятежность его чела, лицо выдавало простоту доброй души, и во взгляде тлела искорка той неисчерпаемой нежности, какую Леонардо да Винчи¹⁵ придал выражению глаз Иисуса¹⁶.

Приглядевшись к нему, больная испытала явственное облегчение и решилась заговорить:

– Отец мой, во всех священных книгах, которые мне довелось прочесть, сказано, что милосердие Господне беспредельно; но я послала за вами для того, чтобы услышать то же самое от служителя Господа... Мои пороки, грехи, даже преступления (последнее слово она произнесла, понизив голос) столь велики, что мне необходимо слово такого святого человека, как вы, чтобы не умереть от отчаяния ранее, увы, близкого естественного конца.

Священник не без удивления взглянул на эту женщину с приятным голосом и умиротворенным лицом; поистине ангельское выражение ее глаз пощадила даже лихорадка, снедавшая истрадавшуюся плоть: неужели из этих уст прозвучало столь чудовищное признание? Помедлив, он отвечал:

– Дочь моя, это страх смерти смущает ваш ум и чувства. Женщина – слабое создание, чье положение в обществе подчас вынуждает ее впадать в заблуждения и даже в серьезные грехи, однако, если я правильно вас понял, вы обвиняете себя не только в заблуждениях и грехах, но и в преступлениях.

– О, именно так, отец мой: в преступлениях! Да, я не могу не понимать, что во времена, когда герой называл меня своей повелительницей, а королева – подругой, что в пору моей молодости, в вихре удовольствий и счастья, я не расценивала свои деяния подобным образом; однако, после того как его не стало и она тоже отошла в мир иной, с тех пор как меня

¹³ *Кашемир* – легкая шерстяная, полушерстяная или хлопчатобумажная ткань; название получила от области Кашмир в Индии. Хитон – у древних греков род широкой, падающей складками одежды, льняной или шерстяной.

¹⁴ *Камея* – ювелирное украшение, резной камень (большой частью слоистый с выпуклым изображением); носится в кольце или в виде броши, подвески и т. д.

¹⁵ *Леонардо да Винчи* (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер эпохи Высокого Возрождения; в своих творениях создал гармоничный образ человека, отвечающего гуманистическим идеалам того времени.

¹⁶ Здесь имеется в виду фреска «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи в трапезной монастыря Санта Мария делле Грацие в Милане.

постигли нищета и невзгоды – воистину, возмездие, кара небесная, – горе заставило меня усомниться в праведности моего пути. Ныне, отец мой, я увидела себя в подлинном свете: плоть мою пятнает грех распутства, а руки измараны в крови!

– Дочь моя, милосердие Господне беспредельно, – возразил пастырь, – а Иисус именем своего Отца отпустил грехи и Магдалине¹⁷, и несчастной, совершившей прелюбодеяние¹⁸.

Тут больная протянула руку, положила ее на локоть священника и постаралась приподняться, чтобы приблизиться к нему.

– А Иродиаде он простил¹⁹? – спросила она.

Священник почти в ужасе отшатнулся:

– Так кто же вы?

– Да, воистину, отец мой, – со вздохом прошептала несчастная, – назови я вам сразу свое имя, все тотчас стало бы ясно... О, только не покидайте меня, когда я вам его открою! – добавила она.

– Дочь моя, – сказал священник, – даже если бы на моем пути оказался отцеубийца, я не оставил бы его и утешал бы, сопровождая до самого эшафота.

– Ах, эшафот – это искупление! – вскричала больная. – Если бы я окончила жизнь на плахе, а не вот так, в собственной постели, сомнения не терзали бы меня.

– Неужели вы совершили убийство? – не без содрогания спросил священник.

– Нет, отец мой. Но я позволила ему свершиться...

– Осознавали ли вы тогда, что идете на преступление?

– О нет, нет!.. Мне казалось, что я оказываю услугу королю, я возомнила, что служу Господу, но на самом деле лишь утоляла собственную жажду мщения. Неужели вы полагаете, что Господь сможет подобное простить той, которая сама не прощала?

Священник внимательно поглядел на нее. Помедлив, он спросил:

– Вы англичанка?

– Да, отец мой.

– Вы протестантка?

– Да.

– Почему же вы не послали за служителем одной с вами веры? В Булони есть пастор.

– Знаю...

Больная покачала головой и горестно вздохнула.

– Так в чем же дело? – настаивал священник.

– Наши пасторы, отец мой, слишком суровы, ведь вера наша непреклонна... А потому я не осмелилась.

– Что ж, дочь моя, тем самым вы воздали немалую хвалу вере моих отцов. Почему же вы не обратились в ее лоно?

– А если бы она отвергла меня?...

¹⁷ *Мария Магдалина* – христианская святая, происходившая из города Магдала (соврем. Мигдал в Израиле), отсюда и ее прозвище. Мария Магдалина была одержима бесами и вела развратную жизнь, однако, исцеленная Христом, покаялась и стала его преданнейшей последовательницей и проповедницей его учения.

¹⁸ Здесь имеется в виду и евангельский рассказ о прощении Иисусом неверной жены, которую по закону Моисееву следовало побить камнями. Христос обратился к обвинителям: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень». А когда они устыдились и разошлись, он сказал женщине: «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не грехи» (Иоанн, 8:7, 11).

¹⁹ *Иродиада* – племянница тетрарха (правителя) Галилеи Ирода Антипы (ум. в 40 г. н. э.; правил 4 до н. э. – 39 н. э.) и жена его брата, которую он отнял у него и на которой женился при жизни первого мужа, тем самым грубо нарушив иудейские обычаи. Иоанн Креститель, предтеча Иисуса Христа, выступил с обличением Ирода Антипы и был брошен им в темницу, однако тетрарх не решился казнить пророка, страшась его популярности. На пиру в день рождения тетрарха его падчерица Саломея (в евангелиях ее имя не названо), дочь Иродиады, так угождает отчиму своей пляской, что он обещает исполнить любое ее желание. По наущению Иродиады Саломея просит голову Иоанна Крестителя. Палач направляется в темницу, совершает казнь и подает Саломее на блюде голову Иоанна Крестителя, а девушка относит ее для глумления Иродиаде (Матфей, 14: 1–11).

– Наша вера приемлет всех, дочь моя. Разве Иисус не сказал доброму разбойнику: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю»²⁰?

– Но разбойник был на кресте, он умирал вместе со Спасителем.

– Кто умирает во Христе, умирает и со Христом, а раскаяние стоит распятия. Ведь вы раскаиваетесь, дочь моя?

– О, искренне и горячо, клянусь вам! – воскликнула грешница, воздев руки.

– Вы раскаиваетесь только лишь из страха смерти?

– Нет, отец мой, покаяние пришло ко мне, как к святому Павлу на пути в Дамаск: словно пелена спала с моих глаз²¹, и я увидела себя такой, какая я есть.

– Но тогда вам должно быть известно, что Господь не только простил святого Павла²², но и сделал его одним из своих апостолов, меж тем как тот стерег одежды тех, кто побивал камнями святого мученика Стефана²³.

– Как вы добры, отец мой, поддерживая и утешая меня так.

– Это мой долг, дочь моя. Когда строптивая овца удаляется от стада²⁴, невзирая на лай сторожевых собак, предупреждающих об опасности, добрый пастырь взваливает ее на свои плечи и относит в овчарню, но ведь его не может не обрадовать, если она возвращается сама! Говорите же, поведайте мне о ваших прегрешениях, я готов выслушать рассказ о них, и, если во власти скромного служителя Церкви дать вам отпущение содеянных вами грехов, вы удостоитесь прощения во имя Господа.

– Мое повествование было бы долгим и напрасным: вам достаточно моего имени; когда оно вам станет известно, вы уже будете знать все.

И вновь священник поглядел на нее с удивлением.

– Так каково же ваше имя? – наконец спросил он.

Умирающая склонилась к нему и дрожащим голосом едва слышно прошептала два слова:

– Леди Гамильтон.²⁵

– Это имя ничего мне не говорит, дочь моя, – сказал священник. – Мне оно неизвестно, и я слышу его впервые в жизни.

– О Господи! – почти радостно воскликнула больная. – Значит, есть человек, не знающий меня! Есть уста, которые меня не проклинали!

И она откинулась на подушки, вознося хвалу Всевышнему. Но внезапно по ее лицу промелькнул ужас:

²⁰ Христос был распят вместе с двумя разбойниками. Один из них ругал Иисуса «и говорил, если ты Христос, спаси себя и нас. Другой же, напротив, унимал его». Этот второй разбойник признал невинность Христа и покаялся, за что ему было обещано царствие небесное (Лука, 23: 32, 39–43).

²¹ Речь идет о Савле из Тарса, неистовом гонителе христиан, на которого по дороге в Дамаск снизошло откровение: его поразил чудесный свет, воссиявший с небес, и он на время потерял зрение; исцеленный одним из учеников Иисуса, он прозрел и духовно, сделавшись страстным проповедником христианского учения и при крещении взяв себе новое имя Павел (Деяния, 22:11).

²² Именно в связи с убийством святого Стефана Савл-Павел впервые упоминается в Писании (Деяния, 6–7).

²³ *Святой Стефан* (I в. н. э.) – один из первых христианских мучеников и проповедников христианства; победоносно вел прения о вере в синагогах; был побит камнями иудейскими фанатиками.

²⁴ Это евангельский образ (Матфей, 18:12–13; Лука, 15: 3–7).

²⁵ *Гамильтон, Эмма* (1765–1815) – английская авантюристка; родилась в графстве Чешир, в семье деревенского кузнеца по фамилии Лайонс; не достигнув и 15 лет, вынуждена была искать работу; выполняла обязанности прислуги в нескольких богатых семьях до 1782 г., когда стала хозяйкой большого дома молодого аристократа-холостяка, 33-летнего Чарлза Гревилла, и получила возможность учиться и развивать свои природные дарования; в 1784 г. Эмма познакомилась с дядей Гревилла сэром Уильямом Гамильтоном, а в 1791 г. стала его женой; в 90-х гг. во время пребывания мужа в качестве посла в Неаполе сблизилась с Нельсоном; после его гибели продолжала жить вместе с их дочерью Горацией Нельсон-Томпсон; скромная пенсия, которой она могла располагать, казалась ей ничтожной, росли ее долговые обязательства, и к концу жизни финансовое положение семьи оказалось безнадежным; несколько последних месяцев жизни Эмма провела во Франции, куда она бежала от преследования кредиторов и где скончалась 15 января 1815 г.

– Но ведь в таком случае я погибла, отец мой, у меня не хватит ни времени, ни сил все вам рассказать. А если я не поведаю вам ни о мучительном ужасе нищеты, ни о лихорадочной тяге к золоту, ни о неотвратимых миражах страсти; если вы узнаете из всей моей жизни только о прегрешениях, а не о соблазнах, вы никогда не простите меня... Ах, если бы вы согласились прочесть...

– Прочесть что?

– Повесть моей жизни, переданную во всех подробностях мною самой как первое искупление. Но прежде всего она послужит моей дочери, отвратив ее от пути, на который ступила я, и позволив не впасть в грехи, в которые впала я...

– Так почему бы мне не прочитать ее, если она написана вами?

– О, клянусь кровью моего собственного сердца!

– Так почему я не смогу ее прочитать? Ответьте же, наконец, прошу вас!

– Потому что я англичанка и писала ее на английском языке.

– Я пробыл пять лет в Англии, с тысяча семьсот девяностого по девяносто пятый, и говорю на этом языке как на своем родном.

– О отец мой, отец мой! – вскричала умирающая, сжав руку священника. – Воистину, мне вас послал сам Господь, это вселяет в меня надежду на прощение.

Потом с лихорадочной горячностью она прибавила:

– Возьмите, отец мой, – и она протянула ключик, завязанный в уголок платка, который извлекла из-под подушки в виде валика. – Возьмите этот ключ и отоприте ящик вон того туалетного столика. Там вы найдете рукопись, озаглавленную «My Life»²⁶; возьмите ее, прочтите и возвращайтесь так скоро, как сможете, если вы принесете мне прощение. Если же я осуждена, просто пришлите рукопись – я все пойму.

Священник поднялся с кресла, открыл ящик и извлек упомянутую рукопись.

– Дочь моя, – сказал он, – мне придется уделить время и обязанностям, связанным с моим саном. Поэтому я снова смогу повидать вас только завтра в тот же час.

– Думаю, в милосердии своем Господь позволит мне прожить еще один день. Особенно...

Она помедлила, и священник ободряюще поглядел на нее. Она вздохнула и закончила:

– ... особенно если вы дадите мне свое благословение.

– Благословляю вас, бедная женщина, и да ниспошлет вам Всевышний свое благословение, как это делаю я!

Молодую девушку и старуху он застал в соседней комнатке на коленях.

– Доверьтесь Господней воле, дитя мое, – сказал он девушке и положил правую ладонь на ее голову.

Старуха без слов схватила его левую руку и поцеловала ее. Священник вышел.

Больная, пока могла его видеть, не отрывала от него глаз и тянула к нему руки.

На пороге комнаты появилась девушка.

– Матушка, – спросила она, – как вы себя чувствуете?

– Ох, лучше, милая Горация, гораздо лучше! Еще один подобный приход, и этот человек унес бы с собой мое прошлое...

* * *

На следующий день в тот же час священник пришел снова с двумя мальчиками-служками, один из которых нес кропильницу, а другой – распятие.

²⁶ «Моя жизнь» (англ.).

Больная казалась гораздо более умиротворенной, однако силы ее убывали. Было понятно, что поддерживали ее лишь Вера и Надежда – две дочери Господни.

Священник подошел к кровати, лицо его дышало милосердием.

Девушка и старушка помогли страдальце приподняться и застыли у постели, словно статуи Юности и Увядания по бокам врат жизни. Священник остановился в двух шагах от нее. Она ждала, сцепив пальцы и возведя взгляд к небесам.

– Веруете ли вы в семь таинств²⁷, дочь моя?

– Верую, – ответила она.

– Веруете ли вы в пресуществление Иисуса Христа в святое причастие²⁸?

– Верую.

– Веруете ли вы в верховенство римского понтифика²⁹ и его непогрешимость в вопросах веры?

– Верую.

– Веруете ли вы в символы римской Церкви и, наконец, во все, во что верует римская апостольская и вселенская Церковь³⁰?

– Верую.

Священник ладонью зачерпнул из чаши немного святой воды и пролил несколько капель на голову умирающей.

– Окрещая тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа; пусть вода крещения смывает твои заблуждения, грехи и даже преступления!

Из груди несчастной исторгся крик радости; она схватила руку пастыря, еще влажную от святой воды, поднесла ее к губам и жадно поцеловала. Затем в порыве одухотворенного блаженства воскликнула:

– Господи, прими душу мою!

И она без сил опрокинулась на подушки, которые ее дочь и старуха перестали поддерживать. Лицо умирающей обрело такую просветленную сосредоточенность, что обе женщины подумали, будто она заснула, и один лишь священник понял: только смерть может придать земным чертам такое небесное спокойствие.

И действительно, она была мертва.

Как она накануне сказала, священник унес с собой ее прошлое, а крестильные воды, струившиеся по ее челу, проникли в самую душу, смыв все: и грязь и кровь!

* * *

А теперь познакомимся с тем, что прочел священник в рукописи, которая называлась «Моя жизнь».

²⁷ *Христианские таинства* – обрядовые действия, в которых «под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать Божья». Это суть: крещение, миропомазание, причастие, покаяние, священство, брак и соборование.

²⁸ *Пресуществление* (евхаристия, причастие) – одно из христианских таинств: вкушение верующими во время церковного богослужения хлеба и вина, в которых воплощены тело и кровь Христа.

²⁹ *Понтификами* в Древнем Риме именовали не священнослужителей, а особых должностных лиц, пожизненно избираемых, в чьи обязанности входил надзор за культом. Коллегию понтификов возглавлял великий (или верховный) понтифик; со времен Империи эта должность слилась с императорской. Папы, объявляя себя законными наследниками римских государей, хотя бы и языческих (впрочем, и христианские императоры Запады сохраняли за собой этот титул, пока существовала Западная Римская империя), присвоили себе и титул великого понтифика, что, однако, понималось тогда как сан первосвященника.

³⁰ Официальное название католической религии означает, что, с точки зрения ее приверженцев, она есть вера вселенская (гр. *katolikos*), исходит от апостолов, и единственным главой ее может быть римский папа.

В надежде, что Господь не отринет моего раскаяния и моего смирения, пишутся эти страницы.

Эмма Лайонна, V-я Гамильтон 1 января 1814 года

I

Мои первые воспоминания восходят к 1767 году, когда мне было три или четыре года. Я никогда не знала точной даты моего рождения; неясно, словно сквозь какую-то дымку, я вижу нас с матерью на какой-то дороге в горах: она то несет меня на плечах, то опускает на землю, и я плетусь за ней, держась за руку или вцепившись в ее подол. Время от времени путь нам преграждают ручьи и матушка берет меня на руки, переходит ручей, а затем снова опускает на землю. Должно быть, была зима или конец осени, мне постоянно было холодно, а иногда и голодно.

Когда мы пересекали городок или какое-нибудь селение, моя мать останавливалась перед лавочкой булочника, умоляющим голосом просила у него хлеба и почти всегда получала его.

А вот на ночлег мы редко останавливались в городках или селениях. Обычно мы выбирали какую-нибудь одиноко стоящую ферму и мать просила, чтобы ей позволили переночевать в сарае или хлеву. Те ночи, когда нам разрешали спать в хлеву, были для меня настоящим праздником: наконец-то я согревалась, а рано утром, когда мы собирались в дорогу, фермерша или служанка, приходившая доить корову, давала мне чашку теплого молока, которое казалось мне тем более лакомым, что я к нему не привыкла.

Судя по пройденному нами пути, если предположить, что в день мы делали четыре или пять льё, все это длилось около недели. Наконец мы пришли в город Хоарден, служивший целью нашего путешествия³¹.

Отец мой Джон Лайонс умер, и мать, оставив городок, где его настигла смерть, решила отправиться к его семейству, обосновавшемуся в Хоардене, и попросить помощи, чтобы воспитать меня и не пропасть самой.

Затем мою память снова завлакивает туман и я вижу себя уже через несколько месяцев пасущей стадо овец на хуторе – там мою мать взяли прислугой.

После испытанных ранее мытарств я полагала себя счастливой. Наступила весна, все зазеленело, и стало тепло. Склон холма, где паслось мое маленькое стадо, превратился в широкий ковер, расшитый тимьяном и вереском, и мои овечки с большим удовольствием щипали траву, а я плела себе венки из цветов. По вечерам я возвращалась на хутор и укладывалась спать в овчарне вместе с овцами. Корзинка с хлебом, кусочком масла или сыра, иногда крутым яйцом – это вполне утоляло мой голод на протяжении дня. Моя собака делила со мной хлеб и казалась столь же довольной заведенным порядком. После завтрака и обеда мы шли напиться к ближайшему источнику; там из земли бил ключ, создавая крошечное озерцо хрустально-чистой воды, и уже из него струя серебряной нитью змеилась по склону холма.

Так протекали три или четыре года, и никакие происшествия не оставили следа в моей памяти, ничто не нарушало прелестной монотонности моего существования.

Однажды, склонившись, как обычно, к источнику, чтобы напиться, и приблизив губы к воде, я взглянула на свое отражение в венке из цветущего розового вереска и маргариток и заметила, что стала хороша собой.

Я неверно выразилась, написав так: собственно, я не знала толком, что значит быть красивой. У меня никогда не было под рукой зеркала, в которое я могла бы поглядеть на себя. Но лицо, отразившееся в озерце, мне понравилось, я улыбнулась ему и приблизила губы к воде не столько для того, чтобы напиться, сколько чтобы поцеловать ту, что я там увидела.

³¹ Хоарден – городок в Уэльсе на западе Англии, в графстве Флинтшир, в 7 км к юго-востоку от Флинта. Флинт – главный город графства Флинтшир в Уэльсе; стоит на южном берегу залива, образуемого устьем реки Ди, в 13 км к северо-западу от Честера.

С этого дня источник сделался моей туалетной комнатой: подле него я примеривала, расплетала и плела вновь свои венки, пока не оставалась довольной произведенным впечатлением, и выражала свое удовлетворение тем, что целовала личико, отражавшееся в воде.

Однажды такая нежность к самой себе чуть не привела к роковым последствиям: мои руки заскользили по траве, я упала в воду, и, если бы не моя собака, вытащившая меня оттуда, ухватив зубами за платье, я бы утонула.

Я весьма мало представляла себе, что хорошо и что дурно, а потому, желая высушить одежду, я разделась донага и сама растянулась рядом с платьем, чтобы обсохнуть. Тут меня позвали. Я вскочила, увидела, что это моя матушка ищет меня, и побежала к ней. Она меня сильно выбранила, хотя я толком и не поняла, что ее рассердило.

В нашем существовании наметились перемены к лучшему: моя матушка получила от графа Галифакса небольшую сумму, предназначенную отчасти ей самой, отчасти мне. Мою долю следовало употребить на мое образование.

Я никогда не могла хорошенько понять, какова была причина такой щедрости графа Галифакса, и матушка не пожелала мне ничего объяснить, однако на хуторе поговаривали, что в моих жилах, по-видимому, течет более благородная кровь, нежели кровь Джона Лайонса. Храни меня Господь обвинять мою мать! Однако если это правда, мне становятся более понятны и ее безотчетные желания и настойчивое стремление к общественному положению, которого я достигла, но к которому, безусловно, не была предназначена.

И вот на следующий же день моя мать объявила, что отныне мне не придется пасти моих овец, что меня поместят в пансион, воспитанниц которого я иногда видела, поскольку по четвергам и воскресеньям они нередко прогуливались около нашего хутора³². Первыми моими словами тогда были:

– Матушка, а у меня будет такое же красивое голубое платье и такая же большая соломенная шляпка, как у них?

– Конечно, – отвечала она, – ведь это форменная одежда, принятая в пансионе.

Я запрыгала от радости. Мне показалось, что я буду выглядеть очень хорошенькой в подобном наряде, обладать которым я не осмеливалась и мечтать. Я расцеловала одну за другой всех моих овец и передоверила их молодому пастуху, присланному мне на замену.

Но вот прощание с собакой затянулось надолго. Это животное, недавно спасшее мне жизнь, было очень нежно ко мне привязано. Я долго гладила и ласкала беднягу Блэка, прежде чем нашла в себе силы расстаться с ним, чтобы последовать за матушкой.

Верный пес увязался было за мной, какое-то время он разрывался между любовью ко мне и долгом, но долг возобладал: Блэк проводил меня до того места, где мог следить за мной глазами, не теряя из виду овец, уселся на скалистом отроге и время от времени жалобно лаял, глядя в мою сторону; там он оставался в неподвижности, то и дело оглашая окрестности горестным воем, и, даже когда поворот дороги скрыл его от меня, я еще долго слышала его тоскливый голос.

В тот же день матушка отвела меня в город, от которого наш хутор отстоял примерно в полулье. Там она заплатила за первые три месяца моего содержания в пансионе, и с меня сняли мерки для платья, которое шили в самом заведении, чтобы воспитанницы ничем не отличались друг от друга.

Все это случилось в среду, а поступить в пансион мне предстояло в понедельник. Хозяйка пансиона пообещала отправиться с воспитанницами на воскресную прогулку в сторону фермы, чтобы я могла примерить форменное платье. Для них это было большим праздником, поскольку им предстояло позавтракать свежими яйцами и парным молоком.

Гостей ожидали к девяти часам утра, и моя матушка взялась все приготовить.

³² Четверг и воскресенье были днями, свободными от занятий в учебных заведениях Англии.

Именно тогда я в первый раз узнала, какую силу имеют деньги. Моя мать, до того всего лишь бедная служанка, с которой на ферме обращались грубо, как с последним из батраков, вдруг без всяких объяснений, словно по общей естественной, хотя и молчаливой договоренности, поднялась до ранга главной прислуги, надзирающей за всеми прочими, – и все лишь потому, что в ее руке увидели банковый билет в сто фунтов. А ведь если предположения относительно причин его появления у нее были правдивы, они должны были бы не столько возвысить, сколько унижить ее в глазах всех окружающих.

После путешествия в город меня уложили на ночь подле матушки на тюфяке, положенном на стулья; под ним пристроился верный Блэк, встретивший меня так радостно, словно боялся, что я уже больше не приду.

За те три или четыре года, что я провела на хуторе, не замечая иных перемен, кроме череды времен года, мне ни разу не приходило в голову, что один день может оказаться длиннее другого. Мне никогда не хотелось торопить время; я просыпалась с рассветом, засыпала в сумерки, делила свой кусок хлеба с Блэком, а крошки рассыпала птицам, плела венки из цветов, любовалась своим отражением в воде источника, грезила, сама не зная о чем, и, когда наступал вечер, не спрашивала себя, как долго я ожидала его прихода.

Но тут все изменилось, что-то перевернулось в моей душе: минуты стали часами, часы – днями, дни – годами. Мне казалось, что я не доживу до благословенного воскресного утра, когда сброшу свои лохмотья и облачусь в новое платье, затмевающее голубизной небесную лазурь, и очаровательную соломенную шляпку, представлявшуюся мне воплощением каких-то впервые зародившихся неясных надежд и честолюбивых устремлений. Меня наяву преследовали странные смутные видения, какие обычно посещают нас только во сне; мне хотелось взобраться на вершину, достаточно высокую, чтобы обозреть гряды окружавших нас гор; я совершенно не представляла себе, что может находиться за их стеной, но, без сомнения, там было нечто более прекрасное, чем то, что видела я.

Увы, всю оставшуюся жизнь я стремилась достичь какой-либо вершины и проникнуть взглядом за горизонт, за тот предел, что положил мне сам Господь...

Наконец столь долгожданный день наступил. Накануне всю ночь я не могла сомкнуть глаз и задолго до первого луча зари была уже на ногах. Матушка встала почти так же рано, как и я; она тоже купила себе кое-какие обновки и в то утро оделась с непривычным до этого тщанием. Она оделась в наряд горской крестьянки, что носят в Уэльсе³³, и я впервые заметила, что она, по-видимому, некогда была очень красивой и все еще сохранила немалую привлекательность.

Затем, покончив с собственным туалетом, она занялась мною: расчесала волосы, уже тогда густые и шелковистые, естественно завивавшиеся крупными локонами, а затем, удивившись, что я еще в рубашке, пожелала натянуть на меня платье, которое я носила до того. Но я заупрямилась, объявив, что надеялась, снимая это тряпье накануне вечером, никогда его более не надевать.

Кроме того, поскольку ее платье показалось мне верхом красоты и совершенства, я спросила у нее, могу ли я на те деньги, что отпущены мне, купить такое же для себя. Она пообещала кое-что еще покрасивее, если в конце месяца хозяйка пансиона скажет ей, что довольна мною.

И я сказала себе: сделаю все и через месяц у меня появится новое платье.

А чтобы не облачаться в старое, снова улеглась на свой тюфяк и стала ждать девяти часов.

³³ Уэльс (Валлис) – полуостров на западе Великобритании; населен потомками древнего кельтского населения Англии, сохранившими в известной степени свой язык и обычаи.

Но вот веселый щебет детских голосов, подобный щебету малиновок, оповестил меня о прибытии моих будущих однокашниц. Моя матушка, понимавшая, в каком я нетерпении, почти тотчас вошла ко мне в сопровождении воспитательницы, явившейся с новой одеждой.

Предназначенный мне узелок заключал в себе два совершенно одинаковых форменных платья – с тою только разницей, что воскресное было сшито из более тонкого и приятного на ощупь полотна, – и все остальные предметы туалета от чулок до воротничков, каждого по пол-дюжине.

Я не могла поверить, что столько добра будет принадлежать мне одной.

Матушка заплатила за все, и лишь тогда я почувствовала себя полноправной обладательницей такого богатства. Оно обошлось нам в четыреста франков. Никогда я не видела столько денег сразу.

Пора было наконец приступить к моему туалету.

Портной, снимавший с меня мерку, оказался весьма искусен, и все пришлось мне как нельзя впору. Не прошло и десяти минут, как я была готова.

Осколок зеркала – непривычная роскошь в комнатке матушки – позволил мне взглянуть на себя. Я испустила крик радости: мне показалось, что я стала еще более привлекательной, чем тогда, когда смотрелась в озерцо; особенно мне шла широкополая соломенная шляпка с развевающимися голубыми лентами банта; впоследствии, когда фортуна вознесла меня как нельзя более высоко, я нередко, желая как можно эффектнее оттенить те преимущества внешности, какими меня наградила природа, прибегала именно к соломенной шляпке с лентами, похожей на ту, что девочкой носила в хоарденском пансионе.

Одним прыжком я выскочила из комнаты, стремглав пересекла хуторской двор и выскочила на лужайку. Там прогуливались все воспитанницы пансиона – шесть десятков девиц от восьми до пятнадцати лет.

Они оглядели меня скорее с любопытством, нежели с симпатией.

Одна из великовозрастных пансионерок произнесла:

– А она недурна, эта крестьяночка.

Другая откликнулась:

– Да, но какая она неловкая!

Мое сердечко сжалось: в новую жизнь я вступала под презрительные и саркастические улыбки.

Я застыла перед ними в молчании, чувствуя, что мой лоб заливают краска стыда.

– А ну, малышка, – приказала третья, – сходи-ка на ферму и передай, чтобы нам принесли яиц и молока!

Однако самолюбие побудило меня взбунтоваться.

– Прошу прощения, мисс, – парировала я. – Мне кажется, я не нанималась в услужение ни к одной из вас.

– Разумеется, – улыбнулась первая из говоривших, – но так как ваша матушка прислуживает здесь на ферме, надеюсь, она будет так добра, что подаст нам все это. Мы проголодались.

В эту минуту моя мать вышла из ворот хутора, и я с плачем бросилась в ее объятия. Она спросила, что меня так расстроило, поскольку за минуту до того я рассталась с ней радостная и счастливая.

В двух словах я рассказала ей о происшедшем.

Мои жалобы услышала и хозяйка хутора. Она подошла к пансионеркам и сказала:

– Любезные барышни, моя ферма не постоянный двор. Я продаю масло, молоко и яйца на рынке, а не здесь. По просьбе моей приятельницы госпожи Лайонс я с радостью предложила бы вам все это, но, если гостеприимство ко многому обязывает, оно же имеет и некото-

рые права, среди них – право не подвергать себя оскорблениям. Я требую соблюдения этого правила как в отношении меня самой, так и всех, кто живет в моем доме.

– Прекрасно сказано, сударыня! – откликнулась хозяйка пансиона. – Благодарю вас за преподанный урок. Мне и самой хотелось отчитать их, но, думаю, у меня так хорошо не получилось бы. Те из моих воспитанниц, кто сочтет себя достойными чести, оказанной вами, сами отправятся к вам за завтраком, и я заранее от имени всех их и от своего собственного приношу вам свою благодарность. Те же, кто не пойдет, обойдутся без еды. Вот и все. Итак, барышни, кто меня любит, пусть следует за мной!

И хозяйка пансиона – ее звали миссис Колманн, – подавая пример всем прочим, направилась к дому. Воспитанницы последовали за ней, кроме тех трех, что прямо или косвенно обращались ко мне с неучтивыми словами.

Почти тотчас миссис Колманн снова появилась на пороге, держа в одной руке корзину с яйцами, а в другой – большой кувшин исходившего паром молока.

За ее спиной шли две воспитательницы, каждая тоже с корзинкой яиц и кувшином.

Шествие замыкали фермерша и моя матушка, неся по огромному караваю только что вынутого из печи хлеба со светлой аппетитной корочкой.

У каждой воспитанницы пансиона были с собой собственные тарелка, вилка, ложка и нож.

Все расположились на лужайке вокруг миссис Колманн и воспитательниц.

Три непокорные остались стоять в сторонке.

Тогда я обратилась к хозяйке хутора:

– Миссис Дэвидсон, не могли бы вы мне дать шесть яиц в маленькой корзинке, кувшинчик теплого молока и три чашки?

Она поняла, что было у меня на уме, поцеловала меня в лоб и дала просимое.

Я выбежала от нее и принесла корзинку, кувшин и чашки трем добровольным изгнанникам.

– Сударыни, – сказала я, – не угодно ли вам простить меня, ведь это я стала невольной виновницей того, что вас наказали?

– Благодарю вас, – процедила старшая из них. – Мы не голодны.

– Эмма, – воскликнула хозяйка пансиона, – подойдите, поцелуйте меня и присядьте здесь, рядом! Вы добрая, хорошая девочка.

Я оставила корзинку с яйцами, кувшин и чашки у ног трех строптивиц и уселась подле миссис Колманн. Она сказала правду: я действительно была доброй, хорошей девочкой. Моя ли вина, Создатель, или вина того мира, в который я попала, что я стала растленным созданием, ныне преклоняющим колена пред ликом твоим?

II

После завтрака, на котором наказанные девицы присутствовали, хотя и не принимали в нем участия, все подопечные миссис Колманн вместе с ней самой возвратились в город.

Утром, до того как все это случилось, моим самым большим желанием было без промедления отправиться к миссис Колманн и занять место среди ее учениц. Но теперь мой первоначальный энтузиазм несколько остыл и я испросила у матери позволения еще немножко побыть на ферме. Итак, мы условились, что она отправит меня в пансион лишь на следующее утро.

Заметив, как я подавлена неприятным впечатлением, и опасаясь упустить новую воспитанницу, миссис Колманн на прощание осыпала меня ласками и даже склонила нескольких девочек из числа тех, кто помладше, быть со мной полубезнее. Но я-то все равно прекрасно чувствовала, что для этих пансионерок всегда останусь не более чем крестьяночкой, дочкой служанки с фермы.

То, что я останавливаюсь на таких подробностях – этих и им подобных, о которых мне еще предстоит рассказать, – возможно, на первый взгляд выглядит наивным ребячеством. Но дело в том, что они оказали огромное влияние на мою судьбу. Так цветы бывают обязаны своим блеском и ароматом, а плоды сочностью и красотой не только садовнику, что взращивает их с большим или меньшим искусством и заботой, но и состоянию атмосферы, зависящему от случайных капризов природы. Моим главным грехом была гордыня: она сжигала меня, и дыхание людского презрения не охлаждало, а раздувало это пламя. Подобно Сатане, что сначала был прекраснейшим и возлюбленнейшим из ангелов Божьих, я погибла из-за своей гордыни, хотя рождена была лишь бедным, слабым человеческим существом.

Когда миссис Колманн с воспитанницами удалилась, я побрела по дороге, ведущей к тому самому холму, где я последние три-четыре года пасла свое маленькое стадо.

По воскресеньям этот холм служил для многих горожан местом их прогулок. Среди обитателей фермы уже не осталось никого, кто бы не видел меня во всем блеске. Там я уже наслаждалась всем возможным успехом и теперь отправилась на поиски новых восторгов и похвал.

И действительно, поднимаясь по склону холма, я встретила или обогнала несколько стаек гуляющих, и многие заметили мою широкополую соломенную шляпку, длинные волосы, развевающиеся на ветру, румянец юности и здоровья, цветущий на моих щеках. До моего слуха доносились голоса:

– Смотрите! Что за прелестное дитя!

А кто-то спросил:

– Позвольте, да это же маленькая пастушка, та самая, что пасет овец миссис Дэвидсон?

Увы, так оно и было...

Это замечание, в сущности вполне доброжелательное, отравило всю радость, что доставили мне восторженные восклицания других прохожих. Я погрузилась в грустную задумчивость и продолжала путь, потупив глаза и один за другим роняя из расслабленных пальцев цветы, которые собрала, чтобы сплести себе венок.

Вдруг я услышала радостный лай: Блэк, узнавший меня издали, бросился мне навстречу. Бедное животное не обратило ни малейшего внимания на мой новый наряд, оно думало, что ему позволено обращаться с будущей пансионеркой миссис Колманн словно с овечьей пастушкой.

Окрик «Пошел прочь, Блэк!» и удар хворостиной по непочтительным лапам, исторгнувший у него жалобный визг, были единственной наградой старому и, может быть, самому

верному из всех друзей, каких я когда-либо имела. Так я ответила на его приветствие, полное радости и ласки.

Блэк отошел от меня, понурившись и покачивая головой, словно говоря самому себе что-то и сам же себе отвечая.

Пастушонок, теперь стороживший овец вместо меня, при моем появлении вскочил на ноги. Было видно, что он меня не узнал. Только когда я приблизилась, он воскликнул:

– Ох, да это же вы, мисс Эмма! Какая... какая вы красивая!

Я улыбнулась ему. Это был единственный комплимент, к которому не примешивалось что-нибудь обидное.

Я была чрезвычайно признательна пастушку. Как выяснится впоследствии, эти несколько слов должны были повлиять на мою грядущую судьбу.

– Здравствуй, Дик, – сказала я. – Ты славный малый! И ты тоже будешь красивым, если приоденешься.

– Э, обо мне нечего толковать, – возразил он. – Я простой крестьянин, и вряд ли мне когда-нибудь случится надеть что-нибудь получше. А вы совсем другое дело, видно, вы и впрямь настоящая мисс.

Он намекал на слухи о любовной связи моей матери с графом Галифаксом, распространившиеся с тех пор, как этот господин дал ей сто фунтов стерлингов.

Я ничего на это не ответила, так как не вполне поняла, что он хочет сказать, и спросила, как поживает его сестра, девочка примерно моих лет, по имени Эми Стронг, – в то время она была служанкой на соседней ферме.

– У нее все в порядке, – отозвался он. – Вот бы она обрадовалась, если бы видела вас такой хорошенькой да нарядной!

– Ты так думаешь? – спросила я.

– Само собой, – отвечал он. – Вы ей нравитесь, мисс Эмма. И потом, она никогда не завидует, если кому повезет.

Мы стояли на берегу озера. Я склонилась над водой, но почему-то не решилась в присутствии Ричарда³⁴ поцеловать свое отражение, как это делала, когда бывала одна.

Ричард засмеялся:

– Вы смотрите в наше озеро... А придет час, мисс Эмма, когда вы уедете в город и станете любоваться собой в больших зеркалах с золоченой рамой, что выставлены при входе в магазине Хоардена. Когда будете там проходить, стойте перед витриной и осмотрите себя с ног до головы. Там большие зеркала и можно глядеть в свое удовольствие, за это платы не берут.

Я присела на берег, более не пытаясь поймать взглядом свое зыбкое, искаженное рябью отражение. В мечтах я уже видела себя перед огромным, прекрасным зеркалом в золоченой раме. Вот я в элегантных покоях среди богатой, красивой мебели, под ногами у меня турецкий ковер, на окнах занавеси из небесно-голубого шелка, и я сама в платье того же цвета. Я закрыла глаза, чтобы забыть о моем действительном положении и всецело отдаться чудесным грезам.

Увы! Сколько раз они тешили меня, эти мечты – ослепительное предвестие грядущего!

Откуда они только взялись, эти видения, пришедшие из неведомого мне мира? Быть может, в них отразился блеск роскоши, виденной мной во младенчестве? В моем сознании эти образы быстро поблекли, но детская память сохранила отпечаток тех давних впечатлений. Когда я заговаривала с матушкой об этих смутных воспоминаниях, она лишь отвечала, что, должно быть, моей крестной матерью была фея, которая по ночам уводила меня в волшебные дворцы.

³⁴ Известно, что английское имя Дик – это уменьшительное от Ричарда. (Примеч. автора.)

Вот и на этот раз крестная взяла меня за руку и увлекла за собой. Открыв наконец глаза, очарованные радужными видениями, я сказала маленькому пастуху:

– Ну, прощай, Дик. Завтра я уезжаю в пансион миссис Колманн. Но по четвергам и воскресеньям я буду возвращаться на ферму. Иногда я буду и сюда приходить, чтобы повидаться с тобой.

И я удалилась, даже не вспомнив о Блэке. Бедное животное, обескураженное тем, как неласково я встретила его, не могло понять, почему теперь я его так равнодушно покидаю. Пес побрел было за мной, но вскоре остановился, сел и смотрел, как я спускаюсь с холма.

Обернувшись, я бросила прощальный взгляд на этот уголок, эдем моего детства³⁵ с его кустами можжевельника, молоденькими дубами, поляной, поросшей розовым вереском, и ключом, с журчанием бьющим из земного лона и сбегающим в долину, образуя маленькие водопады. Дик прилег на землю, обстругивая ножом кору с палки; его овцы бродили то тут, то там в нескольких шагах от пастушонка; Блэк сидел между ними и мной и смотрел мне вслед печальными глазами отвергнутого друга. Я даже не додумалась позвать его и утешить, хотя бедный пес всем своим видом пытался объяснить, что он все равно любит меня. Но он не мог, подобно Дику, сказать мне, что я красива.

Так я впервые проявила неблагодарность.

Зато по отношению к Дику я не оказалась неблагодарной: напротив, как станет ясно в дальнейшем, я отплатила ему даже слишком щедрой благодарностью.

На следующий день, как и предполагалось, мать отвезла меня к миссис Колманн. В первые дни мне был оказан прием, какой обыкновенно принят при поступлении всякой новой ученицы в пансион или послушницы в монастырь. Воспитательницам было рекомендовано обходиться со мною как можно мягче. Миссис Колманн сама проводила мою мать в дортуар³⁶ и показала аккуратную белоснежную постель, только что приготовленную для меня, а также один за другим все предназначенные мне предметы туалета.

Все эти новые вещицы, означавшие для меня вехи на пути к роскоши, были выданы мне под презрительными взглядами моих будущих соучениц. И вот я, не пролив много слез, простилась с матушкой, куда более меня расстроенной разлукой.

Потом мне задали несколько вопросов, чтобы выяснить, каковы мои познания. Экзамен был кратким: я не знала абсолютно ничего, если не считать двух молитв, утренней и вечерней, предусмотренных обрядом англиканской церкви, в лоне которой я воспитывалась³⁷. Что касается письма и чтения, то о них и речи не было – я даже букв не различала, и потому мне пришлось учить алфавит в одном классе с пяти-шестилетними детьми, и это при том, что мне уже сравнялось девять и я имела претензию считаться взрослой барышней.

Это было для меня нестерпимым унижением. Впрочем, на сей раз гордыня, столь часто игравшая роковую роль в моей судьбе, принесла пользу: стыдясь своего пребывания в младших классах, я прилагала невероятные усилия, чтобы скорее догнать своих ровесниц. Через три месяца я терпимо читала и даже начала писать. Тогда меня перевели в класс арифметики и английского языка, и я посещала его месяцев семь или восемь. После этого я была переведена к так называемым старшекласницам.

Там изучали географию, историю, музыку и рисование.

Я уже добилась в этих предметах некоторого успеха, когда однажды утром в пансион примчалась моя мать и, вся в слезах, объявила, что мой покровитель граф Галифакс только

³⁵ Согласно представлениям древних евреев, перешедшим в христианство, Эдем – место блаженства, земной рай, где были сотворены Адам и Ева, некий сад, расположенный где-то в Междуречье; позднее – просто рай.

³⁶ Общая спальня для учащихся в закрытом учебном заведении.

³⁷ Англиканская церковь – государственная церковь в Англии; одна из протестантских церквей, возникших в XVI в. во время Реформации (религиозное движение в Западной и Центральной Европе, направленное против католической церкви).

что скоропостижно скончался. Он разбился насмерть, упав с лошади, и не оставил нам ничего.

Мое учение было оплачено на месяц вперед, но по истечении этого срока мать была вынуждена забрать меня из пансиона, поскольку не имела средств платить за мое образование.

Известие, что крестьяночке, чьи успехи весьма уязвляли всех этих прекрасных девиц, придется вернуться к своим овцам, вызвало всеобщее ликование среди учениц старшего класса, в числе их была и троица моих давних врагинь, сохранивших ко мне английское злопамятство. Только в младших классах некоторые мне сочувствовали – там, среди малышек, у меня были подружки. Миссис Колманн, прощаясь со мной, сделала вид, будто утирает слезу, показывая своим воспитанницам добрый пример. Но предложить мне продолжать образование бесплатно она не подумала, хотя не раз говорила, что через год-два я стану гордостью пансиона. Впрочем, она особенно любила повторять это в дни, когда матушка приезжала, чтобы внести плату вперед за очередной триместр³⁸.

И вот я покинула пансион, унося на память и в утешение все мои маленькие предметы туалета и совсем новое форменное платье, которое миссис Колманн не велела мне носить, поскольку с этого дня я уже не могла считать себя пансионеркой.

Короче говоря, расставаясь с пансионом, где было проведено полтора года, я имела начатки всестороннего образования, которое, однако же, во всех смыслах осталось незаконченным. Я умела читать и писать, с грехом пополам считала, знала кое-что из географии и истории, музицировала и рисовала настолько, насколько можно было этому научиться за три месяца занятий. Словом, кроме чтения и письма, я не приобрела никаких полезных знаний.

Чтобы направить меня на путь истинный, такого образования было мало. Зато его было более чем достаточно, чтобы толкнуть меня на дурную дорожку.

Новый удар судьбы, обрушившийся на меня, больно задел и мою мать. Как только хозяйка фермы увидела, что та вновь стала тем, чем была раньше, – всего лишь бедной вдовой, она не замедлила возвратить матушку в ее прежнее положение простой служанки.

Что до меня, то, став после своего учения в пансионе как бы наполовину барышней, я оказалась ни к чему не пригодной. Не могла же я, в своем небесно-голубом платье и соломенной шляпке, возвратиться к своему стаду и опять пасти овец, как какая-нибудь пастушка в духе Мармонтеля³⁹!

Надо было искать для себя какое-то место.

Однажды утром Эми Стронг, сестра Дика, зашла сказать мне, что стараниями ее матушки такое место найдено. Речь шла о том, чтобы в качестве няньки и воспитательницы маленьких детей войти в дом мистера Томаса Хоардена, носившего, уж не знаю почему, то же имя, что и город, где он жил. Этот господин приходился шурином последнему олдермену Бойделу⁴⁰ и отцом знаменитому хирургу с Лестер-сквер⁴¹.

Тот род занятий, что мне предлагали, не имел ничего общего с моими честолюбивыми грезами. Но надо же как-то жить, а у меня не было выбора.

Пришлось связать в узелок жалкие остатки моего имущества времен пансиона, перешить небесно-голубое платье из форменного в обычное, а коль скоро мне полагалось две-

³⁸ *Триместр* – часть учебного года (три месяца) в некоторых учебных заведениях ряда стран.

³⁹ *Мармонтель*, Жан Франсуа (1723–1799) – французский писатель, драматург и критик, по произведениям которого, отличающихся живостью языка и романтичностью, в европейских школах обучали стилистике французской литературной речи и письма вплоть до 30-х гг. XIX в.

⁴⁰ *Олдермен* – здесь: член городского совета.

⁴¹ *Лестер-сквер* – небольшая площадь в центре Лондона, к северу от Стрэнда; ее название связано с именем английского аристократа сэра Роберта Сидни, графа Лестера (1595–1677), особняк которого находился на ней.

надцать шиллингов⁴² жалованья за месяц, не считая комнаты и еды, посредством экономии я могла со временем пополнить свой убогий гардероб.

Было нестерпимо унижительно поступить почти что в служанки к Хоардену. Но таков уж был каприз божественного Случая, похоже взявшего себе привычку забавляться мною, то вознося, то снова низвергая.

Но ты знаешь, Господи, что ныне, из бездны последнего унижения, откуда мне уже не подняться никогда, я благословляю тебя, взываю к тебе всем сердцем, и это сердце так полно благодарности, как не бывало во дни моего самого блистательного возвышения!

⁴² Английская монета и денежно-счетная единица; одна двадцатая часть фунта стерлингов.

III

Я вошла в дом мистера Хоардена 20 сентября 1776 года. Мне было тогда лет двенадцать, от силы тринадцать.

Хоарден был пуританин старого закала, суровый и справедливый⁴³ во всех отношениях. Его жена тоже была женщина холодная и строгая. Малыши, о которых мне предстояло заботиться, приходились детьми их единственной дочери, умершей от воспаления легких в то время, как ее муж отправился в Америку.

Их было трое. Двум старшим уже исполнилось четыре и пять лет, третий еще находился на попечении кормилицы.

Большие часы, похожие на те, что были у дядюшки Тоби, казались неким божеством, управляющим жизнью всего дома⁴⁴. Каждую субботу, едва лишь прозвонит полдень, их заводили. Благодаря этому ритуалу, которым мистер Хоарден за мою память ни разу не пренебрег, жизнь семьи всю неделю текла размеренно и точно, словно ее приводил в движение механизм не менее точный, чем часовой.

Вы спросите меня, кто же заводил часы вместо мистера Томаса Хоардена, если его не было дома в субботний полдень? Отвечу вам: мистер Томас Хоарден никогда не забывал, что в этот день и час ему надлежит исполнить сию важную обязанность. Если утром в субботу ему было необходимо отлучиться, он возвращался домой в половине двенадцатого; когда же дела призывали его днем, он уходил из дому не раньше половины первого.

За целый год, что я провела под его кровом, я ни единого раза не видела, чтобы мистер Хоарден позволил себе хоть одно торопливое движение, повысил голос, улыбнулся или рассердился, упустил повод сделать доброе дело или совершил хотя бы малейшую несправедливость.

Миссис Хоарден была в полном смысле слова тенью своего супруга. Она напоминала мне женские фигурки, которые указывают на барометрах ясную погоду или дождь: женщину, которая входит и выходит позади своего мужа и повторяет все его движения, открывая зонт, если он его открывает в знак ненастья, и закрывая, если он его закрывает в знак солнечной погоды.

Вероятно, мистер Томас Хоарден был богат, однако за весь год мне не случилось видеть в его доме блеск иных монет, кроме тех двенадцати шиллингов, которые я получала первого числа каждого месяца. С пунктуальностью, свойственной этому семейству, сухая, цвета слоновой кости рука миссис Хоарден протягивала мне эту сумму ровно в десять часов утра.

Супругам Хоарден принадлежал весь дом целиком. Его фасад выходил на главную улицу города, а с другой стороны дома располагался сад с дорожками, посыпанными морским песком, с цветочными куртинами, окаймленными буксом, с тисами, кроны которых были подстрижены в форме пирамиды. Садовник, ухаживавший за этим маленьким садом, был очень заботлив: ни разу мне на глаза не попался ни один палый лист, ни один цветок с

⁴³ *Пуритане* – участники религиозного движения XVI–XVII вв. в Англии и Шотландии, направленного против англиканской церкви и королевского абсолютизма; создавали свои церковные общины, проповедовали аскетизм, выступали против роскоши, не признавали постов, святых, требовали отделения церкви от государства. Здесь: сторонник строгого образа жизни, строгих нравов.

⁴⁴ *Тоби Шенди* – персонаж романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767) английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768), дядя заглавного героя. Об упомянутых часах автор сообщает уже в первой главе первого тома романа: следуя установленному раз и навсегда порядку, в первый воскресный вечер каждого месяца мистер Шенди-старший заводит их, выполняя в тот же вечер и супружеские обязанности, чтобы отделаться от всех забот сразу и не думать о них до конца месяца.

надломленным стеблем. Дети там гуляли, но помнили, что играть в саду нельзя. Также они не имели права прикасаться к фруктам и цветам.

Летом Хоардены вставали в шесть часов утра, зимой – в семь. Вся семья, хозяйка и слуги, дети и кормилица, поднявшись с постели, отправлялись в молельню, где их ждала Библия со стальными застежками, прикованная к пюпитру. Мистер Хоарден открывал эту Библию, читал молитву, его жена откликнулась: «Аминь!» Он закрывал Библию, и все шли в столовую. Там был сервирован завтрак, состоящий из молочных продуктов, масла и яиц. Еще на стол ставился большой чайник, вмещавший двенадцать чашек. Каждый имел право наливать себе чая сколько угодно, однако, по молчаливо признанному всеми обычаю, никто не выпивал больше двух чашек.

За столом нас было пятеро: мистер и миссис Хоарден, двое детей и я, благодаря своей роли воспитательницы получившая право садиться за стол вместе с хозяевами. Впрочем, как мне кажется, другие слуги не слишком завидовали этой привилегии.

Как только часы издавали то характерное шипение, какое у механизмов этого рода предшествует бою, все вставали. Это движение было столь отработано, что удар часов, отбивавших полчаса, как правило, заставлял всех уже на ногах.

Точно в полдень мы снова садились за стол. Только по субботам обед запаздывал на минуту: она требовалась мистеру Томасу Хоардену, чтобы завести часы. Обед не блистал роскошеством, но был недурен. Главным напитком было пиво, но, кроме этого, каждому полагался маленький стакан бордо⁴⁵; дети получали по полстакана. Обед продолжался ровно час.

В пять часов подавали сэндвичи, ржаной хлеб, масло и какие-нибудь пирожки. На сцене вновь появлялся большой чайник – так же как утром, его содержимое являлось единственным напитком, полагавшимся нам в этот час. Подобно завтраку, эта трапеза длилась полчаса.

Наконец, в восемь часов мы ужинали. Ужин являл собой повторение обеда с той лишь разницей, что дети на нем не присутствовали. В половине восьмого им предлагали на выбор тартинки с маслом или с медом, а к восьми им полагалось уже быть в постели.

Я ни разу не слышала, чтобы они плакали – если только им не случилось упасть и сильно ушибиться.

По четвергам после завтрака запрягали в шарабан лошадь; мы с детьми и кормилицей усаживались, и кучер отвозил нас на какую-нибудь поляну неподалеку от города Хоардена.

Для всех нас это было истинным праздником – будто камень сваливался с души, и мы нежились в солнечных лучах, отогреваясь после ледяной атмосферы, царящей в доме. Даже младенец на руках у кормилицы, казалось, чувствовал то же: он в эти часы становился гораздо веселее. Пока кормилица чинно прогуливалась, мы с детьми резвились на траве, собирая цветы и гоняясь за бабочками.

Дети обожали меня, ведь я и сама, в сущности, была ребенком.

В субботу после ужина у подъезда появлялась карета. В нее садились все, за исключением садовника: он оставался в своей хижине в саду и должен был сторожить дом. Мы отправлялись в деревню. Деревней назывался большой коттедж, расположенный в двух с половиной льё от Хоардена, между Честером⁴⁶ и Флинтотом⁴⁷, на берегу реки Ди, в четверти льё от места, где она впадает в Ирландское море⁴⁸ или, точнее, в примыкающий к нему залив.

⁴⁵ *Бордо* – группа высококлассных вин, преимущественно красных столовых, производимых в районе города Бордо в Юго-Западной Франции.

⁴⁶ *Честер* – главный город графства Чешир в Уэльсе; расположен на реке Ди.

⁴⁷ *Флинт* – главный город графства Флинтшир в Уэльсе; стоит на южном берегу залива, образуемого устьем реки Ди, в 13 км к северо-западу от Честера.

⁴⁸ *Ди* – река в Уэльсе, протяженностью в 113 км; впадает в Ирландское море, образуя широкий залив.

На дорогу мы тратили два часа десять минут, никогда не больше, но и не меньше. Возница погонял лошадь трижды: первый удар кнута она получала, когда трогалась с места, второй – в середине пути, третий – приближаясь к цели.

Впервые увидев море, я была глубоко потрясена. Хотя залив, образуемый устьем Ди, узок, взойдя на пригорок, можно было увидеть морской простор. В страстном порыве я протянула руки к этой бескрайности, поразившей меня так, словно сама вечность раскрылась передо мною.

В продолжение семи теплых месяцев весны, лета и осени мы неизменно проводили за городом каждое воскресенье, посвящая его молитве и прогулкам. По воскресеньям мне полагалось гулять с детьми не только после завтрака, как по четвергам, но и после обеда.

Здесь нам для этого не требовался шарабан. Удобное расположение коттеджа на правом берегу Ди между рекой и заливом давало нам возможность выбора: отправиться ли на морской берег собирать ракушки или пойти на приречный луг за цветами. В нашем распоряжении были три четверти льё, отделяющие речной берег от морского, и на этих прогулках нам было еще вольнее и веселее, чем по четвергам на полянах близ Хоардена. В общем, на два светлых дня в неделю приходилось пять дней мрака. Никогда моя жизнь не была так четко расколота надвое.

Однажды – это было в первое майское воскресенье 1777 года около двух часов пополудни, то есть во время нашей второй дневной прогулки, – мы увидели на морском берегу красивую лодку, охраняемую не то четырьмя, не то пятью гребцами. Ее задние скамьи были устланы коврами и обложены бархатными подушками.

В нескольких шагах от лодки какой-то мужчина, присев на скамеечку, рисовал с натуры валлийскую крестьянку⁴⁹, державшую на руках ребенка. Молодая женщина, стоявшая рядом с ним, через его плечо наблюдала за тем, как продвигается работа.

Эти двое, хотя и облачившиеся в простые одежды для загородных прогулок, держались с такой элегантностью, что было не трудно распознать в них столичных жителей, лондонцев, неизвестно каким ветром занесенных во Флинтшир⁵⁰.

Мои подопечные, охваченные любопытством, со всех ног бросились к неизвестным. Я звала их, пробуя удержать, но напрасно: насколько послушными они были дома, настолько своевольными становились вне его стен, как только вырывались на свободу. Они даже не откликнулись на мои призывы и вскоре уже стояли рядом с дамой и рисовальщиком.

Те обернулись.

– Славный малыш! – сказал мужчина, кладя ладонь на голову мальчика и внимательно приглядываясь к нему. – Как ваше имя, дружок?

– Эдвард, – отвечал ребенок.

– А вас как зовут, мисс? – продолжал незнакомец, обращаясь к девочке.

– Сара.

– Не правда ли, как странно, Арабелла? – заметил рисовальщик. – Те же имена, что у моих детей!

И, помолчав, он добавил со вздохом:

– В последний раз, когда я их видел, им было столько же лет, как этим...

Задумавшись, он, кажется, совсем забыл о своем рисунке. В это время взгляд дамы случайно остановился на мне. Ее глаза так и впились в мое лицо.

⁴⁹ Уэльс (Валлис) – полуостров на западе Великобритании; населен потомками древнего кельтского населения Англии, сохранившими в известной степени свой язык и обычаи.

⁵⁰ Графство Флинтшир находится примерно в 300 км к северо-западу от Лондона.

– Право, – пробормотала она, – что за блистательное создание! Да взгляните же сюда, Ромни⁵¹!

И она положила ему руку на плечо, стараясь отвлечь от печальных мыслей. Он помотал головой, словно прогоняя горестные воспоминания.

– Что вы сказали, Арабелла?

– Я говорю, что вам лучше бы не оглядываться каждую минуту назад, а взглянуть на то, что перед вами.

Художник взглянул на меня и, казалось, остолбенел от изумления.

– Подойдите сюда, мисс, – сказала мне дама, – и позвольте нам рассмотреть вас как следует. Вы так хороши, что глядеть на вас одно удовольствие.

Мое лицо вспыхнуло румянцем стыда, но сердце так и запрыгало от радости. Это было совсем не то, что похвала маленького пастушонка, назвавшего меня красивой, или придирки взбалмошных пансионеров, которые оттого и смеялись над моей неловкостью, что я показалась им слишком красивой. Теперь леди и джентльмен, настоящие городские господа, восхищались мной, и искренне, без оговорок!

Я сама не заметила, как подошла поближе.

Художник протянул мне руку, и в ответ я подала свою.

– А что за ручка! Я не говорю о том, какова она сейчас, но какой обещает стать! Посмотрите-ка, Арабелла.

– О, будьте уверены, что я люблюсь ею с таким же наслаждением, как вы, Ромни. Благодарение Богу, я не завистлива. Вы разрешите узнать ваше имя, мисс?

– Меня зовут Эмма, сударыня, – отвечала я.

– А сколько вам лет? – спросил художник.

– Должно быть, около четырнадцати, сударь.

– Как? Вы не знаете собственного возраста?

– Матушка никогда не называла мне его точно.

– Право же, это наверняка дочь какой-нибудь герцогини, – заметил Ромни.

– Нет, милорд, – возразила я. – Моя мать простая крестьянка.

– А эти малыши, – спросила дама, – они ваши брат и сестра?

– Нет, миледи, меня взяли в дом их дедушки, чтобы я заботилась о них и обучала их чтению и письму.

Склонясь к художнику, дама шепнула ему на ухо:

– Подумать только, Ромни, какую карьеру она бы сделала в Лондоне с таким-то личиком!

– Замолчите, искусительница! Вы же погубите девочку!

Он обернулся ко мне:

– Мисс Эмма, не соблаговолите ли вы оказать мне величайшую любезность?

– Охотно, сударь, – отвечала я. – А какую?

– Потерпите минут пять, сделайте милость, чтобы я мог сделать с вас набросок.

– С удовольствием, сударь.

– В таком случае оставайтесь в том же положении, как и сейчас.

Я замерла. Он слегка повернулся на своей скамеечке, и меньше чем минут за десять прелестная акварель была готова.

⁵¹ Ромни, Джордж (1734–1802) – известный английский художник-портретист. Не имея возможности получить профессиональное образование, он в течение четырех лет был учеником странствующего художника, а в возрасте девятнадцати лет поселился в Лондоне и через некоторое время добился первых успехов. Широкую известность Ромни приобрел во второй половине 70-х гг., после возвращения из Италии, где он провел два года. Ромни познакомился с Эммой в 1782 г. и вскоре написал, используя ее как натурщицу, около пятидесяти картин на мифологические и литературные сюжеты; эти произведения считаются лучшими его работами.

Пока он работал, я с жадностью следила за каждым движением его кисти.

Закончив, художник показал мне набросок:

– Вы узнаете себя?

– О, – вскричала я, вновь краснея, на сей раз от удовольствия, – этого не может быть, я не настолько красива!

– Вы еще в тысячу раз лучше! Но знаете, Арабелла, для того чтобы передать эту прозрачность кожи, воспроизвести блеск этих влажных глаз, эту пышную волну волос, нужны масляные краски... Приезжайте-ка в Лондон, мисс! Когда жизнь в провинции вам наскучит, за один-единственный час, если вы сообразовите мне его уделить, я заплачу вам столько же, сколько вы получаете за год воспитания этих двух ребятишек.

– После этого попробуйте назвать меня искусительницей, Ромни!

– Вы тоже можете что-нибудь предложить ей, Арабелла, я не стану вам мешать.

– Если вы приедете в Лондон, мисс, и если согласитесь удовлетвориться местом компаньонки с жалованьем десять фунтов в месяц, я буду счастлива взять вас к себе... Ромни, дайте-ка мне листок бумаги и карандаш.

– Что вы собираетесь делать?

– Дать этой прелестной крошке свой адрес.

– Зачем? – обронил Ромни, пожимая плечами.

– Кто знает, – промолвила Арабелла.

– И у вас хватит отваги, чтобы держать при себе такую красавицу?

– Почему бы и нет? – с вызовом отвечала дама. – Я из тех, кто ищет сравнений, вместо того чтобы бегать от них.

И, повернувшись ко мне, она прибавила:

– Вот мой адрес, мисс. Сохраните его на всякий случай.

На бумаге было написано: «*Мисс Арабелла*⁵², *Оксфорд-стрит*, 23»⁵³. Я взяла ее, не совсем понимая, что мне с ней делать, да, собственно, и не собираясь ее использовать. Но, может быть, и Ева некогда так же взяла яблоко, вовсе не имея намерения его съесть.

– Идемте, Ромни, – произнесла молодая женщина, увлекая художника к лодке. – Нас ждут в Парк-Гейте через час, а надо еще пересечь весь пролив.⁵⁴

Художник встал, бросил золотую монету к ногам крестьянки, позировавшей ему, и, проходя в двух шагах от меня, проговорил:

– Приезжайте в Лондон, мисс, вам там будет хорошо... а если не приедете, будет еще лучше. А пока, – он махнул рукой, – прощайте... или до свидания!

– До свидания! – крикнула Арабелла, садясь в лодку.

И хрупкая посудина стремительно заскользила по воде, гонимая усилиями четверых гребцов.

Погруженная в глубокую задумчивость, я двинулась с детьми к дому.

⁵² *Мисс Арабелла* – возможно, речь идет об английской актрисе Мери Робинсон, в 1780–1782 гг. содержанке принца Уэльского, будущего Георга IV. Наследник английского престола принц Уэльский Георг (1762–1830); в 1811–1820 гг., во время болезни своего отца Георга III, – регент Англии; в 1820–1830 гг. король под именем Георга IV; был известен распутным образом жизни.

⁵³ *Оксфорд-стрит* – одна из центральных торговых улиц Лондона, проложенная на месте древней римской дороги в сторону города Оксфорда; как улица, фигурирует на картах с 1724 г.

⁵⁴ *Парк-Гейт* – поместье на северном берегу залива реки Ди, примерно в 5 км от ее устья, напротив Флинга.

IV

Здесь уместно вспомнить, как поразили мое воображение слова Дика, когда он упомянул о большом зеркале в золоченой раме, в котором я увижу себя с головы до ног. Если такого замечания было достаточно, чтобы фантазия тотчас унесла меня в волшебные дворцы феи Морганы⁵⁵, легко представить, какие безумные видения закружились в моем мозгу после разговора с художником и его прекрасной спутницей.

Я не поняла и половины тех слов, которыми они обменивались между собой, да и тех, с которыми они обращались ко мне. Но я, тем не менее, поняла, что художник обещал мне пять фунтов за каждый сеанс, если я стану ему позировать, а мисс Арабелла предлагает десять фунтов в месяц, если я соглашусь быть ее компаньонкой. Короче, оба заверили меня, что в Лондоне я тотчас разбогатею.

Конечно, место компаньонки у женщины, чье положение в обществе, как мне показалось, несколько двусмысленно, не назовешь особенно почетным. Но для меня, дочери бедной служанки с фермы, для меня, бывшей овечьей пастушки, незадачливой пансионерки из заведения миссис Колманн, а ныне воспитательницы, получающей четыре пенса в день за свои занятия с детьми у мистера Томаса Хоардена, – для меня возможность получать сто фунтов в год вместо нынешних семи-восьми была большим шагом вперед к грядущему благоденствию.

И потом, само это магическое слово – Лондон! Город, о котором все говорят, куда все рвутся, средоточие всех честолюбивых порывов, устремленных туда, подобно тому как все реки стремятся к морю... Лондон! Просто попасть туда – ведь и это одно уже немало. Оказаться в столице, где полтора миллиона жителей, вместо того чтобы прозябать во флинтширском городишке, затерянном среди гор Уэльса, у пустынных и мрачных песчаных берегов Ирландского моря!

Когда в понедельник утром мы возвратились в дом мистера Томаса Хоардена, это угрюмое жилище показалось мне особенно скучным и неприятным.

А тут еще произошел случай, усиливший мое уныние. В следующий четверг я, по обыкновению, повела детей играть на лужайке. Я говорю «повела играть», потому что я сама уж больше не играла с ними. Присев на поваленное дерево, я предалась мечтам о большом незнакомом городе, куда влекли меня все мои желания. Вдруг я услышала шум шагов и голоса.

Я подняла голову: ко мне приближались девицы из пансиона.

С тех пор как я покинула его, случай ни разу не столкнул меня ни с одной из воспитанниц. Но сегодня он будто в отместку послал мне их всех.

Я поднялась, чтобы приветствовать миссис Колманн. Она же едва соблаговолила меня узнать. Не произнеся ни единого слова, она лишь удостоила меня едва заметным кивком.

Зато мои три врагини не преминули доказать, что у них хорошая память. Проходя мимо меня, старшая, которую звали Кларисса Демби, сказала своей приятельнице Кларе Саттон:

– Смотри-ка, это же наша прежняя соученица Эмма Лайонс. Похоже, воспитывая детей, она преуспела не больше, чем тогда, когда пасла овец. Ведь на ней все еще платье нашего пансиона!

И обе покатались со смеху.

⁵⁵ *Фея Моргана* – персонаж средневековых рыцарских романов, восходящих к древним уэльским и бретонским сказаниям о легендарном короле бриттов Артуре и его рыцарях: добрая (иногда, напротив, злая) волшебница, сестра короля Артура.

Некоторые из младших учениц тоже меня узнали, но только одна покинула подруг и подбежала, чтобы поцеловать меня. Это была Фанни Кэмпбелл, дочь сержанта морского флота.

Двадцать два года спустя этот поцелуй спасет жизнь ее брату.

Но сейчас поцелуй не мог заставить меня забыть горечь только что перенесенной обиды.

Действительно, я до сих пор ходила в платье пансионерки. Я так берегла свой воскресный наряд, что он был все еще цел, и, значит, могла, ничего не тратя, снова и снова откладывать свое ежемесячное жалованье – всякий раз по двенадцать шиллингов.

Это было мое сокровище, залог будущей свободы.

С тех пор как я поступила в услужение к мистеру Хоардену, мне удалось скопить шесть фунтов. Свои драгоценные шесть золотых я прятала в своей комнате, в ящике комода, а ключ от него постоянно находился при мне – совершенно излишняя предосторожность: в доме Хоардена можно было бы оставить без присмотра хоть знаменитый бриллиант Великий Могол⁵⁶ и нисколько не опасаться, что кто-либо покусится на него.

Да, я все еще носила то же платье, Кларисса Демби сказала правду. Но если я уеду в Лондон, если стану компаньонкой мисс Арабеллы и буду получать десять фунтов в месяц, да еще если мистер Ромни будет платить мне по пять за каждый сеанс, когда я стану позировать ему, о, тогда я смогу менять наряды раз, нет – два раза в месяц, нет – каждую неделю.

Никогда еще соблазн не впускал своих когтей так глубоко в женское сердце, как в те минуты, когда я вытащила спрятанный у меня на груди листок бумаги и раз десять повторила:

– Мисс Арабелла, Оксфорд-стрит, двадцать три.

Теперь я могла потерять эту бумажку: адрес уже был запечатлен в моем мозгу так неизгладимо, словно то была надпись, выбитая на камне.

Вернувшись в дом, я застала там новое лицо. Это был сын хозяина, мистер Джеймс Хоарден, тот самый хирург с Лестер-сквер, о котором я уже упоминала.

Он приехал из столицы и собирался погостить в отчем доме неделю. Стало быть, целую неделю я смогу слушать рассказы о Лондоне!

Моя внешность произвела на него такое же поразительное впечатление, как и на других. Он расспрашивал меня о моей семье, задавал и вопросы, касающиеся меня самой, в частности о том, что я собираюсь делать дальше и почему не еду в Лондон. Он обещал, что сам постарается подыскать мне подходящее место. Но потом, когда мое сердце уже так колотилось от восторга и неистовых надежд, что готово было выпрыгнуть из груди, он вдруг взгляделся в мое лицо с особенным выражением тревожного интереса и пробормотал:

– Хотя нет, право же, лучше бы вам не ездить туда.

Я просто умираю от желания расспросить его обо всем, но не осмеливалась сделать это в присутствии мистера Хоардена. Однако случаю было угодно, чтобы тот как раз куда-то вышел.

Едва лишь дверь закрылась за ним, с моих уст как бы само собой сорвались слова:

– Вы знаете мистера Ромни?

– Какого Ромни? – удивился мистер Джеймс Хоарден.

– Художника, – отвечала я.

– Ну, кто ж его не знает? Ромни – величайший портретист нашего времени.

И прибавил, пожав плечами:

⁵⁶ Имеется в виду бриллиант редкой красоты и огромной величины; был найден в Индии и до огранки весил 787,5 карата, а после ее – 280 каратов (единица массы драгоценных камней карат равен 0,2 г); принадлежал Великим Моголам – мусульманским властителям Северной Индии.

– Какая жалость...

Он не закончил фразы.

Я смотрела на него, спрашивая взглядом о том, о чем не решалась спросить вслух.

– Да, – сказал он, – весьма жаль, что подобная гениальность сочетается со столь ужасной безнравственностью! У него была чудесная жена, двое очаровательных детей, а он покинул их, окружает себя актрисами и куртизанками, которые истощают его здоровье и кошелек. Правда, верно и то, что он ничего не жалеет для искусства. Он способен платить натурщице двадцать пять фунтов стерлингов, если эта натурщица наделена достаточно оригинальной красотой. Но откуда вы-то знаете Ромни?

– Я с ним не знакома, – ответила я, краснея. – Просто когда я училась в пансионе, там была одна воспитанница, которая с ним в родстве.

Тут вошел мистер Хоарден и я умолкла. Суровый пуританин, несомненно, нашел бы неуместным, что я веду с его сыном разговор на подобные темы.

Больше я не заговаривала с мистером Джеймсом Хоарденом о Ромни: я уже узнала то, что мне было нужно. Ведь мистер Хоарден сказал, что этот художник способен платить двадцать пять фунтов стерлингов модели, если она одарена выдающейся красотой.

Что касается мисс Арабеллы, то я остереглась заводить о ней речь. Мне не хотелось узнать, кто она, ведь пока я точно не знала этого, ничто не мешало мне принять ее предложение.

Впрочем, не случайно же всякий, кто впервые видел меня, прежде всего говорил, что я должна поехать в Лондон. Хотя верно и то, что, поразмыслив, они начинали сомневаться в разумности такого совета.

Да что же в Лондоне такого ужасного? Среди полутора миллионов столичных жителей есть ведь и двести-триста тысяч девушек моего возраста. Неужели все они обречены на погибель только потому, что живут в Лондоне?

Через неделю мистер Джеймс Хоарден уехал. Его интерес ко мне за время пребывания в родительском доме не остыл, а усилился. Прощаясь со мной, он сказал, что, если когда-нибудь я приеду в Лондон, чего он мне не желал бы, он просит меня не забыть навестить его.

Он мог бы не опасаться, что я забуду о нем: его адрес уже был запечатлен в моей памяти рядом с адресом мисс Арабеллы.

Судьбе было угодно, чтобы несколько дней спустя после его отъезда, отправившись к некоей родственнице Хоарденов, у которой как раз гостили мои воспитанники, я набрела на тот самый магазин, где торгуют зеркалами, о чем Дик говорил мне лет пять-шесть тому назад.

Я вздрогнула, увидев себя целиком, с головы до пят, в одном из зеркал, выставленных на его витрине. Сама того не желая, я замерла перед собственным изображением, словно зачарованная им.

Вдруг я почувствовала, как кто-то тронул меня за плечо. Обернувшись, я узнала Эми Стронг, с которой мы не встречались уже около года.

Она была одета без особой изысканности, однако гораздо лучше, чем позволяло ее положение. Поэтому я посмотрела на нее с удивлением. Поняв, что я сейчас начну ее спрашивать, она поспешила заговорить сама, не давая мне времени опомниться:

– Что ты здесь делаешь?

Я рассмеялась:

– Ну ты же сама видишь.

– Вижу: любишь себя в зеркале. Ты считаешь себя красивой, и тут ты права. Хотелось бы мне быть такой красавицей, уж я бы тогда знала, что делать.

– И что бы ты сделала?

– О, меня бы только и видели в Уэльсе!

– Куда же бы ты направилась?
– В Лондон, конечно. Все говорят, что с красивым личиком в Лондоне может повезти. Поезжай туда, а как станешь миллионершей, возьми меня к себе горничной.

Я вздохнула:

– Будь моя воля, я бы уехала.

– Что же тебе мешает?

– А как ты себе это представляешь? Отправиться в такое путешествие одной, в моем возрасте?

– Ну, если тебе недостает только попутчицы, я к твоим услугам.

Я посмотрела на нее:

– Ты это серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Но чтобы добраться до Лондона, нужно много денег.

– Наоборот, это совсем не дорого. Достаточно одного фунта, это точно – я справлялась в Честере. Одно место внутри дилижанса стоит фунт, за два фунта мы получим два места и через три дня будем уже в Лондоне.

– А твоя мать?

Эми скорчила гримаску:

– Мать? Мы с ней не ладим с тех пор, как я ушла с фермы.

– Как, ты больше не работаешь у миссис Риверс? (Так звали хозяйку фермы, где Эми была прислугой.)

– Нет... Да ладно, лучше я тебе скажу все как есть. Видишь ли, ее сын Чарли – он гардемарин⁵⁷ – приехал ее навестить. Ну, и пока гостил у мамыши, стал за мной ухлестывать. А я, честно-то говоря, не слишком спорила: по мне, Чарли – парень видный. Но его мамаше это не понравилось, и она выставила меня за дверь. Тогда Чарли решил, что его долг как-то возместить мне потерю места, ведь прогнали меня по его вине. Перед тем как вернуться на корабль, он дал мне пятнадцать фунтов. Пять из них пошли на покупку одежды, без этого мне было никак не обойтись. Но осталось еще десять. Хочешь, поедем в Лондон вместе? Тогда пять фунтов я тебе дам... О, ты мне их вернешь, тут уж беспокоиться не о чем.

– Спасибо тебе, Эми, – отвечала я, – но я почти так же богата, как ты; у меня есть семь фунтов.

– У тебя семь, у меня десять – стало быть, семнадцать фунтов на двоих! С этим можно пуститься вокруг света... не говоря уж о том, что есть еще Чарли, который служит на флагманском корабле...

– О, – вздохнула я, – если бы я могла быть уверена...

– Уверена в чем? – заинтересовалась Эми.

– В том, что одна леди, которая дала мне свой адрес, уже возвратилась в Лондон.

– Как? Есть леди, к которой ты сможешь обратиться?

– Да.

– В Лондоне?

– Да.

– А для чего она дала тебе адрес?

– Она хочет взять меня к себе в компаньонки. Будет платить десять фунтов в месяц.

– Десять фунтов в месяц? И ты еще можешь колебаться?

– Говорю тебе, я встретила ее всего лишь недели две назад на морском берегу неподалеку от коттеджа мистера Хоардена.

⁵⁷ В английском флоте кон. XVIII в. молодой человек, готовящийся к экзамену на первый офицерский чин и проходящий морскую практику на военном корабле.

– А где она жила?

– Я слышала, как они упоминали о Парк-Гейте.

– Они упоминали? Так эта леди была не одна?

Она была там вместе с художником. Он, со своей стороны, обещал, что, если я соглашусь позировать ему, он будет мне платить пять фунтов за час.

– Каково! Тебе подвернулась леди, готовая выложить десять фунтов в месяц, если ты станешь ее компаньонкой, да вдобавок еще художник, который собирается платить пять фунтов за сеанс, и ты от всего этого отказалась?... Будь ты католичкой, я бы подумала, что ты хочешь быть причислена к лику святых... Ну же, Эмма, поедem! Ты сперва разбогатеешь сама, а там и мне поможешь сколотить состояние.

– Если бы можно было сначала выяснить, находятся ли они сейчас в Парк-Гейте или уехали...

– Нет ничего легче.

– Но каким образом?

– Ты забываешь, что у нас еще есть Дик, которому тоже охота выбраться в Лондон. И, помимо всего прочего, разве мы не богаты? По каким дням ты бываешь за городом со своими господами?

– Каждое воскресенье.

– Назови мне имена твоего художника и этой дамы.

– Художника зовут мистер Ромни, а ее мисс Арабелла.

– Ромни... мисс Арабелла... Справиться о них в Парк-Гейте... Будь спокойна, я ничего не забуду. В субботу вечером я поеду с Диком в Честер, а в воскресенье в десять утра буду прогуливаться по морскому берегу. Мы там встретимся, и я сообщу тебе все, что узнаю.

– Но что же станет с Диком? Ведь из-за всего этого он может потерять работу!

– Вот еще! Да он уж давно не пасет овец!

– Тогда чем же он занимается?

– В точности не знаю... Наверное, немножечко контрабандой...

– Ах! Мой Бог! Но контрабандистов ведь ссылают на каторгу!

– Да, но для этого раньше надо их поймать. А Дик хитрый, он никому не позволит поймать его. А так как в наших местах он становится известен, то он не прочь перебраться куда-нибудь еще. Стало быть, до воскресенья?

– До воскресенья! Но я тебе пока ничего не обещаю.

– Кто тебя просит что-нибудь обещать? Когда прибудем на место, там уж посмотрим. Как бы то ни было, не забудь захватить с собой деньги и дорожную сумку.

И она удалилась легкой беспечной походкой, по которой можно было догадаться, что для нее-то все сомнения уже позади.

Я постояла немного в задумчивости и отправилась своей дорогой, бросив прощальный взгляд в зеркало.

К несчастью, оно дало мне тот же совет, что и Эми Стронг!

V

По обыкновению, в следующую субботу в тот же час, как в субботу предыдущую, семейство отправилось за город; лошадь получила три привычных удара кнутом, и по истечении двух часов десяти минут мы вышли из кареты.

Я не забыла предписаний Эми: захватила с собой семь фунтов с прибавлением тех двенадцати шиллингов, что мистер Томас Хоарден вручил мне накануне; вот только дорожной сумки мне не понадобилось: для моих пожитков хватило простой салфетки, связанной крест-накрест за уголки.

Трудно описать те чувства, что охватили меня, когда я переступила порог дома, который мне, вероятно, не суждено было больше увидеть, и где, может быть, я проведу последнюю ночь, чтобы затем тайно исчезнуть, уподобившись беглянке, устремившейся куда глаза глядят навстречу неведомому миру, и вверив себя попечению такого переменчивого божества, каким является Случай.

Поскольку мое бегство еще не было делом окончательно решенным, я пыталась представить все препятствия, которые мне нужно преодолеть; к несчастью, они были не такого рода, чтобы охладить столь воспаленную голову, как моя. Комната, где спали дети и я, располагалась на первом этаже и выходила окнами в сад; из сада через калитку можно было пробраться на песчаную отмель, где меня ожидали бы Эми и Дик, поскольку, в отличие от меня, за ними никто не надзирал.

На другой день в условленный час я прогуливалась с детьми по побережью, Дик и Эми ожидали меня именно в том месте, где за месяц до того я повстречала мистера Ромни и мисс Арабеллу.

Вот уже три недели, как они покинули Парк-Гейт, и никто не мог сказать, куда они уехали; правда, поскольку они велели доставить их до Честера, было весьма вероятно, что они отправились в Лондон.

К тому времени я еще не пришла ни к какому решению, но Эми считала, что нам надо уезжать, и Дик был того же мнения; ему еще более, чем сестре, не терпелось расстаться с берегами Ирландского моря.

Итак, поскольку из нас троих двое склонялись к отъезду, мнение большинства возобладало.

Лондонский почтовый дилижанс отправлялся на следующий день в шесть часов утра, и Эми заблаговременно заплатила за два места в карете для нас с ней и за одно на империале⁵⁸ – для брата.

Итак, в полночь – ранее отлучиться было нельзя – Эми и Дик подойдут к садовой калитке; затем на лодке мы доберемся до Честера и будем на месте, по крайней мере, за час до отправления coach-post⁵⁹.

Когда мы обо всем договорились, Эми с братом ушли.

День протек как обычно, без каких-либо отклонений от заведенного порядка. Я и после замечала, что ничто не проходит так быстро, как часы, заполненные повседневными делами, а вернее сказать, стоит такому дню завершиться, как кажется, что он пролетел быстрее всех прочих, ибо воспоминания о нем, не отмеченные никакими происшествиями, ничем выдающимся, стираются в памяти, растворяясь в монотонной серости жизни без радостей и печалей.

⁵⁸ *Империал* – здесь: верхняя часть дилижанса, с местами для пассажиров.

⁵⁹ Почтовый дилижанс (*англ.*).

Наступил вечер; детей уложили в привычное время, я отправилась ужинать с мистером и миссис Хоарден, а ровно в десять часов снова оказалась в своей комнате.

Ранее я позаботилась принести туда перья, бумагу и чернила, ведь мне предстояло написать два письма: одно мистеру Хоардену, а другое – матери.

Мистера Хоардена я благодарила за его доброту ко мне, заверяя, что никогда не забуду год, который имела счастье провести под его кровом, хотя некое стремление, более властное, нежели сила воли, увлекает меня в призрачную страну, что называется Лондоном; на этом пути я вверяю себя его молитвам и молитвам его супруги, уподобившись моряку в утлой лодчонке, отдавшемуся на волю неведомой морской стихии.

Матушке же я сообщила, что нашла в Лондоне превосходное место у богатой дамы – имени ее я не стала упоминать, – где мне будут платить десять фунтов в месяц, и поэтому отправляюсь в столицу. Я прибавила, что, если место окажется действительно таким, какое мне было обещано, я не замедлю доказать, сколь глубоко я признательна ей за все ее прошлые заботы. Наконец я завершила послание, признавшись – и отнюдь при этом не солгав, – что я ничего не говорила ей о столь заманчивом предложении и даже не повидалась с ней, чтобы попрощаться, так как опасалась утратить всякую смелость и решимость уехать. Это бы неизбежно произошло, едва только я очутилась бы в ее объятиях.

Кончив, я запечатала письма, написала адреса и несколько успокоилась.

В любом другом доме я могла бы опасаться, что хозяева лягут спать позже обычного или какой-нибудь работник в саду узнает меня, но вся жизнь в доме Хоарденов была упорядочена с такой пунктуальностью, что со мной не могло приключиться что-либо непредвиденное.

Я услышала, как пробило одиннадцать, потом половину двенадцатого на часах в столовой, столь же выверенных, как и те, что висели в городском доме, с той только разницей, что заводили их не в субботний, а в воскресный полдень.

Подождав еще минут десять, я расцеловала лежащих в кроватках детей (они засыпали с таким завидным постоянством и неуклонностью, что одно это могло недвусмысленно свидетельствовать об их родстве с мистером Хоарденом), затем отворила окно и выскользнула в сад, постаравшись если не закрыть створки, то, по крайней мере, как можно теснее их сблизить.

Под окном мне пришлось немного задержаться. Хотя мне нечего было особенно бояться, сердце мое билось так сильно, что мне нужно было перевести дух. К тому же стояла непроглядная мгла, а с тех пор как я поселилась у Хоарденов, меня снова стали посещать младенческие страхи перед темнотой, хотя я вовсе не знала их, когда жила на ферме и проводила все дни в горах.

Но прошло несколько мгновений, и страх, связанный более с самим моим деянием, нежели с обстоятельствами его свершения, улетучился, глаза привыкли к темноте, дорожку, посыпанную светлой галькой, я хорошо различала: она бежала у меня под ногами, как длинная серая лента, и привела меня прямо к калитке в садовой ограде, выходящей к морю.

Я бросилась к ней, но, добежав, остановилась: мне показалось, что за стеной кто-то разговаривает. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ведь Дик и Эми ждали меня с той стороны. Отдышавшись, я вполголоса спросила:

– Это ты, Эми?

Та откликнулась, и я услышала, как она сказала Дику:

– Она все-таки пришла.

Из этого можно было заключить, что молодые люди опасались, как бы я не изменила данному обещанию.

Пока что я отомкнула калитку, для чего оказалось достаточно повернуть в скважине ключ. По правде говоря, никогда бегство, которому суждено было привести к таким необычным последствиям, не заключало в себе столь мало романтических подробностей.

Итак, за калиткой стояли Эми и Дик. Я заметила, что Дик вооружен карабином и парой пистолетов. Он стал уже здоровым восемнадцатилетним парнем, был силен и выглядел смелым и решительным.

Калитку мы захлопнули, Дик закрыл ее снаружи на ключ, чтобы после нашего ухода никто не смог проникнуть в сад, а ключ перебросил через ограду.

В нескольких шагах отсюда нас ожидала маленькая лодка, вытасенная на песок; Эми и я забрались в нее, а Дик столкнул ее в воду, ловко вспрыгнул в нее, тотчас взялся за весла и принялся энергично грести.

Насколько я помню, все это происходило в одну из прекраснейших июльских ночей 1777 года; именно тогда – в ночь с 15-го на 16-е – я покинула мирный дом, чтобы никогда туда не вернуться, оставив позади себя воспоминания о невинной юности. В то прошлое я отныне могла возвращаться только в своих мечтах, повторяя вслед за Франческа да Римини⁶⁰:

... Тот страждет вечной мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи...⁶¹

С той ночи прошло уже тридцать семь лет, но, когда я закрываю глаза и погружаюсь в мысли о минувшем, мне кажется, что все произошло только вчера, так отчетливо я вижу лица и предметы, врезавшиеся тогда мне в память.

Небо было черным, но лишь из-за новолуния; тысячи звезд блистали в темной лазури; дом мистера Хоардена, вдоль которого мы бесшумно скользили, оставляя за собой на воде легкую, исчезающую почти за самой кормой борозду, вырисовывался огромной серой громадой справа от нас; за нашей спиной на холме, возвышавшемся недалеко от отмели, откуда мы отчалили, догорал костер, а впереди по курсу в каком-то недоступном глазу хуторе лаяла собака.

Примерно в три часа мы причалили к противоположному берегу залива. Дик подвел лодку к маленькому шлюпу, стоящему у берега.

На его окрик показались два человека; он обменялся с ними несколькими словами, передал им свое оружие, пожал руку одному, обнял другого, соскочил на берег и подал нам руку, помогая выйти из лодки. На том прощание завершилось.

Мы пошли по дороге, ведущей к Честеру: от отмели, к которой мы пристали, нам предстояло пройти около одного льё. Для таких деревенских жителей, как мы, одно льё – это пустыки. Свой сверточек я несла сама, а узел Эми, потяжелее моего, взял Дик, по всей видимости не располагавший ничем, кроме того, что было на нем.

В Честер мы пришли на рассвете. Дик отвел нас в некое подобие таверны, расположенной рядом с конторой дилижансов. Эми и я взяли там по чашке молока; Дик, далее нас ушедший от пасторальных привычек, заказал стакан джина. Так кое-как мы провели час, и ровно в шесть уже сидели в экипаже.

⁶⁰ *Франческа да Римини* – персонаж «Божественной комедии» Данте, первая душа, заговорившая в Аду с лирическим героем поэмы. Историческая Франческа да Римини была дочь Гвидо да Полента-старшего, синьора Равенны. Около 1275 г. по политическим расчетам ее выдали замуж за Джанчотто Малатеста, синьора Римини, хромого и уродливого. Она влюбилась в Паоло, красивого брата мужа. Синьор Римини убил обоих любовников (между 1283 и 1286 гг.).

⁶¹ Данте, «Ад», V, 121–123. Перевод М. Лозинского. Эти знаменитые строки восходят к трактату римского философа и государственного деятеля Боэция (ок. 480–524) «Об утешении философией», написанному им в ожидании смертной казни по обвинению в заговоре против короля ост-готов Теодориха, приближенным которого он был.

В дороге с нами не случилось ничего, о чем бы стоило здесь рассказывать. Мы миновали большие английские города: Личфилд⁶², Ковентри⁶³, Оксфорд⁶⁴ – и на третий день в четыре часа пополудни прибыли в Лондон.

У Дика был припасен адресок непритязательной гостиницы, хозяину которой он собирався шепнуть на ухо несколько слов, после чего нам был бы обеспечен благожелательный прием: содержатель заведения, кажется, был знаком со всеми контрабандистами побережья.

Гостиница располагалась на маленькой улочке Вильерс⁶⁵, упиравшейся одним концом в Темзу, а другим – в Стренд⁶⁶.

Признаюсь, мое первое знакомство с городом внушило мне скорее страх, нежели любопытство. Несшиеся во все стороны экипажи; шум, способный заглушить даже гром небесный; ошалелые пешеходы, все куда-то спешившие: они не шли, а почти бежали; даже воздух, из чистого и пронизанного светом, каким он казался на всем нашем пути к столице, сделавшийся здесь густым и пыльно-серым; наконец, жалкая гостиница, куда привело нас наше трехсуточное путешествие, – все это не отвечало моим сокровенным грезам, золотистый отблеск которых окрашивал жизнь в поэтические тона.

Дик снял комнату для Эми и меня; я была истерзана чувством неизвестности, ведь было неясно, в Лондоне ли мисс Арабелла, а потому, наскоро приведя себя в порядок и оставив Эми отдыхать, я взяла под руку Дика и попросила проводить меня на Оксфорд-стрит. Дик не более меня знал о расположении улицы, являвшейся средоточием моих надежд, но он стал расспрашивать прохожих, причем на каждом углу, и в конце концов мы менее чем за четверть часа достигли Оксфорд-стрит.

Номер «23» красовался на двери очаровательного особняка, за парадным двором которого можно было рассмотреть сквозь решетку роскошную зелень сада.

У внушительной двери чинно стоял швейцар в великолепной ливрее.

Не без страха я обратилась к господину, выглядевшему столь величественно, и слабым, прерывающимся от волнения голосом спросила, в Лондоне ли мисс Арабелла.

– Что вам угодно от ее милости? – спросил швейцар.

– Около месяца назад я имела честь повстречать мисс Арабеллу в Честере, – ответила я. – Она велела мне навестить ее в Лондоне, и вот адрес, который она сама мне дала.

Швейцар дернул за шнур; раздался звон колокольчика, и ко мне спустилась дама лет сорока, видимо экономка.

– Поговорите с девушкой, миссис Нортон, – проронил швейцар и снова застыл в торжественной неподвижности.

Я повторила экономке то же, что сказала швейцару, и показала ей бумажку с адресом. Она прочла ее и покачала головой:

– Действительно, почерк ее милости. Но, к несчастью, ее нет в Лондоне.

– Ах, Господи, где же она? Ведь я приехала специально для того, чтобы с ней встретиться!

⁶² *Личфилд* – город в центральной части Англии, в графстве Стаффордшир.

⁶³ *Ковентри* – крупный город в центральной части Англии, в 140 км к северо-западу от Лондона.

⁶⁴ *Оксфорд* – старинный университетский город в 90 км к северо-западу от Лондона, административный центр графства Оксфордшир.

⁶⁵ Улица Вильерс ведет от Стренда к реке в юго-восточном направлении; названа в честь знаменитого Джорджа Вильерса, герцога Бекингема (1592–1628), фаворита и министра английских королей Якова I (1566–1625; правил с 1603 г.) и Карла I. Карл I Стюарт (1600–1649) – английский король с 1625 г., казненный во время Английской революции по приговору специально созданного Верховного судебного трибунала.

⁶⁶ *Стренд* – одна из самых старинных (упоминается с 1218 г.) центральных улиц Лондона; тянется параллельно Темзе, проходя через квартал театров и дорогих магазинов.

– Последнее полученное от нее письмо помечено Дувром⁶⁷, в нем она оповестила нас, что отправляется во Францию.

Сердце мое сжалось от этого первого разочарования, и я спросила:

– А не подскажете ли вы, когда можно ожидать ее возвращения?

– Не могу сказать. Но, возможно, ее милость будет здесь к началу скачек.

– А на какое время назначены скачки?

– Они пройдут с пятнадцатого по двадцать пятое августа.

– Так что же делать? – спросила я, обернувшись к Дику.

– Ждать, черт подери! – отвечал тот.

– Если мисс угодно написать свое имя, – предложила экономка, – как только ее милость прибудет из Франции, мы сообщим ей.

– Охотно.

Я вошла в привратницкую и написала на листке бумаги: «Эмма Лайонна»⁶⁸.

– Будьте так любезны, – прибавила я, – передайте мисс Арабелле, что я та самая девушка, которую она повстречала в Уэльсе, на берегу моря, и дала свой адрес, посоветовав приехать к ней в Лондон.

– А где вас можно найти, если ее милость пожелает отыскать вас?

– Я пока ничего не могу сказать, я не знаю, что со мной будет.

– Пока что, – вмешался Дик, – мы подождем ответа в...

Но я оборвала его, понимая, что название гостиницы не прибавит уважения к нашим особам.

– А пока что, – сказала я, – обо мне можно будет навести справки у мистера Джеймса Хоардена, хирурга с Лестер-сквер. Если вам угодно, я припишу его адрес под своим именем.

– Не стоит! Именно он вылечил Тома, когда тот сломал ногу.

– Спасибо... А теперь, – обернулась я к Дику, – будьте так добры, сопроводите меня к мистеру Хоардену.

Дик осведомился о том, как пройти до Лестер-сквер, и, выяснив, что идти нам недалеко, мы отправились туда.

⁶⁷ Дувр – портовый город на юго-востоке Англии, у пролива Па-де-Кале; из него отправляются суда во Францию (в Кале и Булонь).

⁶⁸ Героиня Дюма, движимая честолюбивыми помыслами, преобразовала заурядную фамилию «Лайонс» (англ. Lions, аналогичное русской фамилии «Львова») в несколько претенциозное и редкое имя «Лайонна» (букв.: «Львица»).

VI

Мистера Джеймса Хоардена тоже не оказалось дома, но он должен был вернуться к семи часам, а так как часы показывали уже половину шестого, мне предложили его подождать.

Я попросила Дика вернуться в гостиницу, поскольку та находилась недалеко от Лестер-сквер, и прийти за мной через час. И в самом деле, Лестер-сквер лежит примерно на полпути между Оксфорд-стрит и Темзой, на которую выходили окна нашей комнаты.

Прошло около получаса, и я услышала, как раздались три или четыре торопливых удара в дверь: так хозяин дома оповещал о своем приходе.

Он вошел в своего рода приемную, где я его ожидала, и, хотя в комнате уже царил вечерний полумрак, тотчас меня узнал.

– О, это вы, мое прелестное дитя! – обратился он ко мне с улыбкой, не лишенной некоторой грусти. – Покидая в последний раз Хоарден, я не сомневался, что не замедлю повстречать вас в Лондоне.

– Вы меня в чем-то упрекаете, сударь? – спросила я.

– Нет... Молодости свойственна страсть к приключениям, а красота сходна с роком тем, что ее счастливых либо пагубных следствий никто не может ни предугадать, ни предотвратить. Не желаете ли пройти в мой кабинет? Там мы сможем поговорить без помех, а мне кажется, что вам надо немало мне поведать.

– Если вы будете так добры, что выслушаете меня, сударь.

– Идемте, дитя мое.

И взяв со стола канделябр с тремя свечами, он пошел впереди меня.

Мы вошли и уселись в его кабинете, обставленном просто, но с большим изяществом.

– Так, значит, вы теперь здесь, – начал он. – И что вы намерены предпринять?

– Сударь, – отвечала я, – когда я вас спрашивала, известен ли вам мистер Ромни, объяснив, что он родственник одной из учениц пансиона миссис Колманн, я сказала неправду.

Мистер Хоарден как-то странно улыбнулся.

– Вы ошибаетесь, сударь, – поспешила я добавить, сильно покраснев. – Я видела мистера Ромни только однажды: на берегу моря, с ним была дама, которую зовут мисс Арабелла.

– Да, – утвердительно кивнул доктор, – поговаривали, что он путешествовал в тех краях вместе с ней.

– А теперь, – продолжила я, – позвольте мне сказать всю правду.

И я ему описала нашу встречу во всех подробностях, упомянув об адресе, данном мне мисс Арабеллой, и о тех предложениях, что сделали мне оба; не скрыв ничего, я рассказала ему, при каких обстоятельствах я покинула дом его отца, как добралась до Лондона и как безрезультатно посетила дом на Оксфорд-стрит.

Он дослушал до конца, помолчал, внимательно и долго глядя на меня, и наконец, взяв обе мои ладони в свои, заговорил с необычайной мягкостью, хотя и не без некоторой торжественности:

– Дитя мое, в вашем возрасте и при вашей красоте в жизни существует два пути: один прям и прост, он пролегает через равнину, вид которой однообразен и спокоен, и ведет от брака и материнства к почтенной и всеми почитаемой старости; другой то возносит вас на вершины, откуда открываются блистательные горизонты, то низвергает в мрачные и грязные трясины. Следуя им, приходишь к тому же концу, но трижды, так сказать, меняешь лошадей, и три эти вынужденные остановки суть гордыня, удача и стыд. Вы сейчас на развилке двух дорог, определите, по какой из двух вы хотите идти.

– О сударь, и вы еще спрашиваете?

– Да, дитя мое, я могу и должен тебя об этом спросить, поскольку я не столько моралист, сколько, да будет позволительно в том признаться, философ. А посему не убежден, что, как утверждают некоторые слишком строгие ревнители нравственного совершенства, человек всегда волен распорядиться собой. Я охотнее верю в несокрушимую власть материи над духом, нежели в то, что наша душа способна беспрекословно повелевать нашей же материальной природой. Даже если вы выберете прямую и простую дорогу, ночная темень, опьянение чувств могут увлечь вас в сторону; предположим даже, что добрые советы и ревностный пастырь направят вас на добрую стезю – таким советчиком и проводником могу послужить я сам, если вы мне позволите, – но существуют такие натуры, с таким складом и предрасположением души, над кем не властны ни советы, ни добрый пример. Общество отторгает от себя подобных людей, закон поступает еще суровее: он осуждает их, а вот наука пытается их понять, пожалеть, а подчас и простить. А у вас теперь на один шанс больше ступить на добрую дорогу и избежать пагубного жребия, ибо Провидение смилостивилось над вами, побудив ту женщину отлучиться из Лондона. Готовы ли вы пообещать мне никогда по собственной воле не ходить ни к ней, ни к мистеру Ромни? Тогда я серьезно займусь вами.

Я молчала.

– Вы колеблетесь? – спросил он.

– Нет, сударь, но они заронили в мое сердце золотые и сладкозвучные мечты. Мне обещали, что, приехав в Лондон, я прекрасно устрою свою судьбу, и даже не поинтересовавшись, как это случится, я примчалась сюда. Разве слишком большая цена – попросить у вас всего пять минут, чтобы позволить этим мечтаниям рассеяться?

– Бедное дитя! – прошептал доктор.

Некоторое время я оставалась в задумчивости, чувствуя на себе его пристальный взгляд, казалось проникавший в мою душу; этот взгляд вселял в меня неведомую доселе решимость. Наконец я заговорила:

– Сударь, обещаю вам более не искать встреч ни с мисс Арабеллой, ни с мистером Ромни, даю слово, что не пойду к ним, но... но они сами могут найти меня, и, если я их случайно повстречаю, хотя и не буду к этому стремиться, не могу поручиться, что найду в себе силы уберечься от искушения.

– Надеюсь, ты сделаешь все, что сможешь, – вздохнул мистер Хоарден. – Воистину, нельзя требовать большего от дочери Евы.

Тут кто-то дважды постучал в дверь, и два эти удара явственно указывали на униженное положение того, кто стучал. Я вздрогнула.

– Что с вами? – встревожился доктор.

– Сударь, – ответила я, – вероятно, это Дик, брат Эми Стронг, пришел за мной. Если вы действительно хотите, чтобы я воспользовалась вашими разумными советами, не отпускайте меня к ней: это ведь она увлекла меня в Лондон, она моя подруга, и если мне суждено пасть, я чувствую, что именно от нее исходит опасность моей гибели.

– Хорошо, скажите, что до завтра вы пробудете в моем доме, поскольку я обещал завтра же подыскать для вас место.

Слуга, ранее впусивший меня в дом, теперь появился на пороге кабинета и объявил:

– Сударь, там стоит юноша, который привел сюда молодую особу и теперь явился за ней.

– Впустите его, – сказал доктор.

Затем он открыл дверь в гостиную, где занималась вышиванием молодая женщина двадцати трех или двадцати четырех лет, а у ее ног на ковре сидел ребенок и перелистывал книжку с гравюрами.

– Душа моя, – обратился к ней доктор, – вот та девушка, о которой я тебе говорил по возвращении из Хоардена; она приехала от моего отца; будь так добра, приюти ее до завтрашнего дня. А завтра я надеюсь подыскать для нее подходящее место.

Молодая женщина встала и подошла ко мне.

В это мгновение на пороге появился мой спутник.

Я сказала ему:

– Дик, извинитесь за меня перед Эми, но мистер и миссис Хоарден оставляют меня здесь. Мой достойный покровитель весьма обнадежил меня, и если все сбудется, я вам тотчас напишу.

– Прекрасно, я же вам говорил, мисс, что не стоит отчаиваться. Всемилостивый Господь не забывает своих чад, а в Лондоне хватит места всем. В любом случае, мистер Хоарден, вы потом еще будете похвалиться, что оказали услугу той, кто еще вчера была самой красивой девушкой в провинции, а сегодня, вероятно, самая красивая в Лондоне. До свидания, мисс Эмма. И да воздаст вам Господь за все, мистер и миссис Хоарден.

И Дик вышел, радуясь выпавшему мне счастью.

Надо сказать, что счастье это не было именно таким, какого я добивалась. Для меня счастьем казалась блистательная шумная жизнь, полная движения, внезапных катастроф, неслыханных удач и негаданных поворотов судьбы. Конечно, молодая женщина, на моих глазах поцеловавшая своего супруга как доброго отца и, улыбаясь, снова спокойно усевшаяся подле ребенка (а он даже не оторвал глаз от гравюр, чтобы поглядеть на вошедшую), – так вот, эта молодая женщина, чья рука, явно никогда не вздрагивавшая от наплыва страсти, уже снова плавно порхала над вышитыми цветами, подбирая оттенки с безмятежной ловкостью и терпеливым прилежанием, – эта женщина несомненно была счастлива. Но, как объяснил мне всеведущий доктор, существуют натуры, чей темперамент не в силах мириться со столь бесстрастным благополучием.

И потом, какая удача могла бы привести меня, в том моем положении, к тому, чем располагала она? Разве я была рождена в роскоши, чтобы, как она, найти в свои восемнадцать лет прославленного ученостью супруга, который бы свил для меня уютное, приятное и изысканное теплое гнездышко? Нет, я была бедной крестьянкой без всяких средств к существованию, почти без образования, я не осмеливалась отвечать, когда меня спрашивали, чем занимается моя мать, и едва осмеливалась отвечать, кто мой отец, если речь заходила о нем.

Я была красива, вот и все. И могла полагаться только на свою красоту в тех случаях, когда другие уповают на образование и воспитание, на состояние или благородное происхождение. Одарив меня лишь одним, Господь в благости своей был столь щедр, полагала я, чтобы возместить мне отсутствие всего прочего.

Именно моя красота должна была решить мою участь, а не я распорядиться ею.

Вот какие мысли роились у меня в голове, когда я созерцала это мирное семейство, где муж читал, жена вышивала, а дитя разглядывало великолепные гравюры.

Воистину, им было не так уж далеко от того рода счастья, что царило в доме мистера Хоардена-отца и его супруги.

Как далеко им всем было до высокомерной, горделивой и решительной манеры обращения, свойственной мисс Арабелле! Как отличалось их существование от наполненной пламенным энтузиазмом свободной жизни овечьего славы художника, какую вел мистер Ромни!

Вероятно, именно такую женщину, занятую вышиванием, и подобных детей, разглядывавших гравюры, некогда покинул мистер Ромни. По существу, если все было именно так, у меня тогда не хватило бы смелости поставить это ему в вину.

Ах, безрассудная юность! Ах, безумные грезы!

Увы! Ныне, обозревая на исходе жизни свой путь, я гляжу с раскаянием на то, на что взирала некогда с обманчивым чувством горделивого превосходства; как бы я хотела, чтобы место блистательной и греховной Эммы Лайонны, богатой и всевластной леди Гамильтон заняла просто милая, очаровательная молодая женщина, чтобы моя жизнь протекала в вышивании цветов подле мужа, расположившегося рядом с книгой, и ребенка, уснувшего на моих коленях!..

В семь часов мисс Хоарден заварила чай, в девять мы поужинали. Вся разница в привычках мистера Хоардена-отца и его сына, как я заметила, заключалась в том, что их ребенок ужинал вместе с ними.

В десять меня проводили в отведенную мне комнату. Дик позаботился принести мой нехитрый скарб; эти пожитки и пять фунтов, оставшиеся после оплаты моего путешествия, составляли все мое достояние.

На следующее утро я осталась в своей комнате, не зная, следует ли мне спуститься к остальным, и ожидала, когда мне объяснят, что предстоит делать. Наконец слуга доложил, что завтрак подан, и я сошла в столовую.

Мистер Джеймс Хоарден только что вернулся. Он подошел ко мне, сияя от радости.

– Ну вот, дитя мое, – воскликнул он, – мне выпала удача, и теперь только от вас зависит, последуете ли вы тем путем, на который я вас недавно наставлял! Один из моих пациентов, мистер Плууден, первейший лондонский ювелир, нуждается в продавщице для своего магазина; разумеется, ваши глаза могут затмить блеск его бриллиантов, а зубы – заставить померкнуть его жемчуга, но честное слово, тем хуже для него! Для начала у вас будет пять фунтов в месяц, а затем посмотрим. Я говорю «посмотрим», поскольку совершенно не собираюсь ограничиться одной лишь этой рекомендацией. А пока мы договорились, что с завтрашнего дня вы приступите к своим обязанностям. Я отведу вас к нему и устрою.

Однако тут, оглядев меня с ног до головы, он не смог сдержать восклицания:

– Дьявол!

Я покраснела.

– Вы имеете в виду мой туалет, не правда ли?

– Да. Нет ли у вас более свежего и чуть более модного платья?

Я только покачала головой.

– Вы, черт подери, достаточно красивы! Беспokoит меня отнюдь не это. Натяни на вас мешок из дерюги, какой-нибудь затрапезный балахон и вообще лохмотья, вы не перестанете поражать своей красотой, но для того, чтобы поступить в модный магазин, необходимо выглядеть соответственно. Если бы у меня было время, то до завтрашнего дня...

Тут в столовую вошла горничная миссис Хоарден.

– Госпожа еще не спустилась? – спросила она.

– Нет, а что вам угодно?

– К ней пришла мисс Сесилия.

– Это портниха жены. Ее приход нам как нельзя кстати! – вскричал мистер Хоарден. – Попросите мисс Сесилию подождать, а миссис Хоарден – прийти сюда.

Горничная вышла. Вся в смущении, я ожидала, что будет дальше. Наконец минут через пять появилась и хозяйка дома.

– Друг мой, – обратился к ней супруг, – я позвал тебя, чтобы спросить, не сможет ли мисс Сесилия до завтра сшить платье для этой вот девочки?

– Не думаю, чтобы она успела, – с сомнением отвечала та, – но подождите...

– Хорошо, хорошо, жду!

Миссис Хоарден в свою очередь внимательно оглядела меня, затем подошла поближе и убедилась, что мы почти одного роста.

– Думаю, что смогу вывести вас из затруднения, – заключила она.

– О, я полагаюсь на тебя.

– Сесилия, – продолжала хозяйка, – как раз принесла мне простое, но весьма изысканного фасона платье. Девочка одного со мной роста, быть может, потоньше, но в любом случае, если ты решишь, что оно сможет ее устроить, она возьмет это платье, а я закажу себе другое, ведь мне, по сути, торопиться некуда.

Супруг поцеловал ее в лоб.

– Ты просто ангел! – вскричал он. – Да нет, я ошибаюсь, ты святая! А быть может, и то и другое одновременно.

Потом он обернулся ко мне:

– Подойдет ли это вам, мисс? Согласны ли вы надеть платье, сшитое для моей жены?

– Я была бы горда и счастлива.

Мистер Хоарден позвонил:

– Позовите сюда мисс Сесилию.

Вошла портниха.

– Оставляю вас одних, – заключил мистер Хоарден, – ибо дальнейшее должно происходить вдали от мужских глаз.

И на том он удалился.

Платье подошло мне, словно его шили именно на меня.

На следующий день в десять часов утра я уже была у мистера Плоудена, владельца самого роскошного магазина на Стренде, а мистер Хоарден прощался с хозяином заведения, расточая мне похвалы с такой горячностью, словно я была его собственной дочерью.

Впоследствии у меня перебивалось множество платьев, но ни одно не было таким красивым и не шло мне лучше, чем то, что дала миссис Хоарден.

VII

Если мистер Хоарден желал отвлечь свою подопечную от соблазнов или удалить соблазны от нее, то, оставив меня среди бриллиантов, изумрудов, сапфиров и жемчуга мистера Плоудена, он совершил самую недопустимую ошибку: ученый анатом, способный прочесть в грудной клетке или внутренностях больных как в раскрытой книге все, что их беспокоило, не смог распознать нравственного недуга, затаившегося в моем сердце и пожирившего меня всю.

Каково беспрестанно, день за днем касаться этих драгоценностей всевозможного вида и формы, составляющих собой то излишество, что так нужно – осмелюсь сказать больше: необходимо – каждой женщине, если она действительно женщина; каково примеривать их к шеям, запястьям, ушам созданий, менее красивых, нежели я, но приведенных к этому источнику сияния их мужьями либо любовниками, и знать, что они потом будут носить эти блистающие безделицы на балах, театральных представлениях, на празднествах?... Это все равно, что оставить зажженную свечу на бочонке с порохом.

Через недели полторы или две после того, как я стала служить в магазине, мистер Хоарден явился к своему пациенту осведомиться обо мне. Мистер Плоуден был от меня в восторге. Он утверждал, что большинство джентльменов, являвшихся теперь в магазин, чтобы приобрести драгоценности для жен и возлюбленных, используют это лишь как предлог, чтобы еще раз взглянуть на меня, и охотнее украсили бы, если бы осмелились, мои уши, руки и шею, чем прелести их собственных супругов или любовниц.

В его словах было немало истинного, и от меня самой не укрылось, какое влияние я оказываю на мужские сердца.

Мистер Хоарден от этих слов пришел в восторг и тотчас попросил хозяина магазина отпустить меня на следующее воскресенье, поскольку, как он сказал, меня ожидает некий сюрприз. Он привезет меня обратно на следующий день рано утром. Мистер Плоуден дал свое согласие тем охотнее, что по воскресеньям в Лондоне не открывается ни один магазин, и, таким образом, милость, оказанная мне, вовсе не являлась ущербом для него самого.

Конечно, дом мистера Хоардена, как о том можно судить по тем немногим строкам, что я уже ему посвятила, не являлся средоточием безрассудного веселья, но две недели, проведенные в магазине, где я предлагала покупателям драгоценности, расхваливала прелести дам, примерявших их на себя, и побуждала всех пришедших проявить чудеса щедрости, научили меня ценить те двадцать четыре часа, что давали если не удовольствие, то хотя бы отдых.

К тому же мистер Хоарден говорил о каком-то сюрпризе, и я ломала голову, что за неожиданности мне уготованы.

Итак, в воскресенье я была на Лестер-сквер, куда прибыла прямо к завтраку.

Миссис Хоарден встретила меня с обычной для нее мягкостью и доброжелательностью. Стоял великолепный августовский день. Хозяйка дома велела заложить коляску и отправились со мной на прогулку по Гайд-парку⁶⁹.

До того в Лондоне мне были знакомы только Вильерс-стрит, Оксфорд-стрит, Лестер-сквер и Стренд. Эта аристократическая прогулка стала началом моего вступления в новый мир. Целые эскадроны всадников в богатых одеждах, которые носили в ту эпоху, грациозные

⁶⁹ *Гайд-парк* – обширный зеленый массив в самом центре Лондона; один из самых посещаемых общественных парков города; размещается на месте старинной усадьбы, принадлежавшей в XVI в. семейству Гайдов; с востока к нему примыкают роскошные особняки и дворцы английской аристократии.

амазонки в развевающихся платьях и вуалях⁷⁰... Короче, весь блеск и модная изысканность тогдашнего английского высшего света околдовали меня.

Я бы пожертвовала тогда половиной оставшихся мне в удел лет, чтобы править одним из тех фаэтонов⁷¹, что вихрем проносились мимо, или проехаться верхом на лошади, подобной тем, что гарцевали по аллеям, отведенным для верховых прогулок.

Решительно, мистер Хоарден употребил для моего излечения от амбициозных планов и тщеславных грез лекарство, которое угрожало привести к последствиям, противоположным тем, на какие он уповал.

Возвращаясь через Грин-парк⁷², мы пересекли его пешком, чтобы доставить удовольствие малышу, а затем вернулись домой перекусить. Я спросила у хозяина дома, не была ли наша прогулка тем сюрпризом, о котором ранее шла речь.

– Нет, – ответил он. – Мне показалось, что она вас действительно развлекла, однако я собирался вам предложить нечто лучшее, нежели простая прогулка: мне хочется, чтобы вы увидели Гаррика.

Я совершенно не представляла, кто такой этот Гаррик.

Не страдая ложной стыдливостью, которой иные особы стремятся прикрыть свое неведение, я попросила объяснений.

– Ну да, конечно, откуда вам знать, – улыбнулся он. – Гаррик – первейший из актеров, когда-либо выступавших на сцене⁷³.

Я широко раскрыла глаза. Он же продолжал:

– Сегодня вечером он, вероятно, играет в последний раз, между тем как миссис Сиддонс⁷⁴, молодая актриса, которой предвещают большое будущее, напротив, сегодня дебютирует⁷⁵. Шеридан, чьим другом и хирургом я имею честь состоять⁷⁶, дал мне, как и обещал, ложу ради такого торжественного случая, и я хотел бы, чтобы и вы насладились столь роскошным зрелищем.

– Как, я увижу спектакль? Я посмотрю комедию?

– Нет, трагедию, но надеюсь, она понравится вам не меньше.

Я испустила радостный крик и захлопала в ладоши, как настоящий ребенок, которым, впрочем, и была.

– Ах, до чего же вы добры, мистер Хоарден! – вскричала я. – Как? Я смогу посмотреть настоящую трагедию? И на сцене будут короли и королевы?

– Нет, сегодня их не будет. Зато найдется пара влюбленных, что стоят всех царственных особ.

– А как называется трагедия, которую мы будем смотреть?

⁷⁰ *Амазонки* – в древнегреческой мифологии народ женщин-воительниц, живших в Малой Азии или на берегах Азовского моря. В переносном смысле амазонка – женщина-всадница.

⁷¹ *Фаэтон* – здесь: легкий четырехколесный экипаж с откидным верхом.

⁷² *Грин-парк* – зеленый массив в центре Лондона; лежит к востоку от Гайд-парка, почти примыкая к нему своим юго-западным углом; северо-западной его границей служит Пикадилли.

⁷³ *Гаррик, Дэвид* (1717–1779) – английский актер; особенно прославился в пьесах шекспировского репертуара; был директором театра Друри-Лейн в 1747–1776 гг.

⁷⁴ *Сиддонс, Сара* (1755–1831) – знаменитая английская трагическая актриса; после дебюта в провинции в течение многих лет (с 1775 г.) выступала на сцене театра Друри-Лейн; славу ей принесло исполнение главных ролей в пьесах Шекспира.

⁷⁵ Миссис Сиддонс не играла вместе с Гарриком в «Ромео и Джульетте», хотя впоследствии эта пьеса вошла в ее репертуар.

⁷⁶ *Шеридан, Ричард Бринсли Батлер* (1751–1816) – английский драматург (широко известна его комедия «Школа злословия», поставленная в 1777 г.), театральный и политический деятель; в 1780–1812 член палаты общин, принадлежавший к радикальному крылу вигов; благодаря своему ораторскому искусству и демократическим убеждениям снискал огромную популярность; окончил жизнь в бедности.

– «Ромео и Джульетта»⁷⁷, дитя мое, – один из четырех шедевров Шекспира⁷⁸.

– И я все это увижу? – восхитилась я, даже подпрыгнув от радости. – Бог мой, как я счастлива!

– Прекрасно, в добрый час, – кивнул мистер Хоарден. – Оказывается, это большое удовольствие – сделать для вас что-нибудь приятное.

Действительно, восхищению моему не было предела. Я часто слышала о театре, но не имела никакого представления, что там на самом деле происходит. Некоторые пансионерки миссис Колманн, видевшие в Честере выступления провинциальных трупп, возвращались из театра очарованные увиденным. Так каково же мне будет в лондонском театре?

– В котором часу все начнется? – спросила я мистера Хоардена.

– Ровно в половине восьмого.

– А кончается?

– Примерно в одиннадцать.

– Так, значит, все продлится четыре с половиной часа?

– Из ваших четырех с половиной часов, – рассмеялся мистер Хоарден, – надобно исключить несколько антрактов.

– А мы придем к самому началу, правда?

– Мы будем в нашей ложе к поднятию занавеса.

– Ох, Боже мой, а сейчас только пять часов!

– Притом без пяти минут. Но время пройдет быстро. Нам же еще надо многое успеть. Прежде всего мы должны попить чаю, видите – его уже сервируют; а я предлагаю сверх того отведать пудинга, поскольку мы будем ужинать поздно. К тому же вам еще предстоит заняться своим туалетом.

– Моим туалетом? Мне, мистер Хоарден? Но вам же известно, что у меня только одно это платье, которое ваша супруга по доброте своей мне подарила. Разве что мне надеть то мое достопамятное голубое? А я о нем даже не вспомнила...

– При всем том голубой цвет вам очень шел.

– Цвет – да, а платье – нет. Вспомните, что таково было, по крайней мере, ваше собственное мнение.

– Ну, надеюсь, все в конце концов образуется, – заметил он, в то время как мои глаза были прикованы к стрелке настенных часов.

– А они не отстают? – на всякий случай спросила я.

– В семействе Хоарденов, – рассмеялся доктор, – часы никогда не опаздывают и не спешат: они идут минута в минуту! Когда пудинг и пироги будут съедены, каждый поднимется к себе в комнату, поскольку будет лишь только половина седьмого, а для того, чтобы добраться до Друри-Лейн⁷⁹, потребуется не более десяти минут.

Когда чай был выпит и пироги съедены, я машинально поднялась в комнату – ту самую, где провела первую ночь в этом доме; было совершенно непонятно, что там делать на протяжении целых сорока минут, остававшихся нам до счастливого момента отъезда, как вдруг я заметила разложенное на кровати прелестное платье из голубой тафты, похожее на одеяние принцессы из сказки об Ослиной шкуре, выкроенное прямо из небесной лазури⁸⁰.

⁷⁷ Дюма, по-видимому, в один ряд с «Ромео и Джульеттой» ставит трагедии «Отелло», «Гамлет» и «Макбет».

⁷⁸ Шекспир, Уильям (1564–1616) – английский драматург и поэт; автор многочисленных трагедий и комедий, поэм и сонетов...

⁷⁹ Друри-Лейн – один из старейших лондонских театров; сооружен по заказу драматурга Томаса Киллигрю (1612–1683), содержавшего собственную труппу актеров; на основании грамоты Карла II Стюарта (1630–1685; король с 1660 г.) получил название Королевского театра; первый спектакль был сыгран на его сцене 7 мая 1663 г.; фасад театра выходит на одноименную улицу в центре Лондона, которая расположена к северо-востоку от Лестер-сквер.

⁸⁰ Ослиная шкура – героиня одноименной сказки (1715) французского писателя Шарля Перро (1628–1703), дочь короля,

Одновременно со мной вошла горничная.

– Вы позволите, мисс, помочь вам переодеться? – спросила она и подняла платье за плечики.

Тут только я сообразила, что означали кое-какие высказывания доктора Хоардена, ранее казавшиеся мне неясными. Он не только позаботился о том, чтобы повести меня в театр, но и подумал о наряде, в котором мне туда идти.

Слезы навернулись у меня на глаза, мне тотчас захотелось побежать к нему и высказать, как я ему благодарна!

– А где мистер Хоарден? – спросила я у горничной.

– Он помогает одеться госпоже, чтобы я могла быть сейчас с вами, пока вы надеваете платье: доктор хочет, чтобы все были готовы вовремя.

Мне стало так грустно: я не чувствовала себя в состоянии когда-нибудь отплатить за столь неисчерпаемую доброту, которой никогда не смогла бы достичь, и даже не знала, как благодарить за нее.

Мое нетерпение сменилось каким-то мечтательным недоумением; я думала об этом человеке, добившемся всеобщего признания, ставшем одним из самых знаменитых лондонских хирургов, выдающимся анатомом, первоклассным ученым, который не остановился перед тем, чтобы самому одевать собственную супругу только для того, чтобы дочка бедной служанки с фермы, бывшая воспитательница при детях у его отца, а теперь продавщица в ювелирной лавке, не опоздала на представление и не потеряла ни крупицы из того удовольствия, что она уже предвкушала!

Гению всегда хватает милосердной доброты к малым, бесконечной снисходительности к слабым, что подчас сближает его с самим Господом всемогущим.

А в четверть восьмого этот превосходнейший человек уже постучался в мою комнату и спросил:

– Ну как? Все в порядке?

Я выбежала ему навстречу, схватила его руку и, прежде чем он успел угадать мое намерение, поцеловала ее.

Он посмотрел на меня; по-видимому, я показалась ему очень красивой, так как он с грустной нежностью пожал плечами.

– Признай, – сказал он, показывая меня своей жене, которая вышла в эту минуту из своей комнаты, – что было бы величайшим несчастьем, если бы этот перл творения вступил на дурную стезю!

Но он тотчас спохватился, подумав, должно быть, что дал слишком много пищи моей гордыне, и торопливо добавил:

– Ну, пора, пора! Время ехать! Я обещал, что наше милое дитя не опоздает к поднятию занавеса.

Действительно, мы вошли в ложу, когда увертюра еще только началась. У меня хватило времени обвести беглым взглядом блистательный амфитеатр. Шеридан, как раз недавно ставший директором этого театра⁸¹, обновил убранство зала, пригласив лучшего из лондонских декораторов.

Можно было подумать, что я попала во дворец фей.

которую преследовал воспылавший к ней любовной страстью собственный отец. Чтобы избежать преступного замужества, принцесса по совету феи потребовала у отца исполнить невыполнимые, как ей казалось, желания: подарить ей платье ясных дней, затем платье лунного цвета, платье цвета солнца и, наконец, шкуру осла, который приносил королю золото. В этой шкуре принцесса в итоге бежала (отчего и получила упомянутое прозвище) и стала работницей на ферме, где в нее влюбился случайно попавший туда принц. Сказка кончается счастливым соединением влюбленных.

⁸¹ Шеридан стал совладельцем и главным руководителем театра Друри-Лейн в 1776 г., после того как Гаррикс оставил сцену.

Почти ослепленная блистанием огней, замороженная магнетической властью музыки, восхищенная переизбытком золота, драгоценных камней, цветов, не в силах осмыслить, как можно соединить в одном месте столько богатств, не разорив весь остальной мир, я в те минуты не смогла бы выразить и даже осознать хорошенько, где я очутилась.

Но поднялся занавес, и глаза мои перестали различать что-либо, кроме городской площади в Вероне⁸².

⁸² Действие трагедии Шекспира происходит в североитальянском городе Верона, однако легенда о несчастных влюбленных, ставших жертвой вражды их семей, происходит из тосканского города Сиена. Она была введена в литературу итальянским писателем Мазуччо Салернитанцем (настоящее имя – Томмазо Гуардати; ок. 1420 – ок. 1475) в двадцать втором рассказе его сборника «Новеллино» (1476). Имена Ромео и Джульетта дал влюбленным итальянский писатель Луиджи да Порто (1489–1529) в своей книге «Вновь найденная история двух знатных любовников» («*Historia novellamente ritrovata di due nobili amanti*»).

VIII

Тот, кто уже последовал за мной по всем ступеням моего детства и помнит, в каком неведении и необразованности я воспитывалась, может представить себе, как я была поражена, увидев и услышав «Ромео и Джульетту» в исполнении величайшего трагика, какого когда-либо знала Англия, и самой знаменитой трагической актрисы, какую нам суждено будет впоследствии узнать. Мой ум, еще ничем не заполненный, как чистая страница, сразу получил все, что только можно постичь относительно поэзии, любви, сострадания, ужаса – все это было заключено в великолепной поэме, которая врезалась мне в память и привела мои чувства в состояние чрезвычайной восторженности и возбуждения.

Мне тогда исполнилось столько же лет, сколько Джульетте; я была красивой и страстной, как и она, мне не казалось странным, что она внезапно воспылала любовью к юному Монтеки, любовью, которая в первый же день, а вернее, в первую же ночь свидания с возлюбленным продиктовала ей пророческие слова, – те, что предвещают гибель и ему и ей и обращены к кормилице:

Поди узнай-ка. Если он женат,
Пусть для венчанья саван мне кроят⁸³.

Мистер Хоарден следил по выражению моего лица за всем, что творилось у меня в душе, и, как умудренный психолог, читал в ней словно в открытой книге; для него все это превращалось в занимательное исследование, окрашенное тем удовлетворением, какое дает сам вид наслаждения или даруемого счастья.

И правда, мое счастье и блаженство не знали предела. Особенно когда начались сцены на балконе, первая, такая поэтичная, и вторая, проникнутая столь горячей страстью... Мои руки, прижатые к груди, тщетно пытались унять биение сердца, я тяжело дышала, устремив остановившийся взгляд на сцену, и хотела, как Джульетта, одновременно удержать Ромео и вытолкнуть его прочь.

Легко вообразить, в какой ужас меня повергла та сцена, где Джульетта пьет таинственный эликсир, который должен погрузить ее в сон, и дрожит при мысли, что ей суждено проснуться одной в склепе предков, среди мертвецов, и трепетать от ужаса при мысли, что они вот-вот поднимутся из своих гробниц.

А затем наступила катастрофическая развязка, которая произвела на меня тем большее впечатление, что она оказалась нова не только для меня одной, но и для прочих зрителей. Дело в том, что в первоначальном, оригинальном шекспировском тексте Ромео умирает около гроба Джульетты, так и не узнав, что любимая только спит, а к ней приходит пробуждение лишь после его смерти.

Однако гениальное прозрение и драматическое чутье позволили Гаррику догадаться, мимо какой ужасающей по трагичности сцены прошел великий драматург; он пробудил Джульетту в тот самый миг, когда Ромео, сочтя ее умершей, принимает яд. Вместо двух отделенных друг от друга и, следовательно, отдельных смертей, он заставил любовников терзаться в единой агонии, завершающейся смертью: для одного – от яда, а для другой – от кинжала.

Таким образом он возвысил сцену страдания до вершины отчаяния, поднял прекрасное до уровня возвышенного!

⁸³ «Ромео и Джульетта», I, 5. Перевод Б. Пастернака.

В миг, когда Джульетта убила себя, я резко откинулась назад и потеряла сознание, в то время как весь зал, выражая благодарность Гаррику за его чудесное нововведение и за блеск неоспоримого дарования, разразился рукоплесканиями.

Мой обморок не был чем-то опасным: немного холодной воды привели меня в чувство. Я смогла только схватить обе руки мистера Хоардена и крепко сжать их, а потом, не думая, насколько это соответствует правилам хорошего тона, бросилась в объятия его супруги и расцеловала ее.

Мы возвратились домой. Там нас ждал ужин, но, как можно без труда догадаться, я не могла и помыслить о еде. В глазах у меня сверкали огни, в голове звучали стихи, сердце было переполнено чарами любви.

Я попросила у мистера Хоардена позволения удалиться в свою комнату. Он разрешил, но перед этим подошел к книжному шкафу и сказал:

– Я понимаю, *что* вам сейчас желаннее всего другого: вы хотите возвратиться на представление. Вот, возьмите!

И он вложил мне в руки книгу.

То был томик Шекспира с трагедией «Ромео и Джульетта».

У меня вырвался крик радости. Доктор распознал самое жгучее стремление моей души и пошел ему навстречу раньше, чем его об этом попросили.

Я бросилась в свою комнату, упала в кресло и перечитала пьесу от первой строчки до последней.

Затем я возвратилась к основным сценам, к любовным объяснениям Ромео и Джульетты, начиная со встречи на балу и кончая предсмертным свиданием в склепе.

Разумеется, я не была способна оценить гениальность создателя этого драматического и поэтического шедевра. Но юное сердце, полное надежд и любви, восполнило интуицией недостаток мудрости.

Впрочем, я еще ничего не забыла: ни одного жеста трагика, ни единой интонации актрисы. И какого трагика, какой актрисы – Гаррика и миссис Сиддонс!

В три часа ночи с распаленным сердцем и растравленным воображением, но побежденная усталостью, я наконец улеглась.

Но я упала на постель только для того, чтобы в грезах видеть себя Джульеттой, сжимающей в объятиях воображаемого Ромео и умирающей вместе с ним от любви и горя.

Нет нужды описывать, в каком расположении духа я вернулась в ювелирный магазин. С разрешения мистера Хоардена я захватила волшебный томик с собой. Сидя в экипаже, увозившем меня в магазин, я прижимала книгу к сердцу, словно опасаясь, что поэзия даст ей крылья и она может упорхнуть от меня. О, жалкие уловки, к которым мне приходилось прибегать, чтобы заинтересовать покупателей, лстивые слова, которые мое положение вынуждало меня произносить, расхваливание товара – как все это тяготило мое сердце и ранило мою гордыню! Быть такой же красивой, как Джульетта, иметь сердце столь же исполненное любви и поэзии, как и ее, – и примерять драгоценные безделушки в модном магазине, будь это даже заведение первого в Лондоне ювелира, вместо того чтобы быть на балу в парчовом платье со шлейфом, вместо того чтобы обмениваться с балкона словами любви с прекрасным кавалером, вместо того чтобы слушать пение птиц и спорить с возлюбленным своего сердца, поет ли то соловей или жаворонок! Согласитесь, что целая пропасть отделяла то, что было, от того, что могло быть, мечту от действительности.

Я не отваживалась читать днем. Впрочем, на это у меня не было бы и времени. Магазин мистера Плоудена был одним из самых посещаемых в Лондоне и никогда не пустовал. Я была непрерывно занята. С каким же нетерпением ждала я десяти часов вечера, когда магазин закрывался.

Как только магазин закрывался, я удалялась в свою комнатку.

Там я уже не только читала: за одну ночь я запомнила всю пьесу почти наизусть. А те сцены, что были мне особенно близки (я ошибаюсь, они были близки Джульетте!), я знала просто назубок, заучив не только стихи, но и интонации и жесты великой актрисы, игравшей Джульетту.

Теперь я старалась воспроизвести ее жесты и интонации, но, когда читала те же самые стихи, то, обуянная гордыней, полагала, что сколь бы совершенной ни была миссис Сиддонс, когда я ее видела и слышала, она могла бы достигнуть еще большего изящества в том или ином жесте, большей чувствительности в голосе. Действительно, как я убедилась впоследствии, эта великая актриса лучше всего и со всем возможным совершенством играла таких героинь, как леди Макбет или мать Гамлета, а ее исполнение «нежных» ролей, влюбленной Дездемоны или Джульетты⁸⁴, подчас оставляло ощущение, что тут ей чего-то недостает. Так вот, именно телесной грациозностью, нежным чарующим голосом, по моему тогдашнему разумению, природа наделила меня. Легкая, почти воздушная поступь, гибкий стан, гармоничность форм и естественная плавность манер позволяли мне достигнуть столь совершенной женственно-мягкой томности, что ко мне было вполне приложимо то непереводаемое определение, которое так любят итальянцы: *morbidezza*⁸⁵. Мне казалось, что я обладаю всем сразу – явление редкостное! – и мягким голосом и даром трагического волнения; мое лицо, сейчас я могу в этом признаться, обладало способностью внушать впечатление полной истинности написанных на нем чувств, даже если они и были наиграны; оно с легкостью и блеском изображало грусть, меланхолию, радость. А телесная чистота была совершенно незапятнанной, хотя душа уже утратила девственную прозрачность; наконец, сама красота моя была, словно редкостный бархатистый плод, овеяна той неоспоримой непорочностью, что заставляет относиться с уважением даже к Венере Медицейской⁸⁶, несмотря на ее наготу⁸⁷. Одним словом, я уже сеяла вокруг себя огонь, но сама еще не пылала.

Полночи я провела, декламируя и жестикулируя перед маленьким зеркалом, в котором отражалась едва ли пятая или шестая часть моей собственной персоны.

На следующий день миссис Плоуден, то ли по наивности, то ли с оттенком иронии, спросила меня, не имею ли я привычку бредить по ночам: мои соседки по мансарде пожаловались, что я не дала им спать. Итак, она посоветовала мне бредить во сне или наяву с меньшим рвением, умеряя силу голоса.

Сказать мне так значило заставить меня отказаться от единственной подлинной радости, посетившей меня с тех пор, как я родилась на свет.

Я продолжала мои ночные упражнения, но полупшепотом. Моей самой затаенной мечтой было показать свои таланты какому-нибудь театральному директору и быть принятой на сцену. Я уже подумывала попросить рекомендацию к мистеру Шеридану: я отнюдь не забыла его имени, хотя в то время не имела никакого представления о его славе. Однако как попросить о подобной услуге мистера Хоардена? Разве признаться ему, что я намерена покинуть ювелирный магазин ради театра, не значило объявить, что я сама желаю свернуть с прямого пути, на который он меня направлял, и устремиться по кривой дорожке, от которой он надеялся меня оградить? Решиться на такое у меня, как я чувствовала, не хватило бы сил.

Что же делать?

⁸⁴ Это героини трагедий Шекспира – соответственно: «Макбет», «Гамлет», «Отелло», «Ромео и Джульетта».

⁸⁵ Утонченность (*итал.*).

⁸⁶ *Венера Медицейская* – одна из многочисленных античных копий Афродиты Книдской Праксителя; находится во Флоренции.

⁸⁷ *Пракситель* (ок. 390 – ок. 330 до н. э.) – древнегреческий скульптор; работал главным образом в Афинах. Мраморная статуя «Венеры Книдской», как и другие его произведения, отличается чувственная красота и одухотворенность.

Ждать. Положиться на какой-нибудь из необычайных случаев, что подчас меняют все течение жизни, уподобиться утопающему, готовому доверить свое спасение любому хрупкому обломку, обещающему какую-то надежду.

Так прошли две недели, быть может самые мучительные из тех, что выпадали мне до этого.

Уже месяц, как я служила у мистера Плоудена, и, повторю, целых две недели меня сжигали мучения, какие я только что попыталась описать, и вот однажды у дверей ювелирного магазина остановился весьма изысканного вида экипаж, грум в ливрее серо-жемчужных и вишневых цветов распахнул дверцу кареты, и из нее вышла женщина в туалете безукоризненного вкуса.

Взглянув на нее, я едва удержала крик, готовый вырваться из груди: то была мисс Арабелла.

В ее манере держаться, когда она входила в магазин мистера Плоудена, ощущалась свойственная ей высокомерная решительность, словно она была не простой смертной, а богиней богатства и модного блеска или, вернее сказать, самой Фортунной.

Меня она заметила сразу, наши взгляды скрестились, но ни один мускул на ее лице не дрогнул, выдавая, что она меня узнала.

Ее поведение меня вовсе не удивило: наверное, ей забыли передать, что я приходила, по ее мнению, я все еще должна была находиться в Уэльсе, и если допустить, что мисс Арабелла еще помнила обо мне, то, как напрашивалось, единственная мысль, навеянная неожиданной встречей, могла быть только о том, как похожа барышня из ювелирного магазина на ту, с кем спутница мистера Ромни столкнулась некогда на побережье.

Но удивления своего мисс Арабелла никоим образом не проявила. Она попросила показать ей драгоценности, и хотя эту миссию возложили на меня, говорила со мной как с совершенно незнакомой посторонней особой.

Выбор ее остановился на украшении из изумрудов, окаймленных бриллиантами, стоившем три тысячи фунтов стерлингов, и она приказала:

– Доставьте мне этот гарнитур в мой особняк сегодня же к пяти часам вместе со счетом для оплаты.

А затем, указав на меня одним только движением глаз, добавила:

– Пусть его принесет эта девушка.

Я почувствовала, как по всему моему телу побежали мурашки. Меж тем мистер Плоуден ответил, что ее повеление будет исполнено, и наивежливейшим образом сопроводил гостью до кареты. Уже поставив ногу на подножку, она обернулась к нему и повторила:

– Вы меня поняли, мистер Плоуден? Эта девушка, и никто другой! Иначе я не стану платить за ваш гарнитур, отошлю его обратно, и ноги моей более не будет у вас.

– Пусть ваша милость не беспокоится, – заверил ее ювелир. – Все будет так, как вам угодно.

Мисс Арабелла сделала знак кучеру, и лошади побежали крупной рысью.

Я была совершенно уничтожена: то, что я призывала, не осмеливаясь облечь в слова, будто по мановению волшебной палочки явилось на мой молчаливый призыв – я не разыскивала мисс Арабеллу, она отыскала меня сама. Что бы ни воследовало после нашей встречи, я не нарушала слово, данное мистеру Хоардену.

К пяти часам мистер Плоуден велел подать мне карету, ибо из осторожности не желал заставлять меня идти по лондонским улицам, имея в руках ларчик с такими драгоценностями. Решающий час настаивал; я была близка к тому, чтобы попросить мистера Плоудена избавить меня от великого искушения, но искуситель уже притаился в моей собственной душе, и он одержал верх!

Карета остановилась у дома № 23 по Оксфорд-стрит. Я узнала особняк, швейцара у его дверей и сад за оградой. Швейцар позвонил с тем важным видом, что, верно, не изменял ему никогда. Тотчас появилась экономка. Я сообщила, что приехала от мистера Плоудена. У нее уже был приказ меня пропустить.

Мисс Арабелла ожидала меня в белом с золотом будуаре, затянутом небесно-голубым атласом. На ней был какой-то роскошный турецкий наряд; ее прическу опоясывала нить с нанизанными цехинами⁸⁸; шитый золотом вишневым бархатный корсаж оставлял полуобнаженной ее грудь; на ногах без чулок красовались восточные домашние туфли, тоже из вишневого бархата с золотом. Она сидела или, скорее, полулежала на подушках.

Она сделала миссис Нортон знак оставить нас, и та вышла, затворив за собой дверь.

– Сударыня, – начала я дрожащим голосом, не осмеливаясь поднять на нее глаза, – вот украшение, которое вы выбрали у мистера Плоудена, а к нему – счет. Мистер Плоуден передает вам, что он никогда не прислал бы счет, если б не вы сами...

Она прервала меня.

– Так это вы, малышка? – воскликнула она. – Подойдите-ка поближе, неблагодарная!

Красота всегда оказывала на меня ни с чем не сравнимое действие, а мисс Арабелла, воистину, была блистательно прекрасна.

Я приблизилась к ней и стала на колени, словно какая-нибудь уроженка античного Книда или Пафоса, к которой явилась сама Венера⁸⁹ в те времена, когда богини действительно спускались с небес к смертным.

– О сударыня, – пролепетала я, совершенно раздавленная, – вы осуждаете меня несправедливо! Как только я приехала в Лондон, мой первый визит был к вам, чтобы оказаться подле вас, повиноваться вам беспрекословно, коленопреклоненно услужать вам, как сейчас, – вот для чего я отправилась в Лондон. Я оставляла здесь о себе весточку, но вы, быть может, забыли об этом?

– Идите-ка сюда, – приказала она и притянула меня на подушки рядом с собой. – Вы же видите, что я, напротив, вас вовсе не забыла, если разыскивала повсюду и даже отправилась в магазин этого отвратительного Плоудена... Но почему вы сюда не возвращались?

Я опустила глаза, собираясь соврать:

– Я опасалась, что вы еще не возвратились в столицу.

– Тогда почему же вы велели мистеру Хоардену не давать мне ваш новый адрес?

– Ах, я ничего не запрещала! – протестующе воскликнула я. – Вероятно, сам мистер Хоарден...

Тут она с усмешкой прервала меня и закончила фразу:

– ... пожелал оградить вас от той опасности, которой ваша нравственность подверглась вблизи меня, не правда ли?

Покраснев, я потупила глаза.

– Итак, лгать вы еще не научились, – сказала она. – Я в буквальном смысле слова угадала, что там произошло.

Она позвонила, и на пороге возникла миссис Нортон. Протянув ей пачку заранее приготовленных банкнот, мисс Арабелла приказала:

– Возьмите это, доставьте к Плоудену и скажите, что я оставляю покупку у себя вместе с той, кто ее принесла.

– О сударыня! – вскричала я. – Как? Вы желаете?...

⁸⁸ *Цехин* – старинная золотая венецианская монета, чеканившаяся с XIII в.; с середины XVI в. подобные монеты чеканились во многих странах Европы и назывались дукатами.

⁸⁹ *Книд*, *Пафос* – античные приморские города: первый – в Кари, исторической области в нынешней Турции; второй – на острове Кипр, где особенно почиталась Венера и были выстроены храмы в ее честь.

– Послушайте, неужели вы заставите меня поверить, что сожалеете о ювелирном магазине мистера Плуодена и грезите только о том, чтобы остаться барышней из лавочки? Полно! В таком случае вся моя вера в физиогномику пошла бы прахом⁹⁰. Здесь, моя дорогая, – прибавила она, смеясь, – вы вольны декламировать в свое полное удовольствие, и никто не станет жаловаться, что вы слишком громко грезите вслух.

– Как! Вы и об этом знаете?... – невольно вскрикнула я.

– Я очень любопытна, очень, а сей грешок, как вам известно, свойствен красивым женщинам. Так вот, повторяю, здесь вам будет позволено декламировать сколько душе вашей угодно. И ходить на представления так часто, как пожелаете.

– О, неужели это правда, сударыня?

– Мне не составит труда удовлетворить подобную прихоть: у меня уже абонирована ложа на весь год, и она всегда пустует; вы будете пользоваться ею всякий раз, как у вас появится такое желание.

Тут она обернулась к миссис Нортон:

– Что такое? Почему вы еще здесь, дорогая?

– Я бы хотела напомнить вашей милости, что от пяти до шести часов она ожидает визит, а поэтому, если я отправлюсь к мистеру Плуодену сама, хотя он и в двух шагах отсюда, персоне, которую ожидают в это время, могла бы прийти и не обнаружить внизу никого, кто бы сопроводил ее к вам.

– Вы правы. Пошлите Тома. А если лицо, которое мы ожидаем, объявится, попросите его чуточку подождать в гостиной и предупредите меня. Ступайте!

Миссис Нортон вышла.

– Посмотрим же на бриллианты, – с рассеянным видом промолвила хозяйка дома.

Я тотчас открыла перед ней ларчик:

– Они действительно великолепны!

– О Бог мой, у меня их столько! Но Джордж вчера мне сказал, что всем камням он предпочитает изумруды; а ведь надо же что-то делать для тех, кто вас... Ох, у меня с губ чуть не слетело мерзкое слово: я едва не произнесла «кто вас содержит» вместо «любит»!

Я подняла на нее глаза, и нечто вроде холодного пота выступило у меня на лбу: я начала догадываться, насколько прав был мистер Хоарден, но было уже поздно.

– Помогите мне надеть этот гарнитур, – сказала мисс Арабелла и поочередно подставила мне шею, уши и руки.

Был ли мой переход из магазина на Стренде в особняк на Оксфорд-стрит возвышением или падением? Я еще не могла решить. В заведении ювелира я находилась ради услужения публике, в особняке на Оксфорд-стрит стала камеристкой мисс Арабеллы.

Я как раз застегивала второй браслет, когда возвратилась миссис Нортон и кратко доложила;

– Это он.

– И где он?

– В гостиной.

– Проводите мисс в апартаменты, что выходят в сад, проследите, чтобы она ни в чем не испытывала нужды, и приставьте к ней Сару для услуг.

Миссис Нортон открыла маленькую дверцу, незаметную в деревянной панели, и пригласила меня следовать за собой, меж тем как мисс Арабелла встала, сделала несколько шагов по направлению гостиной и нежнейшим голосом произнесла:

⁹⁰ *Физиогномика* – учение о соответствии черт лица и других особенностей телесного строения свойствам личности; особенно вошло в моду в Европе в кон. XVIII в. после трактата «Физиогномические фрагменты» (1775–1778) швейцарского писателя, философа, поэта и протестантского теолога Иоганна Каспара Лафатера (1741–1801).

– Входите же, мой дорогой принц!

IX

Мои апартаменты состояли из трех хорошеньких комнаток, выходивших окнами в сад. Располагались они на высоте обычных антресолей. Одна из них – та, что посредине, – имела балкон, выдвинувшийся подобно террасе под сенью пышных зеленеющих крон высоких деревьев. Этот балкон был густо увит плющом и диким виноградом и как бы опоясывал дом, проходя под окнами других комнат.

При виде этого балкона мое сердце подпрыгнуло от восхищения. Он напомнил мне декорацию ко второму акту «Ромео и Джульетты». Когда в полночный час, при лунном свете, я в белом пеньюаре выйду на этот балкон, ничто не помешает мне вообразить себя Джульеттой. Мне не хватало только Ромео.

Оставшись одна, я тотчас принялась размышлять о новой перемене, только что совершившейся в моей жизни. К каким берегам меня несло и какой рок толкал меня? Было ясно, что некая воля, во много раз могущественнее моей, распоряжалась моим существованием, не позволяя мне воспротивиться ее намерениям.

Сначала она проявила себя в нежданной щедрости графа Галифакса, которая, избавив меня от униженного положения и природного неведения, заменила ее начатками образования, может скорее развращающими, нежели полезными. Потом меня, оставшуюся без покровительства графа, случай приводит в лоно семьи доброго, честного пуританина, где, как мне представляется, моя жизнь хотя бы некоторое время будет течь ровно и безопасно. Однако непредвиденная встреча с Эми Стронг если не порождает, то с огромной силой разжигает в моей душе надежды, что я гнала, пытаюсь сопротивляться руке судьбы, так властно влекущей меня.

И вот я приезжаю в Лондон по приглашению женщины, совсем незнакомой мне, но Провидение, на сей раз снизойдя до того, чтобы обратить на меня свой взгляд, устраняет эту женщину с моего пути. Взамен оно посылает мне мужчину с благородным сердцем и женщину с душой нежной и полной сочувствия, и для них я в одно мгновение из чужого человека становлюсь другом, для меня ищут и находят место, настолько же более почетное, чем то, какое я занимала в доме Хоардена-отца, насколько то место было предпочтительнее моей работы у миссис Дэвидсон. Девчонка, пасшая овец, достигла положения доверенного лица одного из богатейших лондонских ювелиров, но рок, которого я, казалось, избежала, вновь настиг меня и, прежде чем я успела осознать происходящее, опять толкнул на гибельный путь, где меня подстерегают печали, о каких так убедительно говорил мистер Хоарден.

Что делать?

Еще есть время: бежать из этого рокового дома, броситься к мистеру Хоардену, все рассказать ему, признаться во всем, даже в моем желании стать актрисой, крикнуть ему: «Вот я... спасите же, спасите меня!» И сделать это до наступления ночи, ведь если я исчезну на целую ночь – все будет кончено.

Или остаться? Остаться, и пусть течение несет мою лодку без руля и без ветрил, среди стремнин и водоворотов, пусть вынесет в Океан, то есть в неизвестность – как знать, может быть, к чудесной стране Катай, что открыл Марко Поло⁹¹, но, возможно, и в безжизненный край полярных льдов и торосов.

⁹¹ *Марко Поло* (ок.1254–1324) – итальянский купец-путешественник; в 1271–1273 гг. совершил путешествие в Китай, находившийся тогда под властью монголов, где прожил около 17 лет. «Книга Марко Поло», написанная с его слов (в ней использованы также рассказы его отца и дяди – Никколо и Маффео Поло, – посетивших Китай ранее) и повествующая, в частности, о путешествии в эту страну, была одним из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии. Катай – старинное европейское название Китая.

Однако как не задуматься о жизни этой женщины, у которой замечательные лошади и роскошные кареты, слуги в богатых ливреях, великолепный дом и такие бриллианты, что нет слов описать их красоту, и ложи во всех театрах, и любовник, к кому она обращается со словами: «Входите же, мой дорогой принц, я жду вас!» Как сравнить все это с существованием бедной девушки, вынужденной стоять за прилавком, подниматься в восемь утра, проводить дни, перебирая драгоценности? От всех этих украшений в ее пальцах остается лишь память о прикосновениях, в глазах – только отблеск их сверкания, а в десять вечера, когда ей пора ложиться спать, оставшись одна в своей комнате, она не имеет права даже декламировать стихи Шекспира. Ей приходится бояться, как бы в противном случае соседки не стали жаловаться, что она их беспокоит, а хозяин – спрашивать, уж не бредит ли она!

О Боже всемогущий! Пусть будут признаны святыми те из женщин, чьи души в силах противостоять бурному потоку желаний! Но даруй прощение, Боже, тем, кто не смог вынести искушений мирских и тягот того положения, в какое поставили нас законы человеческие! Смилуйся над ними, Создатель, ибо они достойны прощения!

Увы! Я сама из их числа. Протекли вечерние часы, настала ночь, а я так и не смогла ни на что решиться. Мне бы следовало, по крайней мере, написать мистеру Хоардену, попросить поцеловать за меня стопы миссис Хоарден, этой достойнейшей из женщин... Я же не только не прибегла к его гостеприимству и покровительству, не только не послала ему ни строчки, но, стыдясь взглянуть ему в глаза, стала избегать встречи с ним. Чувствуя, что каждое воспоминание о нем чревато муками раскаяния, я старалась все забыть; когда же это не удалось, сделала все, чтобы заставить свою совесть оглохнуть.

Так я во второй раз проявила неблагодарность. А между тем все могло бы обернуться совсем иначе. Я хотела написать письмо: вошла в маленький кабинет, где еще раньше заметила бюро, и стала искать в этом бюро бумагу, перо и чернила. Но ничего этого там не было, я нашла только какую-то книгу. Машинально раскрыв ее, я прочла: «*Кларисса Гарлоу*»⁹².

Я понятия не имела, что это вообще такое – роман, как ранее, приехав в Лондон, не знала, что такое спектакль. Итак, я открыла книгу или, точнее, распахнула еще одну дверь в неведомый фантастический мир. Я вошла туда с тем же чувством, что испытала, когда театральные занавес впервые поднялись перед моими глазами.

Этот роман, написанный, как утверждают, с нравоучительной целью, произвел на меня впечатление прямо противоположное тому, на какое рассчитывал автор. Ловелас, вместо того чтобы ужаснуть меня как коварный обольститель, показался мне чрезвычайно обворожительным джентльменом. Я завидовала несчастной Клариссе Гарлоу: за то счастье, какое она испытала, любя его, я готова была расплатиться ценою всех тех бед и превратностей, что выпали на ее долю.

С того момента, когда эта книга попала ко мне в руки и я открыла ее, уже не могло быть речи ни о том, чтобы написать мистеру Хоардену, ни о возвращении в ювелирный магазин Плоудена. Фея вновь коснулась меня своей волшебной палочкой, и я больше не принадлежала себе.

Миссис Нортон зашла спросить меня, не спущусь ли я выпить с ней чаю, но застала меня всецело поглощенной чтением. Я спросила ее, исходит ли это предложение от нее самой или это приказание мисс Арабеллы. Она отвечала, что мисс Арабелла сейчас принимает гостей и, вероятно, ей не до меня. Тогда я попросила миссис Нортон прислать ко мне

⁹² «*Кларисса Гарлоу*» (1747–1748) – роман С. Ричардсона, весьма популярный в XVIII – первой трети XIX в. Кларисса, его чистая и привлекательная героиня, тяготится суровым и жестоким бытом своей семьи; легкомысленный аристократ Ловелас увлекает ее обещанием избавить от гнета окружающих; она верит его сладким речам, а он уводит ее в притон, одурманивает и лишает чести. Добродетельная девушка не может мириться со своей судьбой, заболевает и умирает. *Ричардсон, Сэмюэл* (1689–1761) – английский писатель, автор психологических сентиментальных семейно-бытовых романов: «Памела, или Вознагражденная добродетель», «История сэра Чарлза Грандисона», «Кларисса Гарлоу».

в комнату мой чай и сэндвичи, что заменит мне и полдник и ужин, и предоставить мне возможность продолжать чтение.

Ни ее появление, ни уход не заставили меня поднять глаза от книги. Через минуту я услышала, как вошел лакей, принесший все, что я просила. По-прежнему не отрываясь от книги, я сделала ему знак, чтобы он поставил все принесенное на столик и оставил меня одну.

Поскольку лакей, должно быть, и не мог желать ничего лучшего, чем избавиться от необходимости прислуживать мне, он повиновался. Когда он ушел, я заперла за ним дверь, словно боясь, что мне могут помешать.

Я забыла о чае, о миссис Нортон, о мисс Арабелле, я весь мир забыла: теперь я была Клариссой Гарлоу, как раньше – Джульеттой.

Однако через два или три часа подобного лихорадочного чтения в моей душе воцарился такой хаос, мозг был так разгорячен, что я ощутила настоятельную потребность подышать свежим воздухом.

Я открыла окно и, выйдя на балкон, присела на одну из каменных скамей.

Была дивная летняя ночь, подобная той, которую некогда выбрал Шекспир, чтобы населить ее персонажами своих грез. Лунный свет, проникая сквозь листву деревьев сада, придавал переливчатый блеск траве газона и дремлющей воде бассейна. Соловей Джульетты заливался в кустах. Это была одна из тех ночей, что опьяняют больше, чем самое жаркое солнце, и питают любовное томление в девичьем сердце.

Сквозь шелковые занавески мне были видны ярко освещенные окна апартаментов мисс Арабеллы. Оттуда приглушенно просачивались звуки арфы и негромкий женский голос.

Я никогда прежде не слышала этого божественного инструмента, трепет его струн, их звучание, едва доносившееся до моих ушей сквозь все препятствия, были полны бесконечной сладостной неги. Искусство и природа объединились, чтобы дать этот концерт, столь согласный с моими мечтами. Соловей Джульетты и арфа Клариссы вместе пели мне: «Все полно любви! Мы любили, люби же и ты!»

Внезапно одно из окон распахнулось, оттуда хлынул свет, вырывая из мрака часть сада так, что я могла, оставаясь в тени, наблюдать за происходящим, не будучи замеченной. В окне появилась женщина: то была мисс Арабелла.

Я хотела было уйти, но, сообразив, что меня невозможно увидеть, осталась на месте.

Вместе со светом из окна изливалось благоухание. Потом я услышала голос:

– Где вы, Арабелла? Где же вы, наконец?

– Здесь, ваше высочество, – отвечала мисс Арабелла.

– Что вы делаете там у окна, моя дорогая королева?

– Я вся горю, вот и пытаюсь умерить жар.

Красивый молодой человек, почти мальчик, подросток, появился подле нее и оперся локтями на балкон; они стояли так близко, что развевающиеся волосы Арабеллы наполовину скрывали от меня лицо юноши и черные пряди одной смешивались с белокурыми локонами другого.

Этот молодой человек был не кто иной, как принц Уэльский, впоследствии ставший королем Георгом IV⁹³.

Обеими ладонями он приподнял прядь ее волос и страстно их поцеловал.

Я прислушалась, пытаюсь разобрать, о чем они говорят, но их голоса были так тихи, что до меня не донеслось больше ни слова. Я расслышала только звук одного или двух поцелуев,

⁹³ Имеется в виду наследник английского престола принц Уэльский Георг (1762–1830); в 1811–1820 гг., во время болезни своего отца Георга III, – регент Англии; в 1820–1830 гг. король под именем Георга IV; был известен распутным образом жизни.

потом юноша охватил рукой стан мисс Арабеллы и увлек ее в глубь комнаты. Окно закрылось, вслед за тем тяжелые шторы, упав, скрыли льющийся оттуда свет. Видение, полное любовной неги, скрылось, оставив и меня во власти какого-то непонятного томления.

Соловей все еще пел, но звуки арфы умолкли.

Мне вспомнилась сцена второго любовного свидания в «Ромео и Джульетте», и я с новой, еще неведомой силой ощутила в своем сердце тот сладостный трепет, что впервые овладел мною тогда в театре, а с ним и жажду выразить свое смятение вслух великолепными строками Шекспира. Но я колебалась, не смея звуком человеческого голоса нарушить эту гармоническую тишину, полную соловьиного пения и тех неуловимых, чуть слышных шорохов, которые, рождаясь в прозрачном сумраке летней ночи, кажутся шелестом крыл Оберона и Титании⁹⁴.

И все же, помимо моей воли, словно капля, что соскальзывает с края переполненной чаши, с моих уст сорвался первый стих:

Уходишь ты? Еще не рассвело...⁹⁵

Тут же я, вся дрожа, огляделась по сторонам. Никого не было поблизости. Я осмелела и, больше не таясь, взволнованно воскликнула:

Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья. Он по ночам
Поет вон там, на дереве граната.
Поверь, мой милый, это соловей! —

и умолкла, тяжело дыша. Мне послышался шум, как будто где-то открыли ставни окна.

Я поглядела туда, откуда донесся шум. Но все было тихо, казалось, я по-прежнему одна здесь. Звуки собственного голоса доставляли мне огромное наслаждение, и я продолжала, отвечая вместо отсутствующего Ромео:

Нет, это были жаворонка клики,
Глашатая зари. Ее лучи
Румянят облака. Светильник ночи
Сгорел дотла. В горах родился день
И тянется на цыпочках к вершинам.
Мне надо удалиться, чтобы жить,
Или остаться и проститься с жизнью.

Победив первоначальную неловкость, пьянея от мелодии стихов и голоса, их произносящего, я продолжала со всей выразительностью, какую могла вложить в эту сцену, играть ее до конца. Следующая реплика была по праву моя, и я отвечала с таким жаром, будто Ромео присутствовал здесь и мог услышать меня или передо мной был полный зал публики, готовый мне аплодировать:

Та полоса совсем не свет зари,
А зарево какого-то светила,

⁹⁴ Оберон и Титания – персонажи комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», царь и царица фей и эльфов (сказочных волшебниц и добрых духов природы).

⁹⁵ «Ромео и Джульетта», III, 5.

Взошедшего, чтоб осветить твой путь
До Мантуи огнем факелоносца.
Побудь еще. Куда тебе спешить?

Мне показалось, что звучанию последних строк не хватало страсти, и я повторила их от всего своего сердца.

На сей раз я осталась довольна собой. Словно все струны моей души прозвучали в этих словах, в этой мольбе: «Побудь еще. Куда тебе спешить?»

Тогда я вместо Ромео ответила самой себе:

Пусть схватят и казнят. Раз ты согласна,
Я и подавно остаюсь с тобой.
Пусть будет так. Та мгла – не мгла рассвета,
А блеск луны. Не жаворонка песнь
Над нами оглашает своды неба.
Мне легче оставаться, чем уйти.
Что ж, смерть так смерть! Так хочется Джульетте.
Поговорим. Еще не рассвело.

Я вспомнила, как прекрасна была миссис Сиддонс в тот миг, когда, признавая, что ошиблась, она вдруг понимает, какую опасность ее ошибка, а вернее, ее любовь может навлечь на Ромео. И, подобно ей, я вскричала таким же прерывающимся от ужаса голосом:

Нельзя, нельзя! Скорей беги: светает,
Светает. Жаворонок-горлодер
Своей нескладицей нам режет уши,
А мастер трели будто разводит!
Не трели он, а любящих разводит.
И жабы будто у него глаза.
Нет, против жаворонков жабы – прелесть!
Он пеньем нам напомнил, что светло
И что расстаться время нам пришло.
Теперь беги: блеск утра все румяней.

Едва лишь я произнесла последний стих, вложив в него всю страсть, что была в моей душе, как чей-то голос крикнул «Браво!» и раздались аплодисменты – как раз с той стороны, где ранее мне слышался шум открываемых ставен.

Я вскрикнула и стремглав бросилась в свою комнату, заперлась там и, вся трепеща, рухнула на диван.

Итак, я ошиблась. Я была не одна. У меня был слушатель.

Но кто же он? Вероятно, молодой человек: его голос свеж, с выразительным тембром. Что до аплодисментов, то они продолжались даже тогда, когда я захлопнула свое окно. Пожалуй, они еще усилились, как бывает в театре, когда публика хочет заставить вновь появиться на сцене артиста, который только что дебютировал при столь же необычных обстоятельствах.

И я, каким бы сильным ни было мое волнение, чувствовала, что оно сладко.

Возможно, все эти подробности выглядят смешным ребячеством в глазах того, кто когда-нибудь прочтет эти строки. Но чем еще я оправдаю свое падение, если не сумею показать, как крут был склон, по которому я скользила вниз?

Х

Ночь, последовавшая за вечером, полным столь бурных переживаний, не погасила их: казалось, будто я сама превратилась в героиню какого-то романа.

Проникая в мои сновидения, волнуя сердце, встревоженное до самой глубины, меня преследовали два впечатления. Мне мерещилось сладостное видение любви: на фоне ярко освещенной комнаты – два прекрасных лица, склоненные друг к другу так близко, что смешались их волосы, их горячие вздохи. Вторым наваждением той ночи был мой незримый слушатель, тот, кто, конечно, не только внимал моим словам, но и не отрывал от меня взгляда, ловя каждую подробность ночной сцены, которую я разыгрывала, убежденная, что я совсем одна.

Так все соединялось, чтобы погубить меня: события моих дней, грезы моих ночей...

Мисс Арабелла появилась довольно поздно. Она приказала позвать меня. Я нашла ее в том же будуаре, где видела накануне.

– Милая моя крошка, – тоном королевы обратилась она ко мне, – я покидаю Лондон, меня не будет несколько дней. Я бы охотно взяла вас с собой, но это невозможно. Итак, во время моего отсутствия вы останетесь здесь. Я знаю, что вы любите театр: моя ложа к вашим услугам. Вы могли бы, если хотите, бывать там одна, но для таких проказ вы слишком юны и прелестны. Поэтому будет лучше, если вы станете брать с собой миссис Нортон – она с удовольствием согласится вас сопровождать. Единственное, о чем я вас прошу: никого здесь не принимайте. Когда я вернусь, и к тому времени ваше увлечение театром не пройдет, я замолвлю за вас два слова Шеридану и мы устроим вам дебют. Если случайно встретите Ромни, постарайтесь, чтобы он вас не заметил; если он заметит вас, попробуйте избежать разговора, если же все-таки он с вами заговорит, не говорите ему, у кого вы живете. Мы с ним в смертельной ссоре.

Я обещала мисс Арабелле, что последую ее советам.

– А теперь, – сказала она, – не хотите ли помочь мне преобразиться?

– Я с превеликой радостью сделаю все, что вы мне прикажете, – отвечала я. – Разве я здесь не для того, чтобы повиноваться вам?

– Да, но только в ожидании той поры, когда ты сама начнешь командовать другими, моя милая крошка! А с таким личиком, как у тебя, это произойдет очень скоро.

Она взяла меня за подбородок и продолжила:

– Действительно, Ромни был прав, считая, что с моей стороны это ужасная самонадеянность – допустить, чтобы такое прелестное личико все видели рядом с моим. Но знаешь, о чем я жалею? – прибавила она, проводя ладонью по моим волнистым волосам.

– Нет, – сказала я, – мне в самом деле непонятно, есть ли вообще в мире что-нибудь, о чем могли бы сожалеть вы, такая молодая, прекрасная, богатая, любимая!

– Ты действительно находишь меня красивой или, как другие, говоришь это, только чтобы мне польстить? – И она, стоя перед зеркалом, притянула меня к себе, приблизив свое лицо к моему, словно затем, чтобы сравнить эти столь различные роды женской привлекательности.

– Красивой! Очень красивой! – вскричала я так, что не могло остаться ни тени сомнения в моем чистосердечии.

– Ну вот, – сказала она, – а я сожалею, что не могу вместо этого стать красивым, очень красивым. Будь я мужчиной, клянусь, нет на земле таких безумств, которых я бы не совершила ради тебя. Э, смотри-ка, – прибавила она, – даже не будучи мужчиной, я уже начинаю безумствовать: заболтавшись с тобой, заставляю принца ждать.

Она поцеловала меня в лоб и позвонила, вызывая горничную:

- Что, мой наряд еще не готов? Портной обещал все закончить к трем часам пополудни.
- Платье ждет вас уже полчаса, сударыня.
- Так подайте его.

Служанка вышла и мгновение спустя возвратилась, неся в высшей степени элегантный костюм джентльмена.

– Как! – вырвалось у меня. – Вы наденете мужское платье?

– Да, принцу пришла такая фантазия. Мы проведем неделю в его загородном замке. Там будет несколько его друзей, мы будем охотиться и... да откуда мне знать, что нам придет в голову? Вчера он мне сказал: «Знаете, что вам надо сделать, Арабелла? Вам следовало бы переодеться мужчиной». Ну, я послала за своим портным и заказала ему этот костюм к трем часам дня. Он обещал успеть и, как видишь, сдержал слово. Итак, – мисс Арабелла повернулась к горничной, – чего вы ждете?

– Жду приказаний госпожи, чтобы помочь ей одеться.

– Не надо, мне поможет Эмма. Ты не откажешь мне в этой услуге, милая крошка?

– Конечно, нет.

– Итак, оставьте нас. Да велите привести почтовых лошадей, чтобы через полчаса мы могли отправиться.

Горничная ушла.

Тогда Арабелла принялась одну за другой рассматривать части своего нового туалета. Все было изготовлено с отменным вкусом и скроено так, что давало возможность оценить фигуру, которую будет облегать костюм.

Камзол был сшит из бархата цвета граната, с золотыми петлицами; жилет из белого шелка был украшен вышивкой, которая изображала зеленую ветвь, усыпанную цветами, неотличимыми от настоящих; небесно-голубые бархатные панталоны и сапоги, сделанные из кожи столь тонкой, что ее можно было принять за ткань, охватывая ногу выше колена, позволяли угадать, как она стройна, и дерзко обрисовывали ступню, самую миниатюрную и изящную, какую только можно вообразить.

Арабелла была, по-видимому, в восторге от своего нового наряда.

– Как ты считаешь, я буду сносно выглядеть? – спросила она.

– Вы будете неотразимы! – воскликнула я.

– Какая откровенная лесть! – сказала она и прибавила, сбрасывая свой домашний наряд: – Ну же, помоги мне.

Из ящика своего туалета она извлекла батистовую сорочку с жабо из великолепных английских кружев и такими же манжетами и протянула ее мне, чтобы я ей помогла в нее облачиться; волосы она уложила еще раньше, и мужская прическа чудесно подошла этому красивому лицу, в выражении которого, надобно признать, было куда больше дерзкого вызова, нежели скромности.

Между тем Арабелла разделась до пояса. Право, она могла бы соперничать красотой если не с античными статуями, то с творениями скульпторов средневековья, быть может более соблазнительными с точки зрения изящества и непринужденности. Это не была Венера⁹⁶ Праксителя или фидиевская⁹⁷ Победа, но несомненно одна из граций⁹⁸, изваянных Жерменом Пилоном⁹⁹.

⁹⁶ О Венере Книдской. Венера Медицейская – одна из многочисленных античных копий Афродиты Книдской Праксителя; находится во Флоренции. Пракситель (ок. 390 – ок. 330 до н. э.) – древнегреческий скульптор; работал главным образом в Афинах. Мраморная статуя «Венеры Книдской», как и другие его произведения, отличает чувственная красота и одухотворенность.

⁹⁷ Фидий (ок. 490–432/431 до н. э.) – древнегреческий скульптор, архитектор, мастер литейного дела и декоратор; в 450 г. до н. э. руководил художественным оформлением Афин, способствуя их превращению в культурный центр всей Греции; произведения его до нашего времени не сохранились, и представление о них дают описания в литературе и многочисленные копии; одна из прославленных его скульптур – статуя Афины Промехос («промахос» – «предводительница в битвах») в

Я застыла на мгновение, созерцая такое совершенство форм, которое в древности внушало религиозное поклонение.

– Ну, – сказала мне Арабелла, – о чем вы задумались, прекрасная мечтательница?

– Я смотрю на вас, сударыня, и думаю, что принц очень счастлив.

Она усмехнулась, мило передернула плечами и наклонилась, чтобы я могла надеть на нее сорочку.

Странная это штука – женская натура: наши высочайшие радости дарит нам тщеславие и даже самые нежные ласки значат для нас меньше, чем наслаждение, которое мы получаем от лести. Что я значила для мисс Арабеллы? Немногим больше, чем служанка. И однако было видно, что она так жаждет моих похвал, словно это были комплименты самого принца.

Как бы то ни было, она продолжала облачаться столь же неторопливо и с тем же кокетством. Разумеется, этому переменчивому созданию уже случалось наряжаться в костюм кавалера. Когда переодевание закончилось, метаморфоза оказалась полной: всякий поклялся бы, что перед ним юноша лет шестнадцати-восемнадцати, не более, хотя в женском платье она выглядела на двадцать пять, но, по всей вероятности, миновала уже и этот возраст, пору первого цветения жизни.

Упрекнув меня за неловкость – я не сумела повязать галстук, – она сама сделала это с быстротой и умением, выдающим привычку к особенностям мужского туалета. В это время вошла горничная и объявила, что почтовые лошади прибыли и карета ждет.

Мисс Арабелла бросила последний взгляд на свое отражение, потом на меня. Было видно, что в ней совершается какая-то внутренняя борьба, суть которой мне была непонятна. Вдруг она наклонилась к самому моему уху:

– Знаешь, о чем я думаю?

– Нет, – отвечала я, действительно ровным счетом ни о чем не догадываясь.

– Что я предпочла бы быть мужчиной и увезти тебя в этой карете, чем быть увезенной самой, пусть даже и наследником английского престола.

Потом, взяв маленький хлыстик, рукоятку которого украшал великолепный изумруд, сказала:

– Прощай! Будь спокойна, я вернусь как можно раньше. А пока оставляю тебя хозяйкой в этом доме.

И она удалилась стремительными шагами, похлопывая хлыстом по своим сапогам и позванивая шпорами о паркет.

Окно выходило на улицу. Я подбежала к нему, чтобы еще раз взглянуть на мисс Арабеллу. Легким движением она вскочила в коляску, влекомую четверкой лошадей, подняла голову и, увидев мое лицо, прижатое к оконному стеклу, послала мне воздушный поцелуй.

Фореиторы защелкали кнутами, и кони пустились в галоп.

Я осталась одна в этой теплой, благоухающей комнате, где было невозможно думать ни о чем другом, кроме роскоши, любви и сладострастия.

Я пробыла там целый час, пропитываясь этим возбуждающим духом, тем самым, что некогда делал Байи¹⁰⁰ местом, столь опасным для добродетели римских матрон¹⁰¹.

Афинах; вероятно, именно она и имеется здесь в виду.

⁹⁸ *Грации* (древнегреческие хариты) – первоначально античные божества плодородия; затем богини красоты и радости, олицетворения женской прелести.

⁹⁹ *Пилон, Жермен* (1535–1590) – известный французский скульптор, занимавший при дворе короля *Карла IX* пост главного контролера портретных изображений и наблюдавший также за чеканкой монет и медалей. Самое известное произведение Пилона – скульптурная часть надгробного памятника королю Генриху II (1519–1559; правил с 1547 г.), созданного для аббатства Сен-Дени (три грации, поддерживавшие бронзовую урну, в которой хранилось сердце короля). *Карл IX* (1550–1574) – король Франции с 1560 г.; в 1572 г. дал согласие на избиение протестантов в Варфоломеевскую ночь.

¹⁰⁰ *Байи* (соврем. Байя) – приморское селение близ Неаполя, курорт с теплыми сернистыми источниками; во времена Римской империи было излюбленным местом отдыха и развлечений римской знати, отличаясь легкостью царивших там

Как же все это отличалось от той атмосферы доброты и понимания, какую я встретила в доме на Лестер-сквер, или от обывательского и торгашеского духа, который царил в магазине мистера Плоудена, и, наконец, от пуританской суровости, что душила меня в семействе Хоардена-старшего.

«Я оставляю тебя хозяйкой в этом доме», – сказала мисс Арабелла, уезжая. К чему бы это? Какие права я приобрела? Чем заслужила подобную исключительную благосклонность?

Однако, каковы бы ни были причины моего особого положения, его преимущества оказались реальными, и я не замедлила в том убедиться. Вскоре появилась горничная и осведомилась, не будет ли каких-нибудь приказаний.

От меня ждали приказаний! От меня, которая до сих пор всегда только получала приказания!

Надо признаться, меня всю жизнь томило ощущение собственной униженности. Иногда, в часы счастливого опьянения, мне удавалось забыть, кто я и откуда явилась, но, оставаясь наедине с самой собой, я замечала, что куда более склонна торопливо наслаждаться милостями Фортуны, казалось возносившей меня лишь для того, чтобы сделать грядущее падение еще катастрофичнее, чем благодарить ее за это безумное возвышение, в котором я инстинктивно угадывала ошибку Провидения.

Я отвечала, что, если миссис Нортон угодно доставить мне удовольствие и отобедать в моем обществе, а затем отправиться вместе со мной в театр, я буду ей весьма признательна.

Миссис Нортон ничего лучшего и не желала: для нее было истинной удачей отправиться на спектакль. Она спросила, какой театр я предпочитаю. Но мне был известен только один – Друри-Лейн.

Там играли «Макбета»: то был триумф миссис Сиддонс.

В этот вечер мои впечатления очень отличались от тех, что вызвали во мне «Ромео и Джульетта». На сей раз я пережила все возможные степени ужаса. Взамен нежного очарования, которого миссис Сиддонс недоставало в роли Джульетты, здесь со всем блеском проявились качества противоположные: энергия голоса, непреклонность в чертах лица, честолюбивое вдохновение несокрушимой, как бронза, души – игра актрисы достигла совершенства почти сверхчеловеческого. Особенно она потрясала в сцене, когда леди Макбет толкает мужа на преступление¹⁰², а еще – когда она подбадривает супруга, напуганного призраком Банко¹⁰³, и, наконец, когда, преследуемая во снах не столько раскаянием, сколько тревогой за свое поколебленное могущество, она появляется в ночном одеянии, с широко открытыми невидящими глазами, с глухим задыхающимся голосом и, скованная сном, являет собою страшное зрелище ночных мук, терзающих убийцу¹⁰⁴, – в этих сценах актриса была блистательна, поистине недосягаема.

Я возвратилась с этого спектакля, может быть, еще более восторженная, чем в первый раз, однако менее растроганная: я восхищалась, но не плакала. Я чувствовала, что сейчас только, на этой постановке «Макбета», стала свидетельницей чуда искусства. А после

нравов. Возможно, здесь скрыт намек на строки римского поэта Проперция (Секст Аврелий Проперций; ок. 47 – ок. 15 до н. э.): «Только как можно скорей покинь ты развратные Байи: Многих к разлуке привел берег злокозненный их, Берег, что исстари был целомудренным девам враждебен. Сгиньте ж, любви палачи – байские злые ключи!» («Элегии», I, 11, 27–30; перевод Л. Остроумова.)

¹⁰¹ *Матрона* – в Древнем Риме знатная женщина, мать семейства.

¹⁰² Имеется в виду сцена, в которой леди Макбет подговаривает мужа убить своего повелителя, шотландского короля Дункана (I, 7).

¹⁰³ *Банко* – военачальник, убитый по наущению Макбета. Чтобы напомнить ему о совершенных им преступлениях, на пиру перед Макбетом предстает призрак Банко, видимый только ему одному (III, 4).

¹⁰⁴ Имеется в виду сцена (V, 1) трагедии «Макбет».

«Ромео и Джульетты» мне казалось, будто я сама была участницей подлинной, естественной, а не разыгранной драмы.

Вся трепеща, я вошла в свою маленькую комнатку и, находясь под свежим впечатлением от увиденного, попыталась, как и в тот вечер, когда мистер Хоарден повел меня в театр, повторить все только что увиденное. Но скоро поняла, что ни мое лицо, ни голос не созданы для того, чтобы передать впечатление ужасного: голос был слишком певуч, лицо – слишком нежно и юно. Я засмеялась сама над собой, признав собственное бессилие воспроизвести эти мрачные интонации, эту власть неотразимого искушения, что свойственны той, кому Макбет мог сказать:

... Bring forth men-children only;
For thy undaunted mettle should compose
Nothing but males...¹⁰⁵

А я как-то непроизвольно впадала в совсем иное настроение, мой голос выражал такие оттенки нежной влюбленности, что я не могла не подумать, сколько новых, еще неведомых красок нашла бы я для роли Джульетты. При том и мои черты преображались в волшебном согласии со словами поэта; итак, в конце концов я почувствовала, что мне бы никогда не удалось возвести какого-нибудь Макбета с собою вместе на трон, какие бы усилия я для этого ни предпринимала, зато для того, чтобы увлечь за собой даже в могилу и самого неподдающегося Ромео, мне вовсе не нужно никаких усилий – довольно лишь говорить, смотреть, улыбаться.

О, тогда я стала вспоминать сцену бала, она во всех подробностях прошла перед моими глазами: я видела, как две юные души, почти ничего не высказав вслух, уже безоглядно отдались друг другу, отдались с такой безраздельностью, что, когда Ромео уходит, Джульетта, чувствуя, что прекрасный незнакомец уносит с собой ее сердце, велит кормилице, чтобы та последовала за ним и узнала, кто таится под маской:

... Если он женат,
Пусть для венчанья саван мне кроют.

И я повторила эти слова, вложив в них всю свою душу, всю страсть, переполнявшую мое сердце. Внезапно мне послышалось, будто в саду, под балконом, кто-то зовет меня, но произносит не «Эмма», мое настоящее имя, а другое:

– Джульетта!

Была ли то игра воображения, обман чувств? Или я так увлеклась мечтами, что они стали мне казаться реальностью? Я осторожно приблизилась к окну, открыла его и вновь услышала голос, нежный, будто вздох ветерка:

– Джульетта! Джульетта!

Ромео нашелся, он был здесь, под моим балконом. Но как узнать, кто он?

¹⁰⁵ ... Лишь сыновей рожай. Должна творить Твоя неукротимая природа Одних мужей (англ.). — «Макбет», I, 7. Перевод Ю. Корнеева.

XI

Уверившись, что неизвестный действительно проник в сад, мне следовало закрыть окно, опустить занавеску, поспешить в глубь комнаты и запереть дверь на два оборота ключа; разумеется, я поступила бы именно так, если бы находилась в те минуты в ином расположении духа. Но, должно быть, тот, о ком в Писании сказано, что он крадетя, яко тать в нощи, уже наметил меня как свою будущую жертву¹⁰⁶ и не желал давать мне передышку, стремительно увлекая все дальше в бездну.

Вместо того чтобы закрыть окно и спастись бегством, я приклонила ухо к щели, образованной приоткрытыми ставнями, и прислушалась.

Тогда незнакомец, к моему величайшему удивлению, стал нежным, выразительным голосом декламировать шекспировские строки, как если бы мы с ним были призваны сыграть каждый свою роль перед невидимой публикой или, скорее даже, как будто я действительно была Джульеттой, а он настоящим Ромео.

Я внимала затаив дыхание:

Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна. Убей луну соседством;
Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.

... О милая! О жизнь моя! О радость!..¹⁰⁷

Как известно, древние приписывали пению сирен¹⁰⁸ магическое очарование, власти которого Улисс смог избежать только потому, что привязал своих спутников к мачтам корабля, а себе залепил уши воском¹⁰⁹. Увы! Я не была связана никакими путами. Увы, мой слух был открыт и жадно впивал сладостные мелодии любви! Этот голос привлекал меня с неотразимой силой, и я ступила на балкон с трепещущим сердцем и дрожащими губами.

А голос, казалось проникший в тайну моего сердца, продолжал:

Стоит, сама не зная, кто она.
Губами шевелит, но слов не слышно.
Пустое, существует взглядов речь!
О, как я глуп! С ней говорят другие.
Две самых ярких звездочки, спеша
По делу с неба отлучиться, просят
Ее глаза покамест посверкать.
Ах, если бы глаза ее на деле
Переместились на небесный свод!
При их сиянье птицы бы запели,

¹⁰⁶ Это ссылка на Первое послание апостола Павла к Фессалоникийцам (5:2). Здесь героиня Дюма имеет в виду дьявола, хотя в Писании эта метафора подчеркивает неожиданность явления Всевышнего.

¹⁰⁷ «Ромео и Джульетта», II, 2.

¹⁰⁸ *Сирены* – в древнегреческой мифологии сказочные существа: полуптицы-полуженщины, заманивавшие своим пением мореходов на опасные места и губившие их; в переносном смысле сирена – коварная обольстительница.

¹⁰⁹ *Улисс* (рим. именование Одиссея) – центральный персонаж «Одиссеи» Гомера; проплывая мимо острова сирен, привязал себя к мачте, а остальным своим спутникам велел залепить уши воском («Одиссея», XII, 166–200).

Принявши ночь за солнечный восход.

Увлеченная чудной поэзией этих строк, я стала входить в роль: припомнила миссис Сиддонс и так же подперла голову рукой. Мой неизвестный Ромео, который, видно, только и ждал момента, когда я освоюсь с мизансценой, продолжал:

Стоит одна, прижав ладонь к щеке.
О чем она задумалась украдкой?
О, быть бы на ее руке перчаткой,
Перчаткой на руке!

Тут уж не оставалось ничего другого, как ответить словами поэта.

О, горе мне!

– вздохнула я.

Голос отозвался со страстью, заставившей затрепетать все фибры моего существа:

Проговорила что-то! Светлый ангел,
Во мраке над моею головой
Ты реешь, как крылатый вестник неба
Вверху, на недоступной высоте,
Над изумленной толпой народа,
Которая следит за ним с земли.

Далее шла моя реплика. Я прижала руки к груди и с выражением, которое должно было ошастливать моего Скрытого в потемках собеседника, отвечала:

Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца да имя измени.
А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть.

Голос прошептал:

Прислушиваться дальше иль ответить?

Увлеченная своей ролью, я заговорила вновь, придав своему голосу самое ласкающее звучание:

Лишь это имя мне желает зла.
Ты б был собой, не будучи Монтекки.
Что есть Монтекки? Разве так зовут
Лицо и плечи, ноги, грудь и руки?
Неужто больше нет других имен?
Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.
Ромео под любым названьем был бы
Тем верхом совершенств, какой он есть.

Зовись иначе как-нибудь, Ромео,
И всю меня бери тогда взамен!

Должна признаться, что я с трепетом ожидала ответа, ведь то была реплика, с которой должен был начаться прямой диалог между мною и моим собеседником. И она не заставила себя ждать: Ромео отвечал с нежностью, которая ни в чем не уступала моей:

О, по рукам! Теперь я твой избранник!
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому.

Читателю нетрудно вообразить нас – меня на моем балконе и моего Ромео, скрытого в темноте, но отделенного от меня столь малым пространством, что, если бы мы оба протянули руки, наши пальцы могли бы соприкоснуться. Мне остается лишь повторить здесь всю шекспировскую сцену до конца, предоставив читательской фантазии самой дорисовать декорации, а заодно и чувства, которые в эти мгновения зарождались в сердце пятнадцатилетней девушки, дебютирующей, если можно так выразиться, сразу в двух областях – пьянящей поэзии и таинственной любви. Итак, далее я обойдусь без комментариев, сосредоточив все внимание на самой шекспировской сцене.

Я

Кто это проникает в темноте
В мои мечты заветные?

Ромео

Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.
Когда б оно попало мне в письмо,
Я б разорвал бумагу с ним на клочья.

Я

Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?

Ромео

Ни тот, ни этот: имена запретны.

Я

Как ты сюда пробрался? Для чего?
Ограда высока и неприступна.
Тебе здесь неминуемая смерть,
Когда тебя найдут мои родные.

Ромео

Меня перенесла сюда любовь,
Ее не останавливают стены.
В нужде она решается на все,
И потому – что мне твои родные?

Я

Они тебя увидят и убьют.

Ромео

Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.
Взгляни с балкона дружелюбней вниз,
И это будет мне от них кольчугой.

Я

Не попадись им только на глаза!

Ромео

Меня плащом укроет ночь. Была бы
Лишь ты тепла со мною. Если ж нет,
Предпочитаю смерть от их ударов,
Чем долгий век без нежности твоей.

Я

Кто показал тебе сюда дорогу?

Ромео

Ее нашла любовь. Я не моряк,
Но если б ты была на крае света,
Не медля мига, я бы, не страшась,
Пустился в море за таким товаром.

Последние слова в его устах прозвучали так пылко, что мне уже не потребовалось разыгрывать волнение – с искренним жаром я отвечала:

Мое лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне.
Хотела б я восстановить приличье,
Да поздно, притворяться ни к чему.
Ты любишь ли меня? Я знаю, верю,

Что скажешь «да». Но ты не торопись.
Ведь ты обманешь. Говорят, Юпитер
Пренебрегает клятвами любви.
Не лги, Ромео. Это ведь не шутка.
Я легковерной, может быть, кажусь?
Ну ладно, я исправлю впечатленье
И откажу тебе в своей руке,
Чего не сделала бы добровольно.
Конечно, я так сильно влюблена,
Что глупою должна тебе казаться.
Но я честнее многих недотрог,
Которые разыгрывают скромниц.
Мне б следовало сдержаннее быть,
Но я не знала, что меня услышат.
Прости за пылкость и не принимай
Прямых речей за легкость и доступность.

Ромео

Мой друг, клянусь сияющей луной,
Посеребрившей кончики деревьев...

Я

О, не клянись луною, в месяц раз
Меняющейся, – это путь к изменам.

Ромео

Так чем мне клясться?

Я

Не клянись ничем
Или клянись собой как высшим благом,
Которого достаточно для клятв.

Ромео

Клянусь, мой друг, когда бы это сердце...

Я

Не надо, верю. Как ты мне ни мил,
Мне страшно, как мы скоро сговорились.
Все слишком второпях и сгоряча,
Как блеск зарниц, который потухает,
Едва сказать успеешь «блеск зарниц».
Спокойной ночи! Эта почка счастья

Готова к цвету в следующий раз.
Спокойной ночи! Я тебе желаю
Такого же пленительного сна,
Как светлый мир, которым я полна.

Ромео

Но как оставить мне тебя так скоро?

Я

А что прибавить к нашему сговору?

Ромео

Я клятву дал. Теперь клянись и ты.

Я

Я первая клялась и сожалею,
Что дело в прошлом, а не впереди.

Ромео

Ты б эту клятву взять назад хотела?

Я

Да, для того, чтоб дать ее опять.
Мне не подвластно то, чем я владею,
Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская. Чем я больше трачу,
Тем становлюсь безбрежней и богаче.

Здесь нам требовался третий персонаж: по ходу действия в этом месте кормилица должна позвать Джульетту. И что же? По воле случая, который, видимо, желал сделать эту иллюзию реальности как можно более полной, в то мгновение, когда пора было прозвучать голосу кормилицы, из глубины комнаты и в самом деле донесся зов. Меня – Эмму на этот раз, а не Джульетту – окликнул какой-то женский голос, и я увидела, как кто-то приблизился к окну.

Уже не имея времени, чтобы изъясняться стихами, я прозой шепнула моему Ромео:

– Подождите, я вернусь.

Войдя в свою комнату, я лицом к лицу столкнулась с Эми Стронг. Мы не видались с самого дня моего прибытия в Лондон, с той минуты, когда я покинула постоянный двор на Вильерс-стрит. Бедняжка была вся в слезах.

Хотя ее появление пришлось не совсем кстати, я бросилась ей на шею со всем жаром юного сердца, что полно до краев и внезапно, изнемогая в жажде излиться, обретает долгожданного друга.

С первых же слов, произнесенных моей подругой по путешествию, я поняла, что история, которую она хочет мне поведать, весьма длинна и Эми не собирается, придя в столь поздний час, покинуть меня ранее завтрашнего утра.

Мне надо было проститься с Ромео; я провела Эми в мою спальню и, вернувшись на балкон, перегнулась через перила, протянув руку. Тотчас две ладони поймали ее, я ощутила прикосновение пылающих губ, и оба наших голоса одновременно шепнули:

– До завтра!

Я возвратилась к себе с бьющимся сердцем: все мои чувства были в страшном волнении, потрясенные тем новым и неизведанным, что проникло в мою кровь с помощью таинственных чар поэзии и любви.

XII

Эми Стронг без труда сообразила бы, что в моей жизни происходит нечто из ряда вон выходящее, но она была так поглощена тем делом, которое привело ее ко мне, что, видимо, ничего не заметила. Едва мы остались вдвоем, она тотчас приступила к своему рассказу.

Речь шла о ее брате Дике, том самом молодом парне, что когда-то занял мое место, взявшись пасти овец миссис Дэвидсон, потом сделался контрабандистом, а недавно вместе с нами отправился из Честера в Лондон. Так вот, этот самый Дик угодил в лапы вербовщиков, занятых очередным принудительным набором матросов для флота его королевского величества. Его уже успели приписать к команде коммодора¹¹⁰ Джона Пейна¹¹¹.

Моя задача состояла в том, чтобы умолить этого офицера вернуть юноше свободу. Эми Стронг слышала, что галантный коммодор ни в чем не может отказать хорошенькой куколке: итак, она тотчас подумала, что с моей помощью можно будет добиться желанной милости.

Она осведомилась обо мне у мистера Хоардена, тот послал ее к мистеру Плоудену, последний дал ей адрес мисс Арабеллы, прибавив, что я исчезла, но, возможно, искать меня надлежит именно там.

В тот вечер она заходила дважды. Ей сказали, что меня нет дома – и действительно, я ведь была в Друри-Лейн. Но, полная решимости повидаться со мною в какой бы то ни было час, Эми и в третий раз пришла, причем проявила такую настойчивость, что ее пропустили ко мне, хотя время уже близилось к полуночи.

Как читатель уже успел убедиться, она явилась в тот самый момент, когда, по ходу пьесы, кормилица должна была позвать Джульетту. Ее появление произвело двойной эффект: во-первых, окликнув меня по имени, она как бы вновь превратила меня из Джульетты в Эмму, во-вторых, она меня вынудила проститься с моим Ромео почти в тот же миг, когда Джульетта простилась со своим.

Я пребывала в том счастливом расположении духа, когда кажется, будто твое сердце так переполнено счастьем, что ты можешь одарить им весь род людской. Я обещала Эми Стронг завтра же заняться освобождением Дика. А поскольку она не могла возвратиться к себе в столь поздний час, мы постелили ей на канапе¹¹², чтобы она до утра побыла у меня, а там уж мы вместе возьмемся за осуществление нашего замысла.

Насколько было известно Эми, сэр Джон Пейн находился на борту своего судна под названием «Тесей», стоящего на якоре в русле Темзы, между Гринвичем и Лондоном¹¹³.

В конце концов Эми все же заметила, что я, в отличие от нее, сияю от восторга. Она рассказала мне о своей беде; что ж, и я поведала ей свою не то чтобы радость – в сущности, у меня ведь не было разумных причин считать себя счастливой, – но рассказала о том, чем было занято мое воображение, о мечтах, которые для молодой девушки составляют если не счастье, то сладкий мираж.

Само собой разумеется, что, пока мы бодрствовали, мой таинственный Ромео был предметом нашего разговора. Я уснула с его именем на устах, и тот поцелуй горел на моей руке – там, где его губы коснулись ее. Нечего и говорить, что моя ночь была исполнена самых пламенных грез.

¹¹⁰ Коммодор – первый адмиральский чин в британском и некоторых других флотах.

¹¹¹ Пейн, Джон Уиллет (1752–1803) – английский контр-адмирал, друг и доверенное лицо принца Георга Уэльского, с 1788 г. – член парламента.

¹¹² Канапе – небольшой диван с приподнятым изголовьем.

¹¹³ Гринвич – город на Темзе в 6 км к востоку от Лондона; ныне вошел в состав Большого Лондона.

Рано утром, открывая дверь своей комнаты, я заметила на паркете письмо; по-видимому, его просунули в щель между полом и застекленной дверью, ведущей на балкон. На конверте было написано: *«Джульетте»*.

Распечатав его, я прежде всего взглянула на подпись: тот, кто обращался ко мне, мог назваться по фамилии, но с таким же успехом мог ограничиться лишь именем. Да, подпись гласила: *«Гарри»*.

Потом я прочла письмо, хотя было бы вернее сказать, что я его проглотила.

Впрочем, я уже и сама мало-помалу стала догадываться обо всем. Ромео – Гарри был моим соседом; он увидел меня на балконе в тот вечер, когда я, думая, что осталась наедине с ночью и соловьем, певшим в саду, разыграла сцену из *«Ромео и Джульетты»*; это он приветствовал мою игру аплодисментами, заставив меня спастись бегством. Тогда ему пришла в голову идея на следующий вечер пробраться в сад, по примеру Ромео пренебрегая риском, с которым связана подобная дерзость, и выманить меня наружу, произнеся первые строки из прекрасной сцены в саду.

Читатель уже знает, что эта хитрость ему удалась.

Объяснения, которые он дал мне насчет самого себя, были кратки. Он студент университета в Кембридже¹¹⁴, но, влекомый к театру, по его словам, неодолимой силой призвания, которое разделяю и я, он предлагает мне вместе попытать счастья в погоне за артистическим успехом и славой.

Он умолял меня непременно прийти на балкон, когда наступит ночь, чтобы дать ему ответ, от которого, как он уверял, зависит все счастье его будущей жизни.

Как я уже сказала, под этим посланием, отнюдь не послужившим к успокоению моего смятенного сердца, стояла подпись: *«Гарри»*.

По-видимому, оно было написано непосредственно после конца нашей так внезапно прерванной сцены, и тот, кто его писал, забрался на мой балкон, но, убедившись, что я не одна и, вероятно, уже не останусь в одиночестве этой ночью, подсунил письмо под дверь.

Все это с полной очевидностью доказывало, что я в своих апартаментах вовсе не нахожусь в такой уж безопасности: стоит только моему соседу проявить дерзость, и мне не останется ничего иного, кроме как весьма быстро, как настоящей Джульетте, перейти от сцены в саду к сцене на балконе.

Увы! Еще одна бедственная особенность моего положения состояла в том, что моя душа так бесстрашно увлеклась историей этой любви. Если Джульетта, наследница Капулетти, то есть одного из благороднейших домов Вероны, призванная поддерживать честь семейства, которое ее обожало, заботливо взрастило в принципах высокой добродетели, следования всем суровым требованиям света, поддалась порыву юного сердца, презревшего все общественные запреты, и принесла в жертву возлюбленному свою невинность, свою честь и репутацию, как могу я, бедная безродная девчонка, обязанная своим воспитанием разве что общественной благотворительности, не знавшая своего отца и почти что не ведавшая материнского присмотра, принужденная с младенческих лет в поте лица зарабатывать свой хлеб, лишенная доброго примера – основы основ истинного воспитания; я, никому не обязанная отчитываться в своих поступках; я, не рискующая, поддавшись увлечению, опозорить свое родовое имя; я, которая, погубив себя, не погублю никого и ничего, кроме себя, – могу ли я даже помышлять о сопротивлении там, где Джульетта уступила?

Я об этом и не помышляла, да и вообще не думала ни о чем, кроме как о счастье вновь увидеть или, если быть точной, увидеть впервые моего неизвестного Ромео, ведь мне так и не удалось разглядеть его черты в ночных потемках. Только по звучанию его голоса я угадывала, что он молод, а по почерку и стилю письма могла судить о его тонком воспитании. Что

¹¹⁴ Кембридж – университетский город в Англии, а также название старинного университета (основан в 1209 г.).

касается наружности, то я была уверена: он красив, поскольку во всем этом приключении, в том, как он действовал, чувствовалась не только юношеская пылкость, но и уверенность в своей привлекательности.

Я поцеловала письмо и спрятала его на своей груди, у сердца.

Эми за это время уже успела одеться. Нам предстояло одолеть около полутора льё, чтобы добраться до того места, где расположилась английская флотилия. Но предстать перед адмиралом мы должны были не раньше полудня, таким образом, у нас было довольно времени, чтобы позавтракать и лишь после этого отправиться в путь.

Позвонив, я вызвала лакея и спросила, нельзя ли, чтобы нам подали завтрак сюда, в мою комнату. Он отвечал, что мисс Арабелла, уезжая, приказала, чтобы все в доме повиновались моим распоряжениям, как ее собственным.

Когда мы завтракали, слуга осведомился, не надо ли запрячь лошадей и подать карету к подъезду. Не желая, чтобы здесь все узнали, куда мы направляемся, я отказалась, прибавив лишь, что, по всей вероятности, вернусь не раньше вечера. Незадолго до полудня мы вышли из дому. Эми, лучше меня успевшая освоиться с лондонскими обычаями, наняла карету, условившись с кучером о плате за всю вторую половину дня, и мы покатили по направлению к Темзе. В общем, я предоставила Эми распоряжаться всем: мой ум был слишком занят вчерашними впечатлениями. То и дело я прикладывала руку к сердцу, чтобы убедиться, что письмо Гарри на месте и я не потеряла его. Единственным облачком, порой омрачавшим сладостные грезы моего сердца, была мысль о том, что, вместо богатого красавца аристократа, готового тотчас обеспечить мне славу миссис Сиддонс или роскошную жизнь мисс Арабеллы, которая разъезжает в карете, запряженной четверкой коней, судьба послала мне простого школяра, бедного артиста, предлагающего мне лишь одно: об руку с ним вступить на тернистый путь к вершинам театрального искусства.

Но ведь желанное благополучие не было навсегда потеряно, оно лишь откладывалось. Театр – это ведь своего рода храм, где культ красоты значит не меньше, чем культ таланта. И коль скоро я была уверена, что красива, – уввы, мне столько раз это повторяли, начиная с бедняги Дика, впервые сказавшего мне об этом в горах Уэльса, и кончая Гарри-Ромео, в чьем письме в то утро я прочла то же, – итак, я знала, что хороша, и надеялась, что талантлива. Стало быть, достижение блистательного успеха было всего лишь вопросом времени. А время у меня было, я могла и подождать.

Таким образом, я остаюсь верна первоначальному замыслу этих записок, до самых потаенных глубин открывая свою душу и помыслы перед людьми, быть может уже успешными со всей строгостью осудить меня, как и перед Богом, который, смею надеяться, будет более милостив ко мне в час моей кончины.

Если бы я сочиняла роман, я бы могла менять по своей прихоти последовательность и характер событий, сглаживать свои ошибки и приукрашивать грехи. Но я ведь назвала свою книгу «Моя жизнь», следовательно, я не имею права ничего изменить в событиях моей жизни и должна представлять их в истинном их значении, притом со всей возможной искренностью. Я признаю: будь моя книга романом, детищем человеческого ума, можно было бы сказать, что она плохо написана и – того хуже – дурно задумана. Ведь, являясь всего только плодом воображения, описанные в ней события не смогли бы оказать никакого влияния на жизнь окружающих меня людей. Но здесь речь идет совсем о другом. Я ничего не придумываю, а лишь переворачиваю страницу великой книги, что зовется историей человечества, книги, которую своим стальным пером пишет сама Судьба. Это она превратила меня в роковой метеор на небосводе столетия, оказавший пагубное воздействие на современников. Я обязана поведать все, как было, не скрывая даже самых низких своих помыслов, мой долг не утаить ничего, даже самые дурные мои дела, ибо одни веди за собой другие. Мое единственное оправдание в том, что я не хотела, не замышляла и не подготавливала заранее ни единого

из тех событий, которые со мной случались. Напротив, я всегда лишь уступала внешним силам, решавшим мою участь независимо от моей воли, слишком слабой, чтобы им противостоять.

Впрочем, признаться ли? . . . Да, движимая стремлением к суровой истине, я ведь решилась высказать все, даже то, что отчасти может служить и к моему оправданию, – мои худшие поступки или, вернее, худшие события моей жизни почти всегда исходили из благих намерений и превосходных принципов. И то, о чем мне предстоит сейчас рассказать, – моя первая ошибка, послужившая началом как моих падений в глубочайшие бездны позора, так и блистательных взлетов; эта ошибка была мною допущена во имя похвальной цели, продиктована человеколюбивыми соображениями. Ведь я хотела спасти брата моей подруги от самой ужасной участи, какая может выпасть на долю вольнолюбивого британца. И однако почему я вложила в это дело столько настойчивости, такой жар души и сердца? Уж не потому ли, что Дик когда-то первым так безоговорочно признал, что я красива?

Я была так погружена в свои мысли, что не заметила, ни по какой дороге мы едем, ни сколько времени ушло у нас на дорогу. Но вот карета остановилась.

Мы были на речном берегу, а неподалеку на якоре стоял великолепный военный корабль.

Нас уже ждали? Я этого точно не знала, но с тех пор не однажды меня посещало подозрение, что между Эми и коммодором все было условлено заранее. Как бы то ни было, едва мы успели выйти из экипажа, как от «Тесея» отчалила лодка с шестью гребцами и прямо направилась к нам. Все было так ново для меня и столько разнообразных чувств теснилось в моем сердце, что в тот момент такая подробность ускользнула от моего внимания. Я припомнила ее только потом.

Итак, мы тотчас оказались на борту судна.

Первым, кого я увидела, поднявшись по трапу, был Дик, уже переодетый в матросскую форму. Бросившись мне навстречу, он проговорил душераздирающим голосом:

– Ах! Мисс Эмма, сжальтесь над бедным Диком. . . его судьба в ваших руках.

Я не очень-то поняла, откуда у меня могла взяться столь большая власть, но у бедного парня был такой унылый вид, что я пообещала сделать для него все, что в моих силах.

Подошедший гардемарин грубо оттолкнул его, а нас провели в каюту сэра Джона Пейна.

Эта каюта являла собой один из самых изысканных будуаров, какие мне когда-либо приходилось видеть даже в те дни, когда моя жизнь проходила в будуарах королевы. Ковер был изготовлен из великолепных тигриных шкур; занавеси из лучшего индийского кашемира спускались со стен, когда же их приподнимали, взору являлась коллекция оружия, трофеи богатейших восточных базаров. Сам коммодор восседал, а точнее, возлежал на турецком диване, расшитом золотыми цветами, какие можно было вообразить где-нибудь на берегах Ганга или Босфора; диван же, в свою очередь, покоился на двух бронзовых пушках, сверкающих, словно золото; в обычные дни эти орудия были полностью скрыты под пышными складками ткани, но в часы сражений кашемир отдергивали, оставляя оружие годным к употреблению, диванные подушки, покрывающие орудия, также убирали, и будуар светской красавицы превращался в арсенал английского коммодора.

Сэр Джон Пейн, задрапированный в халат из китайской ткани, был погружен в чтение.

Когда мы вошли, он повернулся в нашу сторону ленивым движением человека, которого побеспокоил неожиданный визит. Потом, увидев перед собой двух женщин, он встал.

Я бросила на него быстрый взгляд: при всей его мгновенности этого мне хватило, чтобы увидеть все.

Перед нами был красивый офицер лет тридцати пяти, не более, по-видимому, обязанный своим высоким чином не столько военным кампаниям, в которых он участвовал, сколько

знатному происхождению и богатству. Одежда коммодора, так же как окружавшая его обстановка, говорила о пристрастии сэра Джона Пейна к блеску и роскоши; нож, которым он разрезал страницы книги, был серебряный с позолотой; на пальцах его сверкали перстни, а часы, лежавшие подле него, были украшены его фамильным вензелем из алмазов. Он распространял вокруг себя, если можно так выразиться, благоухание рафинированного аристократизма.

Эми, рыдая, – она владела поразительным умением проливать слезы, когда хотела, – бросилась к его ногам или, вернее, попыталась броситься, однако он удержал ее и спросил, какова причина ее прихода.

Она, делая вид, будто рыдания мешают ей говорить, дернула меня за руку и сделала мне знак, чтобы я объяснилась вместо нее.

Адмирал, казалось, только теперь заметил меня, он взглянул мне в лицо с таким видом, будто был очарован моей красотой, и предложил мне сесть рядом с ним.

Эми осталась стоять, закрывая лицо платком, и придушенным голосом сказала мне:
– Говори! Говори же! Его милость скорее тебя послушает, чем меня!

XIII

Я и сама была в сильном волнении. Прерывающимся голосом я объяснила адмиралу, в чем цель нашего визита, уверив его, что, возвратив свободу бедняге Дику, он получит право на мою вечную признательность.

Думал ли он так в действительности или желал мне польстить, но, как бы то ни было, адмирал спросил, какая причина побуждает особу моего общественного положения интересоваться судьбой этого простолюдина, о чьем освобождении я так хлопочу.

Со смирением, к которому примешивалась изрядная доля гордыни, я отвечала ему, что я вовсе не особа с положением, а бедная крестьянка, землячка Дика.

Тогда он взял мою руку и стал смотреть на нее, с сомнением качая головой.

Действительно, мои руки были очень красивы. Сколько помню себя, я весьма ревностно о них заботилась, движимая кокетством, которое проснулось во мне не по возрасту рано.

– Нет, нет, – заметил он смеясь, – это не руки крестьянки.

Я уверила адмирала, что он заблуждается.

– Ну, – сказал он, снимая со своего мизинца кольцо с бриллиантом и надевая его мне на палец, – не хватало только такого перстня, чтобы сделать их руками герцогини.

Я покраснела до ушей – от смущения, но больше от удовольствия. Однако, хотя мне тоже казалось, что с этим украшением мои руки обрели особенную красоту, я попыталась все-таки вернуть адмиралу кольцо, преподнесенное так галантно. Но он задержал мою ладонь в своей, заметив, что, если я останусь глуха к его просьбе, мне следует опасаться, как бы и он не отказал в моей.

Я бросила взгляд на Эми; она сквозь слезы глядела на меня с такой мольбой, что у меня не хватило духу упорствовать далее.

Кольцо осталось у меня.

Эми, казалось, заметно приободрилась. Она спросила:

– Но что же будет с моим бедным Диком?

– Послушайте, – сказал адмирал, – я теперь уже не вправе решить подобный вопрос сам; я могу предложить, чтобы его освободили, но мне необходимо получить согласие Адмиралтейства¹¹⁵.

– Да, – сказала я, сжимая руки Джона Пейна в своих, – но если освобождения попросите вы, они не могут отказать, не правда ли?

– Надеюсь.

– Скажите, что вы уверены!

– Чтобы доставить вам удовольствие, я сделаю все, что от меня зависит, – произнес адмирал с изысканно-вежливым поклоном.

– О, – вскричала я, – если все кончится хорошо, я буду вам так благодарна!

– То, что вы мне сейчас сказали, это правда? – спросил адмирал, пристально глядя на меня глазами, полными если не любви, так, по меньшей мере, желания.

Я покраснела и молча опустила голову.

Мне показалось тогда, будто он обменялся взглядами с Эми, впрочем, в ее взгляде, как и в моем, может быть, не было ничего, кроме мольбы.

– Что ж, – снова заговорил он, – я дам вам доказательство моей доброй воли. Я сегодня же отправлюсь в Лондон и там предприму необходимые меры.

– О, как вы добры! – воскликнула я.

¹¹⁵ *Адмиралтейство* – в Англии кон. XVIII в. высший орган управления и командования военно-морскими силами.

– А когда и где мы сможем получить ответ? – спросила Эми.
– Нет ничего проще, – сказал адмирал. – Подождите его.
– Здесь? – пробормотала я растерянно, вспомнив о свидании, назначенном на этот вечер.

– Нет, в Лондоне, в моем доме на Пикадилли¹¹⁶. Я с сомнением покосилась на Эми.
– Спросите у Эммы, – сказала она, – что касается меня, то я к услугам вашей милости.
– Я готова ждать, где вам угодно, милорд, – пробормотала я, надеясь, что нашла удачный ответ. – Только...

– Только? – повторил адмирал.

– Мне необходимо быть дома в десять вечера.

– Вы вольны удалиться, когда вам будет угодно. Но, поскольку ответ может заставить себя ждать и мне из-за этого, возможно, придется задержаться допоздна, давайте выпьем по чашке чая с пирогом. После этого я верну вам свободу и попрошу вас возвратит мне мою, чего, разумеется, не стал бы делать, если бы надобность оказать вам услугу не принуждала меня вас покинуть.

Он позвонил в китайский колокольчик, отозвавшийся протяжным трепетным звоном. Вошел слуга.

– Чаю! – распорядился адмирал.

Конечно, все приказания были даны заблаговременно, ибо лакей почти тотчас возвратился с подносом, полным пирожных, печений и прочих сладостей. Все это он поставил на стол.

– Ну, моя прекрасная просительница, окажите нам любезность: подайте чай, – сказал мне адмирал.

Я повиновалась, конфузясь и краснея, одной рукой протянула ему чашку чая, другой подала сахар, да при этом еще присела перед ним в малом реверансе, которому научилась в пансионе.

– В самом деле, – сказал мне сэр Джон, – все, что я о вас слышал, чистая правда: вы обворожительны!

Я с упреком посмотрела на Эми. Фраза, вырвавшаяся у адмирала, доказывала, что он не только предвидел мой визит, как мне раньше показалось, а просто ждал его.

– А, вы сердитесь на нее, зачем она мне проговорилась, что ее подруга – самое очаровательное создание на свете? И на меня вы сердиты за то, что мне захотелось увидеть вас? Но ведь с вашей стороны было бы очень жестоко отказаться прийти сюда. Тем самым вы бы обрекли вашего друга Дика на участь матроса, что, по-видимому, не является его призванием, а меня бы лишили возможности осуществить мое призвание, став вашим покорным слугой.

Я не знала, что мне ответить на эти речи, в которых было так много изящной учтивости, но явно маловато почтительности. Он протянул мне свою чашку, чтобы я добавила туда несколько капель сливок. При этом он заметил, что моя рука дрожит.

– Каково! – пробормотал он. – «Если вы порядочная и хороши собой, вашей порядочности нечего делать с вашей красотой»¹¹⁷.

Я с удивлением посмотрела на него.

– Вы не видели на сцене «Гамлета»? – спросил он.

– Нет.

¹¹⁶ *Пикадилли* – одна из самых престижных улиц и одноименная площадь в центре Лондона; район аристократических клубов, дорогих магазинов и увеселительных заведений.

¹¹⁷ «Гамлет», III, 1. Перевод Б. Пастернака.

– То, что я вам сейчас сказал, Гамлет говорит Офелии, поражаясь тому, как столько грации, красоты и добродетели может сочетаться в одной женщине.

Я покачала головой.

– Но, поскольку Офелия сомневается в любви принца Датского, – продолжал сэр Джон, – он говорит ей:

Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей¹¹⁸.

При этом сэр Джон сжимал мои руки в своих, а голосу придал выражение глубочайшей проникновенности:

Любовь бесхитростна¹¹⁹; я не унижу чувство,
Горящее в груди, уловками искусства.
В смиренной простоте всем сердцем вас молю
Не отвергать меня, ведь я вас так люблю!
О, знайте, Гамлет – ваш, примите ж без сомненья
И жизнь его, и страсть, и душу во владенье!

– И что же Офелия ответила на эти слова?

Сэр Джон поднялся.

– Гамлет, – сказал он, – не дал ей времени для ответа: он удалился, доверив сердцу той, которую он любит, говорить за него даже в его отсутствие.

– Вы нас покидаете? – спросила я.

– После трех часов я уже не застал бы лордов в Адмиралтействе, а я желаю доказать вам хотя бы, что умею держать слово, и сегодня же принести ответ, которого вы ждете, а уж будет ли он благоприятен, зависит не от меня.

– А что делать нам? – осведомилась Эми.

– Вы будете так любезны, что подождете меня на Пикадилли. Вас проводит туда мой лакей.

– Не могли бы вы, пока все не разрешится, отпустить бедняжку Дика хоть на сутки?

– Идет, – со смехом откликнулся сэр Джон, – но при одном условии. Пусть мисс Эмма поручится, что этот хитрец не вздумает дезертировать. А если это все же случится, придется мисс Эмме телом и душой отвечать за него.

– Эмма, ты согласна? – воскликнула моя подруга.

Я протянула руку сэру Джону:

– Даю вам слово, милорд.

– Теперь, – вздохнул адмирал, – я хотел бы лишь одного: чтобы мошенник удрал на край света! Что ж, пойдемте, если вам угодно, чтобы я доставил вас на берег.

– Мы поднялись на борт этого судна лишь для того, чтобы посетить милорда, – отвечала я. – И если милорд его покидает, нам больше нечего здесь делать.

Сэр Джон вторично позвонил в колокольчик, и появился тот же слуга.

¹¹⁸ «Гамлет», II, 2.

¹¹⁹ Следует иметь в виду, что Дюма использует в оригинале романа собственный перевод трагедии «Гамлет» (1847) на французский язык, выполненный рифмованным александрийским стихом в соавторстве с Франсуа Полем Мёрисом (1818–1905) и представляющий собой весьма вольное переложение английского подлинника. В оригинале Шекспира (и, разумеется, в русских переводах трагедии) приведенных далее стихов нет.

– Шлюпку! – приказал адмирал.

– Она готова, милорд.

– Вы сойдете на берег вместе с нами и проводите этих дам на Пикадилли. Ужин должен быть приготовлен к семи часам.

Я хотела было возразить против этого ужина в семь, но сэр Джон, не дав мне времени что-либо сказать, предложил мне руку и повел к трапу.

Все офицеры корабля между тем выстроились, образовав два ряда от дверей каюты до трапа.

Я не только потупила взор, но и опустила голову под их взглядами: они были до того тяжелы, что я даже ссутулилась под их бременем.

Не помню, как я оказалась в шлюпке; до моего слуха донесся голос адмирала, приказывающий Дику следовать за нами; потом суденышко отделилось от корабля и легко, как птичка, полетело к берегу.

На берегу уже ждала карета сэра Джона, рядом с ней стоял наш жалкий фиакр.

– Неужели вы собираетесь ехать в Лондон в этом? – удивился адмирал.

– Но как же иначе мы можем туда вернуться? – спросила я.

– Пикадилли мне по пути, я подвезу вас туда.

Он сделал лакею знак, чтобы тот заплатил кучеру фиакра, затем сам открыл перед нами дверцу экипажа и предложил мне войти туда первой, между тем как Эми успела обменяться несколькими словами с Диком, условившись, где они встретятся, когда станут известны результаты хлопот сэра Джона.

Дик, не столь гордый, как мы, забрался в фиакр и, торжествуя, велел кучеру везти себя в Лондон.

Сэр Джон расположился впереди, оставив нам два задних места, а лакей уселся рядом с кучером. Карета тронулась, я же – такова странная особенность моей участи – погрузилась в мечты, вовсе не сходные с теми, что переполняли меня на пути сюда.

Ах, этот символический образ судьбы как непрерывно вращающегося колеса, он просто создан для меня! Но откуда мне было знать, какой смысл имело это вращение, куда в те минуты увлекало меня колесо – вверх, вниз?

Поднялась ли я с того дня, как была пастушкой у миссис Дэвидсон? Опустилась ли?

Я так глубоко погрузилась в эти размышления, что едва заметила, когда сэр Джон завладел моей рукой, и оставила ее покоиться в его ладонях.

Через полчаса карета остановилась: мы прибыли на Пикадилли.

Дверца отворилась, и сэр Джон сошел первым, чтобы подать нам руку. Я испытывала признательность к истинному джентльмену, который обращался с нами словно с герцогинями, и в невольном порыве слегка сжала его пальцы.

– Благодарю! – шепнул он мне.

Резким движением я вырвала руку.

Он взглянул на меня с некоторым удивлением, но моя улыбка сказала ему, что в этом движении не было ничего оскорбительного для него.

Было уже больше трех часов, нельзя было терять ни минуты, если он хотел вовремя успеть в Адмиралтейство. Итак, он снова сел в карету, а мы в сопровождении слуги вошли в дом.

Этот дом, расположенный на полпути между Лондоном и местом, где стоял на якоре корабль Джона Пейна, являл собой очаровательный маленький особняк, меблированный со всею возможной изысканностью и не имевший иных владельцев или жильцов, кроме знатного покровителя Дика.

Лакей, оставленный с нами, чтобы было кому ввести нас в дом, проводил каждую в отведенную ей комнату.

Входя в свою, я приостановилась в изумлении, теряясь в догадках, где я раньше могла видеть эти самые покои.

В их реальности было что-то совершенно немислимое. Такая комната могла явиться мне только в грезах. Я еще ни разу даже не забредала на Пикадилли и, с тех пор как попала в Лондон, была здесь в первый раз.

Я стояла посредине изящно обставленной комнаты; прямо передо мною возвышалось большое зеркало в золотой раме; я узнала шторы из небесно-голубого шелка, туалетный столик и комод из розового дерева; под ногами у меня был турецкий ковер, над головой – плафон, украшенный фресками, достойными кисти Буше¹²⁰ или Ватто¹²¹. Сомнения не было: когда-то я уже видела эту комнату. Я упала в кресло, обивка которого была из той же ткани, что и занавеси, и этот ярко-голубой цвет вдруг напомнил мне мое платье пансионерки, я увидела себя в этом платье, присевшую над озерцом на холме, где паслись овцы миссис Дэвидсон. В тот день Дик сказал мне: «Вы смотрите в наше озерцо... А придет час, мисс Эмма, когда вы уедете в город и станете любоваться собой в больших зеркалах с золоченой рамой, что выставлены при входе в магазине Хоардена». Ведомая нитью воспоминаний, я мысленно вернулась в прошлое.

Эта комната, это зеркало, и турецкий ковер, и шторы, такие же голубые, как форменное платье пансионера – увы, столь далекое от меня! – да, все это являлось мне в моих детских мечтах, и вот при каких обстоятельствах семь или восемь лет спустя сон обернулся реальностью!

И Дик, предсказывавший все это, ныне сам стал виновником того, что предсказание сбылось. Такое странное стечение обстоятельств укрепляло роковое убеждение, уже пустившее корни в моем сердце, – мысль о том, что моей судьбой управляют таинственные силы, борьба с ними тщетна, и мне остается лишь покориться их власти.

Эми Стронг зашла ко мне примерно через полчаса и застала меня в том самом кресле, куда я упала, как только вошла в комнату. Кажется, моя задумчивость ее встревожила. Она стала пытаться развлечь меня болтовней о сэре Джоне Пейне, его доброте, проявленной по отношению к Дику, и любезности в обхождении с нами.

Ничего не отвечая, я только усмехнулась. Я уже начала понимать и цель этой любезности, и расчетливость этих благодеяний. Инстинкт подсказывал мне, что выкуп за Дика буду платить я – моей честью.

К несчастью, сэр Джон Пейн был молод, хорош собой, богат; на мою беду, он был галантен и казался добрым. Все объединилось, чтобы погубить меня, даже добрые инстинкты моего сердца, побуждавшие меня выручить Дика и утешить Эми.

Часов в пять к дому подъехала карета. Я вздрогнула, Эми с криком бросилась к окну.

Мне-то не нужно было туда бежать: я и не глядя чувствовала, что это сэр Джон, что он сейчас будет здесь.

Мгновение спустя дверь отворилась. Он стоял на пороге, сияя.

– Что вы подарите мне, мисс Эмма, – произнес он, – если я скажу, что принес добрые вести насчет вашего подопечного?

– Что же я могу вам подарить, милорд, – отвечала я, вставая и протягивая к нему руки, – что, кроме сердечной признательности за вашу доброту?

– Что ж, – промолвил он, – для начала я принимаю вашу благодарность. Остальные наши счета мы сведем после.

– Значит, вам удалось, милорд? – воскликнула Эми.

¹²⁰ Буше, Франсуа (1703–1770) – французский живописец, представитель стиля рококо; автор грациозных мифологических и пасторальных сцен, пейзажей, эскизов для шпалер.

¹²¹ Ватто, Антуан (1684–1721) – французский живописец и рисовальщик; с изысканной нежностью воссоздавал мир тончайших душевных состояний.

– По крайней мере, я имею основания на это рассчитывать. Бумагу об освобождении вашего брата мне обещали доставить сегодня же вечером. Если угодно, давайте в ожидании этого сядем за стол. Вы, должно быть, умираете от голода, ведь там, на корабле, вы едва отведали пирога. Да я и сам не буду скрывать, что все эти дела, которыми мне пришлось заниматься, пробудили во мне волчий аппетит.

Я только хотела напомнить, что мне необходимо вернуться на Оксфорд-стрит, как появился лакей и объявил, что, согласно приказанию милорда, стол накрыт.

Сэр Джон Пейн взял меня под руку и повлек в столовую, находившуюся на том же этаже, что и моя комната.

– Идемте же, мои прекрасные сотрапезницы, идемте к столу! – сказал он.

День начинал клониться к закату, и после полумрака комнаты, усиленного шторами, столовая, в которую мы вошли, показалась ослепительной: она была ярко освещена и грани хрустальных бокалов, золото и серебро, отражая, еще усиливали свет.

Право, ужин был таков, словно его приготовили руки фей для короля Оберона и королевы Титании. В зале было тепло, а воздух, напоенный ароматом, нежным и вместе с тем терпким, казалось, проникал в кожу сквозь все поры.

При виде всей этой роскоши, под воздействием этих обволакивающих благоуханий я ощутила что-то похожее на опьянение. Силы оставили меня, мои колени затрепетали, голова безвольно склонилась на плечо. Сэр Джон почувствовал, что я повисла у него на руке, и по моим затуманенным глазам и расслабленности во всем теле догадался, что со мной происходит.

– Вы из породы мимоз, – сказал он, – женщина и вместе с тем цветок. Счастлив тот, кто вдохнет аромат цветка и сорвет слово любви с уст женщины!

Я глубоко вздохнула, и он подвел меня, едва державшуюся на ногах, к моему месту, сам же сел рядом.

Очарование богатства всегда имело надо мной столь же могущественную власть, как ужас перед бедностью. Может быть, в моих жилах и в самом деле текла голубая кровь, и я потому прилагала столько усилий, чтобы возвратить права, отнятые у меня моим незаконным рождением? Из-за этого вся моя жизнь была лишь долгим опьянением. Когда я достигла такого общественного положения и богатства, что мне нечего было более желать в этом отношении, я, блестящая светская дама, впадала в такое же ослепление от славы, как некогда, будучи нищей девчонкой, пленялась знатностью и богатством.

В тот раз я впервые сидела за богато сервированным столом; впервые бокалы тешили мой взгляд игрой своих граней, сверкающих, как бриллианты; наконец, тогда в первый раз я пригубила игристое французское вино, похожее на тот напиток древних времен, которым руки вакханок наполняли чашу наслаждения.

Разумеется, все это никак не могло излечить меня от моего ослепления, охладить разгоряченную кровь, с лихорадочной быстротой бежавшую по жилам, погасить пламя, пылавшее в моей груди и обжигавшее мозг. Садясь за стол, я была уже пьяна от света, блеска, аромата.

Когда мы сидели за десертом, вошел слуга, неся письмо с большой печатью.

Сэр Джон распечатал депешу, убедился, что это бумага об увольнении Дика, и передал ее Эми.

Та поднялась и под предлогом, что Дик заждался и надобно поскорее сообщить ему добрую весть, попросила позволения удалиться.

Сэр Джон не возражал, он даже похвалил этот порыв, достойный доброй сестры.

Я поняла, что вся моя дальнейшая жизнь будет зависеть от этих пяти минут, которые истекнут сейчас. Видя, что Эми встала, я тоже поднялась. Сэр Джон не сделал ни единого движения, чтобы меня удержать, однако мне надо было зайти в мою комнату за шляпой и

накидкой. Усилием воли я овладела собой и, решившись вырваться из сетей соблазна, опрометью бросилась в комнату.

Она была освещена мягким светом алебастровой лампы. Не может быть ничего более прелестного, чем эта комната, погруженная в бледное сияние, напоминающее свет луны в летнюю ночь. Я замерла на мгновение, онемевшая, очарованная, раздираемая борьбой двух побуждений – остаться или последовать за Эми. Тогда я поняла, что нуждаюсь в какой-нибудь точке опоры вне меня. Я прижала руку к сердцу, стараясь нащупать письмо Гарри. Оно было на месте.

Я вздохнула увереннее и хотела выбежать из комнаты. Но дверь за мной захлопнулась и стала неразличима среди узоров лепного орнамента. Казалось, в мою жизнь вошло колдовство, и я стала пленницей во дворце феи.

Я повернулась, чтобы найти звонок и позвать слугу. Перед камином стоял сэръ Джон. Раскрыв объятия, он тихонько пробормотал одно лишь слово:

– Неблагодарная!

При звуке его голоса головокружение, с которым я насилу справилась, возникло вновь, огненный туман поплыл перед глазами, и я упала в ждущие меня объятия.

Благодарю тебя, Господи, что по твоему милосердному промыслу мое первое падение было следствием добрых чувств и преданности, а не сластолюбия и развращенности!

XIV

Я стала любовницей сэра Джона Пейна.

Это было началом целой череды самых прискорбных, хотя, может быть, и не самых постыдных событий моей жизни. Я дала слово исповедаться в них перед Богом и людьми, и да будет искренность моего повествования свидетельством покаяния.

Если бы чистосердечное сожаление в совершенном грехе рождалось лишь как следствие неприятностей или материального ущерба, которые он повлек за собой, у меня бы не было никаких причин сожалеть не скажу что о моей первой любви (любила я лишь однажды в жизни), но о моем первом опыте. Сэр Джон, впрочем, был достойный джентльмен, благородный, щедрый, любезный, и за те пять или шесть месяцев, что продолжалась наша связь, заслужил только мои похвалы.

Маленький особняк на Пикадилли был предоставлен в мое распоряжение, и когда он там появлялся – всякий раз, как обязанности службы оставляли ему досуг, – он вел себя так, будто явился не к себе домой, а в гости ко мне. Слугами и каретой также распоряжалась я, и по тому почтению, которое проявляла ко мне прислуга, я могла судить об отношении ко мне господина.

Осмотрев свою комнату, как поступила бы всякая женщина, не лишенная любопытства, оказавшись в новом для нее жилище, я обнаружила там кошелек с моими инициалами, а в нем – пятьсот или шестьсот фунтов стерлингов, в ларчике – бирюзовый гарнитур в оправе с бриллиантами¹²².

Едва лишь я поняла, что эти деньги предназначены мне, я тотчас разделила их на две равные части – одну для моей матери, другую для себя. Я послала матушке ее долю, но не сообщив, ни где я нахожусь, ни откуда взялись эти деньги.

В этом одно из моих утешений – ныне, когда мне угрожает печальная и безотрадная старость, знать, что, по крайней мере, в дни моих побед или моего позора я ни на миг не забывала о материальном достатке смиренной женщины, которой я обязана жизнью, столь блистательной и в то же время такой скорбной.

В конце концов, я была бы совершенно счастлива, если бы не две заботы: что подумал обо мне мой неизвестный Ромео, когда ему пришлось весь вечер напрасно прождать меня под балконом, и что сказала мисс Арабелла, когда, возвратившись, не нашла меня в своем доме.

В самом деле, странная у меня появилась манера покидать тех, кто делал мне добро или хотя бы желал этого. И мнение, которое после этого должно было складываться у них обо мне, тоже не могло не быть, по меньшей мере, странным.

Несколько дней я провела на Пикадилли как затворница: что-то вроде стыда мешало мне показаться на людях. Через два дня, после того как я там поселилась, меня навестили Эми и Дик. Они явились удивительно нарядные; я даже заподозрила, что им тоже перепало от щедрот commodora.

И все же сэр Джон Пейн добился от меня, чтобы я согласилась выезжать. Театр по-прежнему оставался моей главной страстью, и он снял ложе в Друри-Лейн.

Чтобы повезти меня туда, он выбрал день, когда давали «Гамлета». Не без волнения я слушала, как звучат с подмостков слова, которые я впервые услышала из его уст на борту «Тесея». Мысленно связывая свою судьбу с участью Офелии, я прониклась самым сердечным сочувствием к страданиям дочери Полония.

¹²² В ювелирный гарнитур обычно входят ожерелье, серьги, браслеты, перстни, налобное украшение и т. д.

Сцены ее безумия произвели на меня впечатление, сходное с тем, каким я была обязана сценам в саду и на балконе из «Ромео и Джульетты». Возвратившись из театра, я говорила только об Офелии и провела ночь в мыслях о ней, повторяя обрывки стихов, которые смогли удержаться в моей памяти.

В маленькой библиотеке дома на Пикадилли я не нашла Шекспира, но у сэра Джона на «Тесее» был томик, и, поскольку на следующий день коммодор должен был побывать там, он обещал взять с собой одного из слуг, чтобы тот привез мне книгу.

Я ждала обещанного Шекспира так, как другая женщина могла бы ждать браслеты или колье. Скорее вырвав, чем взяв книгу из рук лакея, я тотчас заперлась у себя в комнате и погрузилась в океан поэзии.

К вечеру я знала наизусть обе сцены безумия Офелии, а так как запомнила напевы, то печальные, то веселые, когда она приходит к милому дружку в Валентинов день¹²³ или осыпает цветами могилу отца, я могла в полной мере проявить с детства присущий мне мимический талант, изображая все это, копируя жесты и интонации актрисы, игру которой видела накануне.

Все это я проделывала в одиночестве перед тем самым большим зеркалом в золотой раме, которое напороочил мне Дик.

Не хватало мне лишь одного: костюма. Впрочем, костюм Офелии очень прост, всего-навсего длинное белое платье. Такое нетрудно сшить.

Я решила не прибегать ни к каким ухищрениям.

Вечером, за ужином, я попросила у сэра Джона позволения отлучиться на следующий день из дому. Он посмотрел на меня с удивлением:

– Как? Вы считаете, будто нуждаетесь для этого в моем позволении?

– Нет, – сказала я, – и все же без вашего разрешения я бы не ушла.

– Коль скоро вы так добры ко мне, может быть, вы сообразовоите быть откровенной до конца и скажете, с какой целью вы хотите уйти?

– Я хочу купить материи на платье, – отвечала я.

– Почему бы вам не пригласить вашу портниху?

Я рассмеялась:

– Потому что я хочу сшить себе платье сама.

– Узнайте хотя бы адреса лучших магазинов.

– Не стоит! То, что мне нужно, можно найти у первого попавшегося торговца. Собственно, не знаю, почему бы мне не послать туда вместо себя горничную... да, я так и поступлю, если вы согласитесь отправиться со мной в другое место.

– Куда бы вы ни повели меня, моя дорогая Эмма, я всюду буду чувствовать себя на пути в рай. С моей стороны было бы безумием отказаться от вашего предложения.

– Итак, договорились: после завтрака я пошлю свою служанку в город за покупками.

– А мы, куда отправимся мы?

– За город, если вам угодно. Завтра я хочу погулять на свежем воздухе.

– И на какой час вы назначаете нашу прогулку?

– После завтрака, если ваша милость позволит.

На том и порешили. Утром, едва лишь встав с постели, я отправила горничную на поиски самого красивого льняного полотна, какое только удастся найти, и широкой вуали из черного тюля.

¹²³ То есть 14 февраля, в день святого Валентина (ум. ок. 270 г.); по неясным причинам этот день (по крайней мере уже с XV в.) считается праздником влюбленных.

Сэр Джон слушал, как я отдаю эти распоряжения, ровно ничего не мог понять и, похоже, сгорал от любопытства узнать хоть что-нибудь о моих намерениях. Но я держала рот на замке.

Позавтракав, мы сели в карету, и я приказала везти нас за город, в ближние поля. Правда, поля, даже самые ближние, находятся довольно далеко от Лондона, и нам потребовалось больше часа, чтобы найти то, что было мне нужно.

Наконец я велела остановить экипаж и вышла.

– Я должен следовать за вами? – спросил сэр Джон.

– Конечно, – отвечала я. – Вы должны не только следовать за мной, но и помочь мне.

– В чем?

– Увидите.

Я вышла на полянку и принялась рвать васильки, лютики и овсюг.

Сэр Джон смотрел, что я делаю, и делал то же.

Когда у каждого из нас набралось по охапке дикорастущих трав, я возвратилась к карете.

– Что за странная идея, – сказал сэр Джон, – ведь мы могли бы купить сколько угодно прекраснейших цветов у лучших лондонских садовников, вместо того чтобы ехать сюда за этим сеном.

– А разве я вам не говорила, что я простая крестьянка? Вот полевые цветы и нравятся мне больше городских!

– Неужели я так несчастен, что не в силах заставить вас не сожалеть о тех временах, когда вы были нимфой флинтширских пустошей, а не одним из божеств Лондона?

– Нет, дорогой мой лорд, хотя моя божественность довольно сомнительна, ведь она признана лишь одним-единственным обожателем.

– О, что до вашего культа, – отвечал сэр Джон, – вам довольно показать себя смертным, и он тотчас станет всеобщим. Когда Венере пришла фантазия воцариться над миром, она вышла из пены морской¹²⁴, и ничего более от нее не потребовалось.

– Что же, – спросила я, смеясь, – вы мне советуете предстать перед моими будущими подданными в таком же одеянии, как мисс Афродита?

– Нет, черт возьми! При царе Кандавле такая попытка кончилась слишком плохо¹²⁵, чтобы стоило ее повторять.

Около трех часов дня мы вернулись на Пикадилли; сэр Джон высадил меня у ворот с моим снопом сена, как он выразился, и продолжал свой путь, поскольку еще должен был поспеть в Адмиралтейство.

Моя горничная к тому времени уже успела возвратиться с покупками, которые были мной заказаны; кроме того, я приказала горничной привести швею, и она также ждала меня.

Я хорошо запомнила фасон платья Офелии. Изменив в нем некоторые детали, что казались мне недостаточно изящными, я с той поразительной ловкостью, с какой всегда умела если не одеваться, то изобретать наряды, собственноручно выкроила некое подобие туники,

¹²⁴ Согласно греческому мифу, богиня любви Афродита родилась из пены морской на острове Кифера (лат. Цитера) в Эгейском море. Еще в III в. до н. э. в Риме греческая Афродита была отождествлена с римской богиней садов Венерой, и это отождествление сохраняло силу во всей европейской культуре до XX в. Кстати, следует сказать, что оригинальный греческий миф о рождении Афродиты не столь поэтичен, как кажется. Согласно ему, Крон (Кронос), сын бога неба Урана и богини земли Геи, подстрекаемый матерью, спрятался в ее лоне и золотым серпом отсек отцу детородный член во время совокупления. Этот член упал в море около острова Кифера, и из пены, образованной морской водой, кровью и семенем, и родилась Афродита.

¹²⁵ *Кандавл* – царь Лидии (на западе Малой Азии), последний из династии Гераклидов. По легенде, приведенной греческим историком Геродотом (ок. 484–425 до н. э.), он был так пленен красотой своей жены Нисы, что втайне от нее показал ее без покрывала своему любимцу Гигесу. Взбешенная Ниса подговорила Гигеса покончить с опорочившим ее супругом и затем возвела убийцу на престол (I,7-13).

пообещав горничной и швее по фунту каждой, если к девяти вечера наряд будет готов или хотя бы сметан.

Обе тотчас принялись за работу, подгоняемые надеждой на вознаграждение.

А я занялась разборкой полевых цветов и погрузила их в воду, чтобы они сохранили свою свежесть до вечера.

Сэр Джон явился в шесть, веселый и довольный.

Он ходатайствовал о двухмесячном отпуске и получил его. Эти два месяца он хотел полностью посвятить мне.

Не любя сэра Джона в том абсолютном смысле, какого достойно это слово, я питала к нему привязанность, исполненную благодарности не столько за роскошь, которой он меня окружил, сколько за изысканную учтивость его обхождения; моя аристократическая гордость была такова, что само благодеяние в моих глазах значило меньше, чем форма, в которую оно было облечено.

Сэр Джон испросил у меня позволения не возвращаться на борт «Тесея» ранее завтрашнего дня, и, как не трудно догадаться, он получил его. Однако я сказала, что приготовила ему сюрприз – в награду или в наказание за его преувеличенные притязания, это уж ему судить.

Действительно, в девять часов я попросила, чтобы он разрешил мне ненадолго удалиться в свою комнату. Он же в свою очередь со смехом осведомился, не связана ли эта отлучка с обещанным сюрпризом, однако я предпочла оставить его в неведении.

Платье было готово.

Я распустила свои длинные волосы, сплела венок наподобие тех, какими украшала себя в детстве, чтобы потом любоваться своим отражением в водах источника, надела длинное белое платье, оставляющее открытыми руки и часть груди, и, призвав на помощь воспоминания, к которым я присоединила все мое вдохновение, распахнула двери салона.

Мне предстояло сейчас впервые убедиться, какое воздействие оказывает на мужчин моя красота, облеченная двойной властью поэзии и игры.

Конечно, мужчин на этот раз представлял для меня лишь один мужчина, притом весьма настроенный в мою пользу, а потому его мнение вряд ли могло заменить суд всего человечества. Тем не менее я не рискнула предстать перед ним раньше, чем бросив долгий испытующий взгляд в знаменитое зеркало в золоченой раме.

То, что оно сказала мне, было настолько приятно, что я, больше не колеблясь, смело вошла в зал.

Сэр Джон стоял, прислонясь к камину, и как раз смотрел на дверь, в которой я появилась.

При виде меня у него вырвался крик изумления и восторга. Итак, мой выход был удачен.

Легко понять, как это меня окрылило.

И я запела. Я пела ту самую песенку, то ли веселую, то ли печальную, которой начинается сцена безумия:

А по чем я отличу
Вашего дружка?
Плащ паломника на нем,
Странника клюка¹²⁶.

¹²⁶ «Гамлет», IV, 5.

Сэр Джон протянул ко мне руки, но я притворилась, будто не вижу его, и с блуждающим взором запела опять, еще печальнее:

Помер, леди, помер он,
Помер, только слег,
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.

Сэр Джон заплодировал.

Я издала долгий жалобный крик, подражая артистке, игравшей Офелию, и с рыданием в голосе продолжала:

Белый саван, белых роз
Деревцо в цвету,
И лицо поднять от слез
Мне не вмоготу.

Сэр Джон шагнул в мою сторону.

Тут только сделав вид, будто наконец заметила его, я обратилась к нему со словами, с которыми в трагедии Офелия обращается к королю:

– «Награди вас Бог. Говорят, сова была раньше дочкой пекаря. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови Бог вашу трапезу».

И тотчас, без перерыва, перейдя от глубочайшей меланхолии к детской беспечности, затянула песенку, которую так любят у нас в народе:

С рассвета в Валентинов день
Я проберусь к дверям
И у окна согласье дам
Быть Валентиной вам.
Он встал, оделся, отпер дверь,
И та, что в дверь вошла,
Уже не девушкой ушла
Из этого угла.

Затем, возвратив своему взгляду на миг утраченную туманность безумия, я продолжала:

– «Надеюсь, все к лучшему. Надо быть терпеливой. Но не могу не плакать, как подумаю, что его положили в сырую землю. Надо известить брата. Спасибо за доброе участие. – Поворачивай, моя карета! Покойной ночи, леди. Покойной ночи, дорогие леди. Покойной ночи. Покойной ночи».

И я с веселым видом двинулась к выходу, мурлыча про себя мелодию несуществующей песенки.

– Чаровница! – вскричал сэр Джон. – Да такая сумасшедшая самого царя Соломона с ума сведет...¹²⁷

Но я, словно не слыша, продолжала, придав своему голосу выражение такой скорби, что даже сама содрогнулась:

¹²⁷ Соломон – царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 гг. до н. э.; согласно библейской традиции, славился необычайной мудростью и любвеобильностью.

Без крышки гроб его несли,
Скок-скок со всех ног,
Ручьями слезы в гроб текли,

– Эмма! – не выдержал сэр Джон. – Эмма! Ответьте мне, умоляю вас!

– «Прощай, мой голубок!» – сказала я ему, не выходя из роли.

Потом, снова приняв страдальческое выражение, расстелила на ковре мою черную вуаль и, обрывая лепестки цветов, забормотала:

– «А вы подхватывайте: „Скок в яму, скок до дна, не сломай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится“. Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь».

Сэр Джон пытался прервать меня, но я не дала ему этого сделать. Улыбаясь, я протянула ему цветок:

– «Вот розмарин – это для памяти: возьмите, дружок, и помните. А это анютины глазки: это чтоб думать... Вот вам укроп, вот водосбор. Вот рута. Вот несколько стебельков для меня. Ее можно также звать богородицыной травой. В отличие от моей, носите свою как-нибудь по-другому. Вот ромашка. Я было хотела дать вам фиалок, но все они завяли, когда умер мой отец. Говорят, у него был легкий конец».

Я упала на колени и, возведя взор к небу, зашептала в забытии, словно разум окончательно покинул меня:

Но Робин родной мой – вся радость моя.

Однако сэр Джон не мог больше вынести этого: он подхватил меня и, подняв, прижал к груди.

– Довольно, довольно! – взмолился он. – Иначе я сам с ума сойду.

Я не могла ошибиться: в его глазах был неподдельный ужас, голос выдавал крайнее смятение.

Я расхохоталась.

– Послушайте, – сказал он, – это все еще ваше безумие? Вы продолжаете свою роль? Во имя Неба, ответьте мне серьезно!

– Моя роль состоит в том, чтобы нравиться вам, мой дорогой господин, а не в том, чтобы вас пугать. Офелия упала в реку и утонула, но Эмма Лайонна жива и вас любит.

И я бросилась ему на шею. Я была совершенно счастлива. В том, что я могу произвести впечатление, было невозможно сомневаться. Эффект превзошел все ожидания.

Только в глубине моего сердца безотчетно шевельнулось воспоминание о бедном неизвестном Ромео, чей нежный голос так прекрасно подавал мне реплики под сенью высоких деревьев в саду мисс Арабеллы.

XV

Я не буду надолго останавливаться на этих нескольких месяцах моей жизни. Хотя в глазах моралистов мой светский дебют, может быть, наиболее предосудителен, я должна признаться, что он не внушает мне особых угрызений совести. Ведь в ту пору я была девочкой, заброшенной с малых лет и не обязанной давать отчет в своих поступках никому, даже матери, для которой сам факт моего рождения мог заранее послужить ответом на все упреки, с какими она бы могла ко мне обратиться. Я ни от кого не зависела, и мне оставалось надеяться только на себя; на свою беду, я была красива, естественный инстинкт юности побуждал меня тянуться ко всем ее радостям, всем соблазнам богатства и суетного блеска. Где мне было искать моральную и физическую опору для борьбы со всеми этими искушениями, даже если бы я решилась с ними бороться?

Впрочем, плохо умея отличать добро от зла, я не имела даже намерения противиться соблазнам. Я беспечно катилась вниз, и этот путь казался мне все более сладостным, усыпанным розами; жизнь представала передо мной в облике юноши в венке из цветов, прекрасного, как весна. Бездумно опершись на руку моего лукавого покровителя, я последовала за ним, не спрашивая, куда мы идем, не ведая, на каком грязном перекрестке, в какой бесплодной пустыне он покинет меня!

К тому же, надо признаться, одной из главных радостей и бед моего уклада было то, что я жила настоящим, и в сравнении с моим прошлым это настоящее казалось мне тогда чередой плотских утех, что было не в пример веселее прошедших шестнадцати лет. Мир не знал меня, а стало быть, ни в чем не упрекал, да я и сама себя не корила. Все побуждало меня к беспечному забвению былого, да заодно и мыслей о грядущем. Мне казалось, что, до тех пор пока моя красота не увянет, мне нечего бояться непостоянства фортуны. Думая о своем возрасте и глядя в зеркало, я говорила себе, что, благодарение Богу, я еще долго буду красавицей.

Читатель, вероятно, помнит, что сэр Джон Пейн выхлопотал себе двухмесячный отпуск, чтобы полностью посвятить это время мне. Получив его, он спросил меня, куда бы я желала отправиться, чем бы хотела занять эти месяцы.

Я предоставила лорду распоряжаться моей судьбой по его собственному усмотрению. Не имея представления ни о чем, кроме того узкого мирка, в котором жила, я ничего не могла пожелать и вместе с тем чувствовала непреодолимую тягу к неизвестному.

Сэр Джон решил, что мы поедем во Францию. Я захлопала в ладоши. Я много слышала о Франции, но мне и в голову не могло прийти, что я когда-нибудь смогу там побывать. Французского языка я не знала, но сэр Джон владел им в совершенстве и обещал, что будет объяснять мне смысл всего того, что меня интересует.

И мы отправились в путь. Эта страсть к неведомому, что владела мной, была болезнью эпохи, и меня, песчинку, затянуло в этот огромный водоворот.

Бывают такие времена и есть такие народы, которые, устав от самих себя, заскучав от реальности, опьяняются мечтами и надеждами не только на то, чего нет, но даже на то, чего и быть не может. При всем моем невежестве я почувствовала это присущее Франции тяготение к невозможному, и оно произвело на меня глубокое и странное воздействие. Там царила предельная нищета и одновременно – еще более немыслимая роскошь. Принцы и высшее дворянство разорялись, расточая свое наследие с таким неистовством и такой беспечностью, как если бы знали, в какую пропасть катится общество.

Что значили для них общественные беды? Кардинал де Роган был погружен в поиски философского камня¹²⁸; Калиостро, как нас уверяли, изобрел эликсир бессмертия¹²⁹; Месмер – способ исцелять все недуги посредством магнетизма¹³⁰; Франклин победил молнию и заставил ее, плененную, бежать по проводам, проложенным под землей¹³¹; наконец, Монгольфье обещали проложить человечеству дорогу в небесных просторах¹³². Старый мир мог кануть в бездну и там захлебнуться, ведь новый мир уже родился.

Два эти месяца протекли для меня в каком-то нескончаемом ослеплении. У сэра Джона были самые породистые лошади, самые красивые экипажи, лучшие ложи во всех театрах. Я видела Лекена¹³³ и мадемуазель Рокур¹³⁴, сидела на представлении «Оросмана»¹³⁵, «Аталии» и «Британика»¹³⁶, слушала «Ифигению в Тавриде» Глюка¹³⁷ и «Дидону»¹³⁸ Пуччини¹³⁹. Живописец Грëз, певец и почитатель невинности, написал мой портрет¹⁴⁰. И повсюду, где бы я ни появлялась, за моей спиной слышался восторженный шепот, все повторявший, что я прекрасна.

Я была так счастлива, что сэр Джон решил послать в Лондон просьбу о продлении своего отпуска еще на месяц. Ему не отказали, однако предупредили, что по истечении этого срока ему надлежит незамедлительно поступить в распоряжение правительства. Война с Америкой становилась все более ожесточенной; Франция угрожала принять в ней участие на стороне противника¹⁴¹, так что английскому флоту, по всей вероятности, придется дать решающее сражение у противоположного берега Атлантики.

¹²⁸ Луи Рене Эдуар, принц де Роган-Гемене (1734–1803) – кардинал и верховный капеллан французской армии, первый придворный священник; погрязнув в долгах, поддался на уговоры Калиостро, обещавшего ему быстрое обогащение, что повлекло серию публичных скандалов; персонаж романа Дюма «Ожерелье королевы». Философский камень – по представлениям средневековых алхимиков, чудодейственное вещество, способное превращать обычные металлы в золото.

¹²⁹ Калиостро, Алессандро, граф де (настоящее имя – Джузеппе Бальзамо; 1743–1795) – знаменитый авантюрист, один из лидеров европейского масонства; персонаж романа Дюма «Джузеппе Бальзамо».

¹³⁰ Месмер, Фридрих Антоний (1734–1815) – немецкий врач, автор т. н. теории «животного магнетизма» («месмеризма»), якобы универсального средства для исцеления всех болезней.

¹³¹ Франклин, Бенджамин (1706–1790) – американский ученый, естествоиспытатель (известен своими трудами по электричеству; изобрел громоотвод) и экономист, просветитель, писатель и государственный деятель; участник борьбы североамериканских колоний за независимость; в 1776–1785 гг. дипломатический представитель США во Франции.

¹³² Монгольфье – братья Жозеф (1740–1810) и Этьенн (1745–1799) – французские изобретатели воздушного шара; первые полеты наполненного теплым воздухом воздушного шара состоялись в 1783 г.

¹³³ Лекен, Анри Луи (1728–1778) – с 1750 г. ведущий актер Комеди Франсез. Комеди Франсез – государственный драматический театр в Париже, основанный в 1680 г.; сохраняет в своем репертуаре классические традиции.

¹³⁴ Мадемуазель Рокур – Франсуаза Мария Антуанетта Сокеротт-Рокур (1756–1815), французская трагическая актриса; дебютировала в 1772 г. и имела чрезвычайный успех; играла в Комеди Франсез; во время Революции из-за своих роялистских убеждений некоторое время находилась в тюрьме.

¹³⁵ Оросман – персонаж «Заиры» (1732), трагедии в стихах Вольтера. Вольтер (настоящее имя – Мари Франсуа Аруэ; 1694–1778) – французский писатель и философ-просветитель; сыграл огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции.

¹³⁶ «Аталия» (поставлена в 1702 г.) и «Британика» (1669) – пятиактные трагедии в стихах Расина (см. там же).

¹³⁷ Глюк, Кристоф Виллибальд (1714–1787) – композитор, один из реформаторов оперы в XVII в; работал в Вене и Париже; превратил оперу в музыкальную трагедию, проникнутую героикой. «Ифигения в Тавриде» (1788) – опера Глюка, написанная на либретто французского лирического поэта Никола Франсуа Гийяра (1752–1814) по мотивам трагедии греческого драматурга Еврипида (ок. 480 – ок. 406 до н. э.).

¹³⁸ «Дидона» (1783) – одна из лучших опер Пуччини, поставленная во французской столице в разгар его соревнования с Глюком; имела огромный успех.

¹³⁹ Пуччини, Никколо (1725–1800) – итальянский композитор, автор множества опер, из которых лучшими считаются комические; в 1776 г. был приглашен в Париж, где сторонники итальянской оперы противопоставляли его Глюку, что вызвало т. н. «войну глюкистов и пуччинистов».

¹⁴⁰ Грëз, Жан Батист (1725–1805) – французский живописец, представитель сентиментализма; в своих картинах прославлял добродетели третьего сословия; его работам присущи оттенок чувствительности и идеализация природы, порой слащавость (особенно в изображениях женских и детских головок).

¹⁴¹ Имеется в виду Война за независимость (1775–1783) североамериканских колоний Англии, в результате которой эти

Сообщая мне о продлении своего отпуска, сэр Джон ни слова не сказал о полученном предупреждении: он не хотел ничем омрачать мою радость.

Итак, мы задержались во Франции еще на месяц, после чего должны были вернуться в Англию.

Это путешествие оставило по себе незабываемые воспоминания. Я два раза видела королеву¹⁴²: один раз в Опере¹⁴³ на постановке пуччиниевской «Дидоны», второй – в Комеди Франсез¹⁴⁴, когда давали «Оросмана». То была счастливая пора моей жизни: я была любима, мною восхищались, ненависть и клевета еще не преследовали меня – это придет позже.

Королева тоже обратила на меня внимание и осведомилась, кто я такая; мало того, оказалось, что мой образ остался у нее в памяти. Когда через три года г-жа Лебрэн, ее придворная художница, прибыла в Лондон¹⁴⁵, она от имени ее величества просила у меня позволения написать мой портрет. Это была слишком большая честь, чтобы я могла отказаться, ведь, как меня уверяли, портрет будет находиться в собственной картинной галерее королевы¹⁴⁶.

Когда мы вернулись в Лондон, мой домик на Пикадилли, признаться, показался мне немного грустным. Сэр Джон, почувствовав, что я могу заскучать, вскоре испросил у меня позволения представить мне кое-кого из своих друзей. Мы стали устраивать приемы, сначала раз в неделю, потом два, потом три, а там и ежедневно.

Сэр Джон, от которого я не скрыла ни своего низкого происхождения, ни своей необразованности, сначала опасался, что я не смогу играть роль хозяйки дома, однако в первый же день эти опасения рассеялись. В том был один из самых редкостных даров, какими наградила меня природа; я была создана светской дамой, в этом смысле мне не требовалось тонкой внешней отделки, можно сказать, что я так и родилась воспитанной.

Однажды вечером адмирал напомнил мне ту сцену безумия Офелии, которую когда-то, в начале нашей связи, я разыграла перед ним, произведя на него столь глубокое впечатление. Он спросил, не соглашусь ли я повторить ее для друзей, собравшихся к нам на чашку чая. Поскольку он спросил меня об этом совсем тихо, я могла так же шепотом объяснить ему, что для этого мне не хватает нескольких совершенно необходимых аксессуаров, в особенности полевых цветов, но к завтрашнему вечеру я буду готова повторить перед ним свой дебют.

Наши друзья были приглашены на этот вечер, и сэр Джон предупредил, что я приготовила для них сюрприз.

На следующее утро мы с ним отправились уже не в поля, как десятью месяцами ранее, – поля были покрыты снегом, – а в магазин искусственных цветов, чтобы достать васильки, овсюг, анютины глазки, исчезнувшие с поверхности земли уже три или четыре месяца назад.

колонии добились самостоятельности и образовали новое государство – Соединенные Штаты Америки. Франция, которой было выгодно ослабление ее вечной соперницы Англии, первоначально оказывала восставшим колониям помощь дипломатическими средствами, а также военными материалами и добровольцами, однако в 1778 г. она вступила в войну на стороне колоний; французская армия и флот значительно способствовали победе восставших.

¹⁴² *Королева* – Мария Антуанетта (1755–1793), с 1770 г. жена будущего короля Людовика XVI, казненная во время Французской революции.

¹⁴³ *Парижская Опера* (в ту эпоху носила название Королевской академии музыки) – основана в 1669 г.; один из крупнейших оперных театров в Европе.

¹⁴⁴ *Комеди Франсез* – государственный драматический театр в Париже, основанный в 1680 г.; сохраняет в своем репертуаре классические традиции.

¹⁴⁵ *Лебрэн* (Элизабет Виже, более известная под именем госпожа Виже-Лебрэн; 1755–1842) – французская художница-портретистка; в 1789 г. эмигрировала; во время эмиграции некоторое время работала в России; вернулась во Францию в 1809 г.

¹⁴⁶ Ныне этот портрет находится в галерее Лувра. (*Примеч. автора.*) *Лувр* – первоначально королевский дворец в Париже; с 1791 г. – художественный музей с богатейшим собранием древнеегипетского, античного и западноевропейского искусства.

Не могу выразить, какая меланхолия овладела мною, когда я подбирала этот букет, в котором поддельные цветы должны были играть роль настоящих.

Впрочем, сэр Джон, казалось, тоже был печален; по временам я замечала, как его глаза останавливаются на мне, но, встречая мой взгляд, он пытался улыбнуться. Последние неделю-две он ежедневно бывал в Адмиралтействе, и те же заботы преследовали его на борту «Тесея»; почти каждый день я замечала, что он отдает тихим голосом какие-то распоряжения, занимается приготовлениями к чему-то, о чем не хочет мне говорить. Было очевидно, что скоро в нашей судьбе наступят некие перемены.

Тот вечер настал, вчерашние гости собрались, недоумевая и любопытствуя, какой же сюрприз я могу им готовить, тем более что сэр Джон предупредил о нем не без некоторой торжественности. После чаепития, а вернее, еще во время него, я покинула салон и удалилась к себе в спальню; чтобы превратиться в Офелию, мне потребовалось лишь несколько минут. И вот в то время, когда этого менее всего ожидали, я распахнула дверь. Меня приветствовали восклицанием, из которого я заключила, что выход, как говорят в театре, мне удался.

Мой успех был огромен. Впервые я дебютировала перед зрителями, ведь до сих пор, как читатель помнит, я либо репетировала в одиночестве, либо играла для одного-единственного зрителя. Только однажды я удостоилась аплодисментов незнакомца. Что касается сэра Джона, то впечатление, которое я произвела на него в этот раз, казалось, даже превзошло то, первое, и такой восторг уже не мог быть выражен всего лишь аплодисментами.

Всех присутствующих охватил общий энтузиазм, мне кричали «Бис!», умоляли адмирала попросить меня повторить представление, однако я упорно отказывалась. Я была уверена, что недостатки моей игры, в первый раз ускользнувшие от глаз зрителей, непременно проявятся при повторении.

– Зато, – предложила я, – если кто-нибудь пожелает подавать мне реплики, я охотно сыграю сцену или даже две сцены Джульетты на балконе.

К сожалению, гости сэра Джона, имевшие больше склонности к наслаждениям, чем к поэзии, не были знакомы с Шекспиром настолько, чтобы среди них для меня нашелся тот, кто бы составил мне компанию.

И снова я с живейшим сожалением вспомнила бедного Гарри, что некогда в саду мисс Арабеллы сумел сыграть такого поэтического, такого влюбленного Ромео.

Вуаль ночного мрака, что скрывала от меня его черты, только голосу позволяя доноситься до моего слуха, окутывала это воспоминание нежным, чарующим покровом таинственности.

– Какая жалость, – заметил сэр Джон, – что нашего друга Фезерсона нет сейчас в Лондоне! Вот кто знает всего Шекспира наизусть не хуже, чем сам Гарри! Как только увижу Шеридана, надо будет спросить, где он сейчас.

– Но он здесь, – возразил один из гостей.

– Вы уверены, сэр Джордж? – спросил адмирал.

– Только вчера я его видел и говорил с ним.

– А нельзя ли как-нибудь узнать, где он остановился?

– Нет ничего легче: я спрошу об этом его дядю, у него ведь дом на Хеймаркете¹⁴⁷.

Не знаю почему, но я слушала разговор адмирала и сэра Джорджа с таким напряженным вниманием, что у меня даже началось сердцебиение.

Адмирал повернулся ко мне:

¹⁴⁷ *Хеймаркет* – улица в центре Лондона; примыкает с одной стороны к кварталу аристократических клубов, а с другой – к Пикадилли.

– Итак, если мы отыщем Фезерсона, вы согласитесь сыграть с ним две сцены из «Ромео»?

– Разумеется, – отвечала я с улыбкой. – Но почему бы вам самому их не выучить?

– Действительно, – вздохнул сэра Джон, – по существу, мне бы и следовало это сделать.

Но Гарри справится с такой задачей намного лучше меня.

– Гарри? – вскрикнула я. – Какой Гарри?

– Гарри, дорогая Эмма, это не кто иной, как господин Фезерсон.

– Извините, – пробормотала я.

– Вы что, были знакомы с Гарри? – спросил сэра Джон с некоторым любопытством.

– Я слышала это имя, только там шла речь не о благородном лорде, а о бедном артисте, так что, – закончила я смеясь, – между моим Гарри и вашим сэром Гарри Фезерсоном не может быть ничего общего.

Итак, было условлено, что сэра Джордж отправится на поиски сэра Гарри и, если он найдется, мы с ним устроим представление сцен из «Ромео».

XVI

Сэр Джордж не ошибся: лорд Фезерсон недавно возвратился в Лондон после пяти- или шестимесячного путешествия по континенту.

Его дядюшка сообщил сэру Джорджу адрес племянника: он обитал в великолепном доме на Брук-стрит¹⁴⁸, на углу Гросвенор-сквер¹⁴⁹.

Не застав его у себя, сэр Джордж просил передать ему два слова, не объяснив, о чем, собственно, идет речь, но назначив ему встречу на званом вечере у сэра Джона, а точнее, у меня.

Не отдавая себе в том отчета, я уже питала особенный интерес ко всему, что касалось этого неизвестного мне господина.

Званого вечера, назначенного на завтра, я ждала со странным нетерпением. О своем туалете я на сей раз заботилась с особой тщательностью: не знаю почему, но мне представлялось исключительно важным, чтобы сэр Гарри нашел меня красивой; в противном случае я была бы в отчаянии.

Наши первые гости явились между девятью и десятью часами. Каждый раз, когда слышался шум открываемой двери, я порывисто оборачивалась. Но только когда часы уже показывали половину одиннадцатого, слуга наконец объявил о приходе сэра Гарри Фезерсона.

Мое беспокойство не укрылось от внимания сэра Джона: он тоже, подобно мне, оглядывался всякий раз, чуть только открывалась дверь, и когда было объявлено о прибытии сэра Гарри, я почувствовала на себе его пристальный, пронизывающий взгляд.

И вот сэр Гарри вошел.

Это был привлекательный молодой человек лет двадцати трех – двадцати четырех, голубоглазый, с великолепными зубами и свежим, как у девушки, цветом лица. За полгода, проведенные им во Франции, он в полной мере усвоил французскую непринужденность манер, что же касается британской чопорности, от которой наши соотечественники обычно избавляются с таким трудом, то он, похоже, просто утопил ее в Ла-Манше, когда пересекал пролив. Войдя, он первым делом стал искать глазами сэра Джона и, найдя, направился прямо к нему, но, когда он приближался к нам, взгляд его упал на меня и тут он внезапно остановился как вкопанный, со странным выражением глядя мне в лицо.

Не знаю почему, но я покраснела.

Мой румянец и растерянность сэра Гарри были тотчас замечены сэром Джоном. Он испытующе переводил глаза с меня на гостя. Но его настороженность была видна лишь мне одной.

Пожав руку другу, которого он не видел так долго, сэр Джон подвел меня к нему, чтобы познакомить нас.

Сэр Гарри, явно чем-то взволнованный, сказал мне какую-то любезность, я отвечала бессвязным лепетом, сама не знаю что. Его голос оказал на меня необычайное действие: он невероятно напоминал голос того юного таинственного артиста, который когда-то в саду мисс Арабеллы разыграл со мной сцену из «Ромео».

Обменявшись приветствиями со мной, сэр Гарри отошел в сторону, чтобы пожать руки другим приятелям, что были в числе гостей. Я осталась с глазу на глаз с адмиралом.

¹⁴⁸ *Брук-стрит* – улица, параллельная Оксфорд-стрит; выходит к Гайд-парку.

¹⁴⁹ *Гросвенор-сквер* – небольшая площадь в центральной части Лондона, расположенная к югу от Оксфорд-стрит, близ восточной границы Гайд-парка; своим названием обязана английским аристократам Гросвенорам, имевшим здесь свой фамильный особняк.

– Так вы все же были знакомы с сэром Гарри? – сказал он мне тоном ласкового упрека, сжав мне руку.

– Клянусь вам, – отвечала я, – что впервые вижу этого человека.

– Вы знаете, что я верю каждому вашему слову, Эмма.

– Я даю вам честное слово, дорогой сэр...

Он смотрел на меня с нежностью.

– Такие губы и такие глаза не могут лгать, – пробормотал он, словно говоря сам с собою.

– Особенно когда в обмане нет никакой нужды, – прибавила я.

Я была так уверена, что в самом деле не лгу, что все во мне было исполнено правдивости – и голос, и взгляд. И сэр Джон полностью успокоился. Тогда сэр Джордж завел речь о том, что было поводом для нынешнего званого вечера, и спросил лорда Фезерсона, не утратил ли он свое былое пристрастие к театру и помнит ли еще наизусть своего любимого Шекспира.

Лорд Фезерсон улыбнулся, словно ему напомнили что-то.

– Я многое забыл за эти полгода, – произнес он, – или, вернее, старался забыть. Но кое-что еще сохранилось в моей памяти.

– А как насчет двух любовных сцен между Ромео и Джульеттой? – спросил сэр Джон Пейн.

Печальная улыбка вновь мелькнула на губах лорда Фезерсона.

– Их-то я хотел забыть в первую очередь. Но мне это не удалось.

Напрасно я пыталась взглядом проникнуть в его тайные помыслы.

На лице сэра Гарри нельзя было прочесть ничего кроме того, что произносили его уста.

– В таком случае, Эмма, – сказал сэр Джон, – объясните моему другу Гарри Фезерсону, чего мы от него хотим. Наверняка он будет более снисходителен к просьбе красивой женщины, чем к нашим уговорам.

– Да о чем речь? – спросил тот.

– Я надеюсь, сударь, что вы не откажетесь взять на себя скучную заботу, чтобы доставить удовольствие сэру Джону Пейну и исполнить желание его почтенных гостей. Дело в том, что я без ума от театра, хотя, вероятно, никогда не буду выступать на сцене, и обожаю декламацию. На днях я разыграла перед этими господами сцену безумия Офелии из четвертого акта «Гамлета». Потом я согласилась сыграть две любовные сцены из «Ромео и Джульетты», если кто-нибудь соизволит подавать мне реплики. Но никто из этих джентльменов не знает их наизусть. Тут-то и прозвучало ваше имя, причем о вас говорили как об истинном артисте. Сначала все сожалели о вашем отсутствии, но потом стало известно, что вы возвратились в Англию. Наконец сэр Джордж взялся передать вашей милости приглашение принять участие в нашем маленьком чаепитии, и теперь все полны решимости, если уж вы попались в наши сети, не выпустить вас до тех пор, пока вы не согласитесь хотя бы на один вечер побыть моим Ромео. Итак, теперь вы знаете, что имел в виду сэр Джон и какие именно надежды возлагались на мое ходатайство. Надеюсь, ваша галантность не позволит вам разочаровать нас.

То ли форма этой просьбы показалась им изысканной, то ли мой голос, полный чарующей убедительности, имел такой успех, но джентльмены встретили мою тираду рукоплесканиями, как если она тоже оказалась частью моего театрального выступления.

Было бы странно, если бы я, произведя такое впечатление на всех присутствующих, не добилась благосклонного ответа со стороны своего собеседника.

Однако сэр Гарри ограничился лишь поклоном и довольно невнятно пролепетал, что он к моим услугам.

Меня окружили, осыпая поздравлениями и уверяя, что это будет настоящий праздник – посмотреть и послушать, как мы вдвоем сыграем обещанные сцены.

Теперь оставалось лишь одно затруднение: сэру Гарри требовалось время, чтобы заказать себе костюм Ромео. У меня наряд Джульетты уже был. Однако сэр Гарри заявил, что предвкушает такое удовольствие от этого импровизированного представления, что не желает никаких проволочек: он раздобудет костюм не позже чем завтра вечером и тогда же готов принять участие в исполнении нашего замысла.

К особняку примыкала большая оранжерея, и на следующее утро сэр Джон Пейн послал за столяром и пятью-шестью подмастерьями, чтобы соорудили балкон; затем вокруг подмостков, убранных цветами, поставили множество кадок с тропическими растениями, и к двум часам пополудни все было готово.

В это же время из Адмиралтейства явился курьер с весьма срочными депешами. Сэр Джон пробежал их глазами, слегка побледнел и заметно упавшим голосом проговорил:

– Передайте их милостям, что приказание будет исполнено неукоснительно.

Я заметила его смятение и, когда посланец удалился, приблизилась к нему, коснулась его локтя и спросила, не было ли в депеше каких-нибудь плохих известий.

– Весьма досадная новость! – сказал он, пытаясь улыбнуться. – Милорды из Адмиралтейства вздумали устроить ночное заседание и принудили меня выразить желание на нем присутствовать.

– Что ж, – отвечала я, – перенесем наше представление на другой вечер.

– Ничего подобного, – возразил он. – Напротив, обязательно устроим его сегодня. Иначе кто знает, когда еще нам всем удастся собраться вместе? Я должен буду уйти из дома не ранее полуночи, так что у нас хватит времени, чтобы сыграть наши две сцены. А пока, прошу вас, подарите мне несколько минут, я буду вам признателен...

Я поглядела на него с беспокойством. Почему сэр Джон, которому я всецело принадлежу, хочет благодарить меня за какие-то минуты?

Но спросить его об этом я не решилась и, когда он обвил рукой мою талию, молча позволила ему увести меня.

Вечер приближался, а сэр Джон с каждым часом казался все печальнее. Да я и сама, не знаю почему, чувствовала, что меня охватывает какой-то невыразимый трепет; сердце сжималось, хотя к этой грусти примешивалось некое очарование.

Я словно бы и страшилась чего-то неизвестного, и жаждала его.

Я представляла себе сэра Гарри одетым в черное; мне казалось, что камзол Ромео великолепно подойдет к его аристократической наружности.

Этот наряд лорд Фезерсон прислал к нам еще днем с тем, чтобы его тотчас отнесли в домик садовника, примыкающий к оранжерее. Именно оттуда сэру Гарри предстояло появиться, прежде чем подойти к моему балкону, и костюм должен был ждать его там.

В девять вечера он явился в обыкновенном одеянии. Он выглядел просто сияющим от радости, и это восторженное выражение создавало словно бы ореол, озаряющий его лицо.

Я не могла не признать про себя, что он очень хорош, а звук его голоса, как и позавчера вечером, заставил меня затрепетать.

Он подошел и поцеловал мне руку со словами:

– Добрый вечер, милая Джульетта!

На этот раз пришел мой черед смутиться, и я ничего ему не ответила. Если бы сейчас мне пришлось вести с ним беседу наподобие позавчерашней, я оказалась бы в немалом затруднении, но, на мое счастье, в том не было нужды, ведь мы обо всем договорились заранее.

В половине десятого каждому из нас двоих настало время заняться своим туалетом. Я всегда очень быстро справлялась с этой задачей, даже когда наряд оказывался весьма слож-

ным, так как не имела обыкновения пудрить волосы, исключая разве что случаи, когда приходилось присутствовать на больших торжествах.

Гости спустились в оранжерею, которая на этот раз была освещена самым привлекательным образом. Там же в перерыве между двумя сценами нам должны были сервировать чай.

Как только я была готова, сэру Гарри звонком дали знать, что ему пришло время появиться на сцене.

Я глянула на него в импровизированное окно, якобы выходившее на балкон, и убедилась, что была права: средневековый костюм поразительно шел ему, он был красив необычайно.

Он приблизился к моему балкону с таким видом, как мог бы только истинный артист или настоящий влюбленный, и начал:

Но что за блеск я вижу на балконе?...

При первых же его словах я вздрогнула: да, это тот самый голос, те же интонации, что звучали ночью в саду мисс Арабеллы! Или это чудо редкостного сходства, или я вновь обрела моего Гарри, которого считала потерянным навсегда.

Но, с другой стороны, это же было немыслимо – предположить, что благородный лорд Фезерсон и бедный артист, с которым случай свел меня таким причудливым и таинственным образом, одно и то же лицо.

Разумнее было допустить сходство голосов, поразительное, но все-таки возможное, нежели подобную более чем невероятную тождественность.

Как бы то ни было, я почувствовала, что обаяние этого голоса непобедимо притягивает меня, так что, надо полагать, когда я вышла на балкон, выражение моего лица как нельзя более отвечало духу роли, поскольку зрители, приглашенные сэром Джоном, тотчас дружно зааплодировали.

Всем известно, как начинается этот любовный диалог, когда Джульетта говорит сама с собой, еще не видя Ромео и полагая, что она одна, а Ромео видит возлюбленную, но не смея прямо обратиться к ней, тоже изливает свои чувства словно бы в пространство, и как два эти голоса, сначала не имеющие иных собеседников, кроме ночи и одиночества, в конце концов начинают отзываться друг другу; впрочем, эта сцена уже была воспроизведена раньше, но на этот раз она была еще более волнующей – ей добавляли выразительности яркий свет, возможность видеть персонажей, восторги публики.

Я уже упоминала об аплодисментах, которыми был встречен мой выход на сцену; вторично их сорвал лорд Фезерсон, когда он произнес:

Не смею
Назвать себя по имени. Оно
Благодаря тебе мне ненавистно.

Игра продолжалась, приобретая для меня странную реальность.

Я более не была Эммой Лайонной, мой собеседник перестал быть сэром Гарри; он был Ромео, я – Джульетта, и я от всего сердца уверяла его:

Моя любовь без дна, а доброта —
Как ширь морская...

Когда я повернулась лицом к публике, привлеченная аплодисментами, мне показалось, что сэр Джон украдкой смахнул слезу.

Эта слеза обожгла мне сердце.

К счастью, в тот момент мне по ходу действия полагалось услышать, что меня зовут, и убежать с балкона. Всего на несколько мгновений, но мне их хватило, чтобы овладеть собой, хотя, возможно, с этой минуты моя жизнь изменила свое русло.

Дважды или трижды я прошептала невольно: «Сэр Гарри! Сэр Гарри! Сэр Гарри!», совершенно так же как могла бы позвать: «Ромео!»

Я вернулась на балкон в смятении, с пылающим сердцем, охваченная дрожью, и когда дошло до слов:

Да я б тебя убила частой лаской! —

то так сжала руки на груди, словно уже не мечту жаждала обнять, не тень, не фантом, а подобно Психее, обнимающей Амура¹⁵⁰, хотела прижать к сердцу самое Любовь.

Возвратившись в свою комнату совершенно вне себя, в то время как Ромео, оставшись под балконом, договаривал последнюю реплику, предшествующую его уходу, я лицом к лицу столкнулась с сэром Джоном. Я содрогнулась.

Но он, прижав мою голову к своей груди, молвил:

– Бедняжка Джульетта! Как ты любишь Ромео!

Я поняла нежный упрек, скрытый в этих словах; поняла, что он опять усомнился в том, что я ему говорила по поводу сэра Гарри, когда уверяла, что никогда его раньше не видела.

– Послушайте, сэр Джон, – сказала я тогда, – я никогда не лгала, а вам, кто был так добр ко мне, способна солгать менее, чем кому бы то ни было. Я расскажу вам все.

– О нет, не надо, – запротестовал он, пытаясь улыбнуться.

– Но я этого хочу! – настойчиво повторила я.

И я в кратких словах поведала ему о том, что со мной случилось в саду мисс Арабеллы в ту ночь, когда, полагая, будто репетирую там в одиночестве, я обрела неизвестного партнера; я рассказала и о письме, которое получила наутро, и о том, как, в тот же день отправившись с Эми к нему, сэру Джону, чтобы испросить милости для Дика, больше уже никогда не встречала того мнимого студента из Кембриджа. Я призналась, что при первых же словах, которые сэр Гарри произнес, придя в наш салон, мне показалось, что я узнаю этот голос. Не скрыла и того, что стоило ему, выйдя на сцену, выговорить первые слова своей роли, как у меня пропали последние сомнения. Однако, когда я утверждала, что никогда раньше не видела этого человека, я говорила чистую правду.

– Что вы хотите, мой друг! – прибавила я. – Если бы подобные речи не звучали слишком самонадеянно в устах такого слабого создания, я сказала бы, что моя жизнь – игрушка роковых сил, против которых я безоружна.

Сэр Джон ничего мне не ответил, только вздохнул.

В эту минуту я услышала шум – это зрители вызывали меня, крича, как в настоящем театре, когда публика требует, чтобы модная актриса показалась ей:

– Эмма! Эмма!

Я почувствовала, как кровь прихлынула к моему лицу.

– Ступайте же, дорогое дитя, – промолвил сэр Джон. – Ступайте принимать почести, вы их заслужили.

И он повлек меня в оранжерею, где я, едва появившись, была тотчас окружена, меня поздравляли, мне аплодировали все, кроме сэра Гарри: он отошел в сторону. Но его глаза говорили мне больше, чем самые бурные аплодисменты и похвалы друзей.

¹⁵⁰ В античной мифологии Психея – прекрасная царская дочь, внушившая любовь Амуру (Эроту), за что Венера, его мать, навлекла на нее различные испытания; Амур, однако, сумел сделать ее бессмертной, она стала его супругой и была принята в сонм богов.

XVII

Представление, однако, еще не завершилось: после сцены на балконе нам еще предстояло сыграть сцену у окна; за всплеском желаний мы должны были изобразить и восхождение к вершинам счастья.

Второго испытания я очень опасалась и тихонько просила сэра Джона и громко – его друзей избавить меня от него, ссылаясь на свою усталость; при всем том нервная дрожь во всех членах, блеск глаз, лихорадочное напряжение голоса свидетельствовали об обратном, о том, что ни в каком отдыхе я не нуждалась.

Собравшиеся принялись настаивать. Мое сердце вторило их просьбам, я не могла сопротивляться долго и поддалась.

На этот раз, как следует из пьесы, мы должны были появиться на балконе вместе с сэром Гарри: моя рука охватит его шею, глаза утонут в глуби его зрачков, а наши сердца будут трепетать от любви.

И вот сэр Гарри оказался со мной в этих импровизированных декорациях.

Он придвинулся ко мне, его рука обвила мою талию, он прижал меня к груди и прошептал единственное слово:

– Наконец-то!

Я почувствовала, как между нами как бы пробежала искра. Мои веки смежились, руки стиснули его шею, из груди вырвался легкий вскрик, а затем, не знаю, как все произошло, но мои губы словно обожгло. Это был не первый поцелуй Джульетты, но первый, данный ей Ромео.

Мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание.

Сэр Гарри увлек меня к окну. Невероятным усилием воли я взяла себя в руки, однако целая ночь любви не подготовила бы меня лучше к тому прощанию, полному одновременно нежности и боли, которое предшествует вечной разлуке веронских любовников.

Наше появление было встречено всеобщими рукоплесканиями.

Начинать предстояло мне; скажу откровенно, никакое сколь угодно глубокое изучение актерского мастерства не придало бы моему голосу большей правдивости, чем состояние моего собственного сердца.

Поэтому эти прекрасные строки Шекспира:

Уходишь ты? Еще не рассвело.
Нас оглушил не жаворонка голос,
А пенье соловья... —

попились из моих губ слаще меда, а когда сэр Гарри отвечал мне, что ничего так не желает, как остаться подле меня, умереть за меня, трехкратный взрыв аплодисментов оповестил меня о том, что каждый из присутствовавших готов оказаться на месте моего Ромео.

Наша сцена продолжалась, проходя через все оттенки чувства, которые с такой изобретательностью живописал гений Шекспира, однако, когда Ромео был вынужден вырваться из моих объятий, мне показалось, что моя душа покидает тело, и, совершенно разбитая, я без сил рухнула на колени.

Зрители приняли это за наитие, озарившее мое сердце, хотя то была просто телесная слабость.

Остаток сцены я играла, свесившись через балкон и вцепившись руками в балконную решетку.

Притом даже меня удивило выражение собственного голоса, когда я произносила бес-
смертные строки:

О Боже, у меня недобрый глаз!
Ты показался мне отсюда, сверху,
Опущенным на гробовое дно
И, если верить глазу, страшно бледен¹⁵¹.

А когда Ромео удалился, вымолвив последние слова прощания, моя реплика вылилась в крик, исполненный столь подлинной боли, что можно было поверить, будто моя душа воистину приготовилась навсегда проститься с брэнной оболочкой.

Мне трудно передать, какую бурю восторгов вызвала эта сцена, описать, как неистово мне аплодировали, когда она подошла к концу. Что касается меня, то я так и осталась на балконе почти без чувств. Сэр Джон подошел ко мне и, заключив в объятия, скорее принес, нежели привел к своим друзьям.

Сэр Гарри также удостоился многих похвал, самым естественным образом переадресовав их мне.

Сэр Джон соединил в своей холодной влажной руке обе наши пылающие ладони и произнес:

– Если бы Ромео и Джульетта так любили друг друга, как вы, смерть при всей своей беспощадности не осмелилась бы их разлучить.

Я поглядела на него с удивлением и высвободила свою руку, он отпустил ее только после страстного пожатия.

Мы сели пить чай. Затем сэр Джон извлек часы и провозгласил:

– Господа, в полночь я буду вынужден вас покинуть: в Адмиралтействе состоится ночное заседание. Нам осталось провести вместе всего четверть часа.

Затем он отвел меня в сторонку и тихо произнес:

– Я с вами не прощаюсь, дорогая Эмма. Может быть, заседание закончится не слишком поздно, тогда я смогу вернуться и провести эту ночь с вами; при всем том не ждите меня, ложитесь и спите. У меня есть собственный ключ, так что вам нечего обо мне беспокоиться.

Не знаю почему, но эти слова заставили меня содрогнуться.

– Разве вы не можете как-нибудь отпроситься? – робко спросила я, еще не понимая, действительно ли мне хочется, чтобы он остался.

– Невозможно! – таков был его ответ.

После этого он возвратился к чайному столику, вокруг которого сгрудились его приятели, и громко о чем-то заговорил, прилагая весьма заметные усилия, чтобы под напускной веселостью скрыть какую-то тревогу.

Прошло около пятнадцати минут, и вот часы пробили полночь. Сэр Джон снова посмотрел на свой карманный хронометр – он показывал то же время.

Это был знак гостям, что настала пора откланяться. Они простились со мной; собрался уйти с ними и Гарри, но в его взгляде сквозило глубочайшее сожаление; затем сэр Джон приблизился ко мне, поцеловал меня в лоб и произнес две строки, которые в пьесе говорит Ромео:

Прощай. Спокойный сон к тебе приди
И сладкий мир разлей в твоей груди!¹⁵²

¹⁵¹ «Ромео и Джульетта», III, 4.

¹⁵² «Ромео и Джульетта», II, 2.

Моих сил хватило только на то, чтобы ответить ему улыбкой, почти такой же печальной, как и его собственная. Он бросил на меня последний взгляд, взял под руку сэра Гарри и вышел, пропустив вперед остальных гостей. Когда дверь за ними затворилась, я почувствовала себя почти такой же одинокой и испуганной, как Джульетта, пробудившаяся в склепе Капулетти. Я не могла не восхищаться, одновременно ужасаясь, с какой настойчивостью рок связывает различные эпизоды моей жизни странными узами, а моя воля не играет при этом никакой роли.

Действительно, я почти что забыла того безвестного лицедея, робкого и покорного Гарри, лишь на миг промелькнувшего в моей жизни, пройдя как тень мимо меня и оставив не больший след, чем призрак. И вот сэру Джону взбредает на ум продемонстрировать своим друзьям мои актерские дарования, я исполняю сцену безумия Офелии, меня просят повторить, я спрашиваю, не может ли кто-нибудь подавать мне реплики и сыграть вместе со мной ту или другую из двух любовных сцен «Ромео и Джульетты», никто не знает ни первой, ни второй наизусть, кто-то из друзей сэра Джона произносит имя сэра Гарри Фезерсона... Имя Гарри заставляет меня вздрогнуть. Лорд Фезерсон, полгода отсутствовавший, как раз два или три дня назад возвратился в столицу; адмирал Пейн поручает сэру Джорджу пригласить его, его приводят – и что же? Случай, рок пожелали сделать так, чтобы лорд Фезерсон и студент Гарри оказались одним и тем же человеком!

В чем мне упрекнуть себя? Ни в чем, кроме чувств, охвативших меня при виде его, при звуке его голоса, при его прикосновении; но разве от меня зависело ощущать эти чувства, не достаточно ли было уже того, что я умудрилась совладать с ними?

Что должна переменить в моей жизни эта случайная встреча? О, что касается этого, то я отнюдь не собиралась брать на себя ответственность за нее. Я все уже рассказала сэру Джону, по его возвращении я поведаю ему и о тех переживаниях, что овладели мной из-за прихода сэра Гарри; ему, и только ему, предстоит распорядиться моей будущностью: стоит ли удалить меня из Лондона или оставить в столице и, следовательно, позволить еще не раз видиться с сэром Гарри.

Я приняла это решение. Я не питала к сэру Джону подлинной любви, но относилась с великим уважением к свойствам натуры этого человека и была признательна ему за его щедрость. Обмануть его, чувствовала я, было бы грехом, который я никогда себе не прощу.

Приняв решение, я несколько успокоилась. Рука сэра Джона, как я была уверена, поведет меня с дружеской твердостью, и, не беспокоясь о себе самом, он избрет для меня тот путь, который причинит мне наименьшие страдания.

И вот я вышла из оранжереи и направилась в спальню, там я разделась и улеглась в постель, а поскольку он предупредил меня, что если сможет, то обязательно возвратится, я принялась его ждать, будучи уверена, что он сдержит слово. Вот только, полагая, что ночь недостаточно темна, чтобы облегчить мне мое будущее признание, я потушила все свечи и даже задула огонек ночника.

Прошло довольно много времени, моя камеристка и прочие слуги удалились к себе, я услышала, как пробило час, затем два, а нетерпение ожидания и мысли, роившиеся в моей разгоряченной голове, не давали мне уснуть.

Когда часы пробили половину третьего, мне показалось, что я слышу осторожные шаги, затем тихонько приоткрылась дверь туалетной комнаты, смежной с моей спальней, но потом все опять затихло.

Я не сомневалась, что то был сэр Джон. У него был ключ от парадных дверей особняка, и не раз уже он являлся подобным образом в самое неожиданное время.

Какое-то мгновение моя решимость готова была оставить меня, но я призвала на помощь всю свою волю и, если мне позволено так выразиться, всю свою порядочность.

Наконец дверь отворилась. В туалетной комнате было так же темно, как и в спальне, а потому он подошел ко мне, продвигаясь на ощупь, ведомый только моим голосом. Он заключил меня в объятия, но я тихонько оттолкнула его со словами, что мне необходимо сделать признание; затем я поведала ему обо всем, что испытала в минувшие дни, с той минуты, когда услышала имя сэра Гарри, а вскоре и пришла к уверенности, что лорд Фезерсон и мой молодой студент – одно и то же лицо. Я не скрыла и того, что испытала, когда мнимый Ромео обвил рукой мой стан, когда его губы мимолетно коснулись моих и когда он бросил мне последнее прощай. Я чувствовала себя совершенно разбитой... и даже сказала ему, что в этот момент, когда я снова находилась в его объятиях, мои мысли витали где-то далеко, мне вспоминался сэр Гарри, его имя призывали мои губы...

К моему величайшему удивлению, ответом на мою исповедь был крик радости, ведь выслушал ее отнюдь не сэр Джон Пейн, но сэр Гарри Фезерсон!

Я узнала его по этому возгласу, по тому, как он, словно в бреду, тысячу раз повторил мое имя, по тембру голоса, сразу тронувшему самые тайные струны моей души. Было бессмысленно отпираться после того признания, которое он только что услышал от меня, и я отдалась на волю странного жребия, ибо некие силы продолжали играть мною, следуя своим причудливым и неведомым мне капризам.

В двух словах сэр Гарри объяснил мне странную подмену, столь отвечавшую тайным желаниям моего сердца.

Адмирал, перед тем как отправиться в Америку с вверенной его командованию эскадрой, заметил, что я влюблена в сэра Гарри и тот отвечает мне взаимностью. Впрочем, его вопросы и мои ответы убедили его в том, что я не кривлю перед ним душой. И вот он вышел из оранжереи под руку с сэром Гарри, пригласил его занять вместе с ним место в карете и там внезапно оглушил юного лорда словами:

– Я убедился, что вы любите Эмму, а она – вас.

С тем же простодушием, что и я, сэр Гарри признался ему во всем. Сэр Джон на минуту задумался, а потом взял руку сэра Гарри и вложил ему в ладонь ключ, произнеся только три простых слова:

– Сделайте ее счастливой!

Затем он расцеловался с ним, и они распрощались.

Ключ же, который коммодор дал сэру Гарри, был именно тот, что отворял парадные двери особняка на Пикадилли.

А в ту минуту, когда сэр Гарри рассказывал мне эту историю, адмирал был уже в море и на всех парусах летел к Америке.

XVIII

Итак, снова – в какой уж раз! – судьба сама распорядилась мною, не оставив мне времени и возможности выбирать между добром и злом.

Дом, где я жила, сэр Джон Пейн снял на год, притом на мое имя. Итак, все, что в нем было, принадлежало мне. Но я испытывала глубокие угрызения совести, живя с другим в доме, где все напоминало мне сэра Джона.

Я не замедлила поделиться своими сомнениями с лордом Фезерсоном: оказалось, он и сам их разделял. И потому уже на следующее утро, взяв с собою только перстень, который адмирал надел мне на палец в день нашей первой встречи, да несколько гиней, что были у меня в кошельке, я отдала ключи от дома управляющему сэра Джона и мы с лордом Фезерсоном поселились в особняке на Брук-стрит, на углу Гросвенор-сквер, где ранее он жил один.

Сэру Гарри едва сравнялось двадцать три года, он был в самом расцвете молодости и, не имея никаких обязанностей наподобие тех, какими государственная служба обременяла адмирала Пейна, увлек меня вслед за собой в водоворот блестящих светских развлечений, в которых участвовал на правах богатого, утонченного и модного джентльмена. Таковую жизнь, что сэр Джон Пейн мог позволить себе только в Париже, где он пользовался полной свободой, сэр Гарри постоянно вел в Лондоне. До тех пор пока в доме не было хозяйки, он не устраивал приемов; как только там обосновалась я, друзья сэра Гарри стали собираться у нас трижды в неделю. На этих вечерах метали банк, проигрывали и выигрывали безумные деньги; я и сама пристрастилась к картам – роковая привычка, от которой я так и не сумела вполне излечиться.

Наступила весна, и возобновились лошадиные бега. Открылись Эпсомские скачки – эта новинка тотчас стала и самой модной¹⁵³. Не было нужды просить Гарри, чтобы он повез меня туда: он был рад любому поводу потратить деньги. Он купил карету, великолепных лошадей, и в назначенный день среди неразберихи, которой в особенности отличаются торжества, связанные со скачками, мы отправились на бега.

Не стану даже пытаться описать перемещения огромных людских толп – там собралось двести тысяч человек, приехавших во всех родах двуколок, тележек, ландо¹⁵⁴, колясок, фаэтонов – короче, в самых разнообразных видах экипажей. Тому, кто сам хоть раз видел этот неповторимый спектакль, бесполезно его описывать – и без того это зрелище останется в его памяти навсегда; тому же, кто его не видел, никакое описание не поможет понять, каков он на самом деле.

Изысканность экипажа, пышность ливрей фореиторов, громкое имя, известное всем и каждому, – все это обеспечило лорду Фезерсону место в одном из первых рядов; притом случаю было угодно, чтобы совсем рядом оказалась другая коляска, по своей элегантности не уступающая нашей.

В коляске сидели две дамы, или, точнее говоря, они почти стояли, превратив, как делают обыкновенно, откинутый верх коляски в высокое сиденье.

Я поглядела на них и вздрогнула.

То были две бывшие пансионерки миссис Колманн, те самые, что дважды оскорбили меня: один раз на ферме, куда они зашли выпить молока, и вторично – на поляне, где я гуляла с детьми мистера Томаса Хоардена.

¹⁵³ *Эпсом* – город в графстве Суррей (в Южной Англии); славится своими скачками (дерби), превратившимися в народное празднество.

¹⁵⁴ *Ландо* – (от названия города Ландау в Германии) – четырехместная карета с откидывающимся в две стороны верхом.

Читатель моих воспоминаний, верно, успел забыть их имена, но я-то помнила: одну звали Кларисса Демби, другую Клара Саттон.

Прекрасно одетый джентльмен, должно быть супруг одной из этих дам, расположился стоя на месте возницы.

В ту же минуту, когда я узнала их, они меня также заметили и зашептались, поглядывая в мою сторону. Затем Клара Саттон, встав на переднюю скамью, сказала что-то на ухо джентльмену, тот обернулся, внимательно оглядел меня и приказал кучеру отъехать и остановиться подалее.

Возница тотчас повиновался, коляска удалилась, и место рядом с ними опустело.

Сэр Гарри не заметил происшедшего: он как раз был поглощен созерцанием лошадей, которых вывели, демонстрируя публике. Обернувшись в мою сторону, он увидел, что по моим щекам катятся крупные слезы. Мне уже так давно не случалось плакать, что я отвыкла от слез. Оскорбление, только что нанесенное мне, заставило меня понять, что мои горести еще далеко не все в прошлом.

Сэр Гарри в самом деле любил меня. Он стал весьма настойчиво выпрашивать, в чем причина моего горя. Я отговаривалась, скрывая ее сколько могла, но наконец, уступив его просьбам, указала на опустевшее место, оставленное уехавшей коляской.

Сначала он ничего не понял, и я была принуждена объяснить, что здесь случилось. Он пожелал узнать, кто были эти особы, оскорбившие меня. Я рассказала ему, что это мои бывшие соученицы по пансиону, которые, узнав меня и догадавшись, в каком качестве я могла оказаться в карете лорда Фезерсона, сочли для себя постыдным мое соседство.

– Нет, этого быть не может! – вскричал сэр Гарри, бледнея.

– Увы, – отвечала я, – тем не менее это так.

– Мы это сейчас увидим, – сказал он.

Он сел на место кучера и, взяв вожжи из его рук, сам направил лошадей туда, где стояла коляска с двумя дамами, так что мы снова оказались рядом.

Но едва лишь мы там остановились, как по приказанию господина, сопровождавшего этих дам, их экипаж вновь тронулся с места.

Теперь бледность сэра Гарри стала смертельной. Он достал из кармана записную книжку, вырвал листок, написал карандашом несколько слов и, подозревая слугу, приказал:

– Передайте это лорду Кембервеллу.

Я не сомневалась, что те несколько слов, которые он написал, были не чем иным, как вызовом на поединок, и стала умолять сэра Гарри не отправлять записки.

– Моя дорогая Эмма, – возразил он, – будьте добры не вмешиваться в это дело – здесь оскорбили не вас, а меня.

Он произнес это с такой твердостью, что я поняла: настаивать бесполезно.

Пять минут спустя лакей возвратился с ответом.

– Прекрасно, – обронил сэр Гарри, прочтя записку.

И тут же спрятал бумажку в карман жилета.

Я стала просить его оставить бега и отвезти меня домой.

– После первых трех заездов, дорогая, – отвечал он. – Я держал пари на две тысячи гиней с лордом Гринвиллом и не хотел бы уехать, не узнав, выиграл я или проиграл.

Мне такая причина его отказа показалась сомнительной, и действительно, после окончания первого заезда он тотчас меня покинул и направился к беговой дорожке, но лишь затем, чтобы переговорить с двумя своими друзьями – кстати, одним из них был сэр Джордж. Переговорив с ними о чем-то, он возвратился ко мне с улыбающимся, хотя все еще несколько бледным лицом.

– Ну вот, – сказал он, – в первом заезде я выиграл; это вы приносите мне удачу, милая Эмма.

И он снова занял свое место подле меня.

Во втором заезде сэр Гарри проиграл, но в третьем опять выиграл – то есть в конечном счете победа осталась за ним.

Между первым и третьим заездами его друзья в свою очередь подошли к нему, и они опять о чем-то торопливо посоветовались между собою.

Как только окончился третий заезд, сэр Гарри дал приказ возвратиться в Лондон.

Когда наша карета проезжала мимо коляски лорда Кембервелла, оба джентльмена приветствовали друг друга с самой изысканной учтивостью и улыбкой на губах.

Я вернулась в Лондон с тяжестью на сердце.

Вечером явились два секунданта сэра Гарри: джентльмены заперлись втроем и более часа вели переговоры.

Когда посетители откланялись, я пыталась расспросить сэра Гарри о смысле происходящего, но он отказался дать мне какие-либо объяснения.

Около девяти вечера лорд Гринвилл прислал ему сумму выигранного пари – две тысячи гиней, как и говорил мне сэр Гарри.

– Что ж, – сказал он мне, – раз я держал пари от вашего имени, выигранное по праву принадлежит вам.

И он высыпал деньги в ящик моего туалетного столика.

Я едва расслышала, что он мне сказал: меня слишком занимала его ссора с лордом Кембервеллом.

В час ночи сэр Гарри удалился в свою комнату, оставив меня одну. Я понимала, что ему нужно побыть в одиночестве и хорошенько выспаться, если завтра его ожидает дуэль. Ну а я решила, что этой ночью не сомкну глаз.

Уходя, сэр Гарри запер дверь, соединяющую две наши комнаты; поднявшись, я подкралась к этой двери и стала глядеть в замочную скважину. Он сидел у своего секретера и что-то писал.

Лицо его было несколько бледно, однако дышало великолепным спокойствием.

Я легла в постель.

Ночь тянулась бесконечно, и я слышала, как бой часов снова и снова отмечает время. Около шести утра, сраженная усталостью, я сама не заметила, как уснула.

Когда я проснулась, день был в разгаре. Хотя мой сон был беспокойным, все же вышло, что я проспала целых три часа. Я спрыгнула с кровати и бросилась в комнату сэра Гарри. Комната была пуста.

Я набросила пеньюар, позвонила и, когда явился слуга, стала его расспрашивать.

Он сказал, что его господин велел подать экипаж без четверти семь утра. Ровно в семь за ним зашли два его секунданта и все трое уехали вместе.

Сомнения больше не оставалось: сэр Гарри отправился драться.

Более двух часов я ждала известий, снедаемая страшной тревогой. Около одиннадцати я услышала шум колес подъезжающей кареты. Бросившись к окну, я увидела сэра Гарри, вышедшего из кареты вместе с обоими друзьями. Вскрикнув от радости, я кинулась к нему навстречу – бегом по лестнице.

Они стрелялись на пистолетах; его противник был ранен в бедро, а он возвратился целым и невредимым.

Дуэль наделала много шума в светском обществе Лондона, причем молва представила обстоятельства поединка в самом неблагоприятном для меня свете. Говорили, будто это я подстрекала сэра Гарри догнать отъехавшую коляску, тогда как я, напротив, зная, что не дожусь ничего, кроме нового оскорбления, отдала бы все на свете, чтобы сэр Гарри этого не делал.

Все время, пока продолжалась болезнь лорда Кембервелла, сэр Гарри каждый день посылал справиться о его самочувствии.

Приближалась летняя пора. У сэра Гарри Фезерсона было великолепнее поместье Ап-Парк, в графстве Сассекс¹⁵⁵. Он отвез меня туда как хозяйку своего имения.

Фальшивый титул миледи, которым учтивости ради величали меня друзья графа, сотрапезники, наполнявшие его замок, паразитируя на богатстве хозяина, тешил мое самолюбие, пока мы оставались в кругу своих. Но стоило выйти за ограду роскошной виллы, как леди Фезерсон вновь становилась всего-навсего Эммой Лайонной, авантюристкой, содержанкой, может быть, несколько более красивой, чем другие, зато гораздо менее заслуживающей уважения.

Следствием этого оказалось непреклонное упорство, с которым наши соседи при любом удобном случае выказывали мне свое презрение, ранившее меня в самое сердце.

Надо признать, что для маленького двора, каким окружил меня сэр Гарри, я была истинной владычицей, королевой скачек, празднеств, охот. За три-четыре месяца, проведенные в поместье Ап-Парк, я научилась ездить верхом весьма уверенно и изящно. По вечерам я теперь часто разыгрывала сцены из комедий и трагедий, изображала средствами пластики наружность и повадки знаменитых женщин древности. Благодаря своей чрезвычайно выразительной внешности и великолепным костюмам (я заказывала их, следуя изображениям прославленных персонажей), мне удавалось передавать их характерные свойства столь верно, что подчас даже не возникала необходимость что-либо объяснять: при первом же моем появлении в образе какой-нибудь героини греческой, иудейской или римской истории имя этой героини тотчас срывалось с уст зрителей!

Трудно было бы высчитать, в какую сумму обходился хотя бы всего лишь один день этой роскошной жизни на лоне природы.

Раза два или три сэр Гарри Фезерсон лично отлучался в Лондон за деньгами, необходимыми для поддержания всего этого блеска.

Управляющий, сначала оплачивавший его нужды, кончил тем, что объявил: доходы сэра Гарри истрачены на два года вперед и ему не на что более рассчитывать до тех пор, пока он не достигнет двадцати пяти лет и сможет по собственному усмотрению распорядиться всем своим громадным состоянием.

К концу июля он находился в столь стесненных обстоятельствах, что, собравшись в Лондон с целью попытаться получить очередной заем, был принужден попросить у меня денег на эту поездку. Его приятели, заметив, что дело идет к неизбежному краху, малопомалу рассеялись. Двое последних из них отправились в Лондон вместе с Гарри, пообещав вернуться. Одна я ничего не замечала, ни в чем не сомневалась и воображала, будто кошелек сэра Гарри неисчерпаем, словно кошелек Фортунатуса¹⁵⁶.

Три дня я ждала, ни о чем не тревожась. Потом, когда они истекли и еще два дня минули, не принеся никаких вестей, я несколько забеспокоилась. Лишь на шестой день, с тех пор как Ап-Парк осиротел, я получила письмо от сэра Гарри. Оно поразило меня словно удар молнии. Лорд Фезерсон писал так:

«Моя бедная Эмма, я совершенно разорен – по крайней мере, в настоящий момент мое положение именно таково. Я задолжал пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Моя семья соглашается вырвать меня из рук судебных исполнителей и атторнеев¹⁵⁷, но лишь с условием, что моя жизнь

¹⁵⁵ Сассекс – графство на юге Англии.

¹⁵⁶ Фортунатус – герой немецкой народной книги, созданной в XV в.; ему достается волшебный кошелек, благодаря которому он может исполнить любое свое желание, что влечет для него многие бедствия.

¹⁵⁷ Атторней – в англоязычных странах доверенный представитель, оказывающий юридические услуги частным лицам

совершенно переменится, и суть этой перемены, которой я вынужден подвергнуть себя, состоит в отказе от самого дорогого, что у меня есть в мире, – от Вас. Более того: чтобы быть уверенными в моем благоразумии в течение этих двух-трех лет, отделяющих меня от моего совершеннолетия, меня отсылают в Индию, где семейство приобрело для меня торговую компанию.

Все это устроилось только сегодня утром, а вечером мой корабль уже отправляется, так что, когда Вы получите это письмо, я уже буду в море.

Прощайте, моя дорогая Эмма! Вы подарили мне восемь месяцев блаженства, равного которому не знал ни один мужчина. Простите, что я так дурно Вас за это отблагодарил.

Тот, кто любил Вас, любит и будет любить вечно.

Гарри».

В тот же день явились представители правосудия, чтобы описать ту часть имущества сэра Гарри Фезерсона, которая находилась в замке Ап-Парк: она должна послужить гарантией для кредиторов и быть отдана в залог, тогда они приостановят судебное преследование.

При их появлении я тотчас покинула замок, не унеся с собой ничего, кроме собственных носильных вещей и денежной суммы в двести пятьдесят фунтов или около того.

XIX

Это потрясение было одно из самых сильных, какие мне пришлось испытать в жизни. До сих пор я знала лишь вознесение из бедности к роскоши, от невзгод к счастью. И вдруг что-то в моем существовании надломилось, я сразу утратила былую веру в свою неуязвимость.

Я всей душой любила Гарри, и мое сердце обливалось кровью оттого, что из него вырвали эту любовь. Болело не одно сердце: эта привязанность пустила такие глубокие корни, что теперь от этого разрыва все мое существо было истерзано страданием.

Кроме душевных мук, на меня обрушились и материальные тяготы. С того момента, когда неожиданный удар настиг меня, мне предстояло самой заботиться о себе, а когда ты оглушена горем, это становится нестерпимой обязанностью.

Куда мне идти? Что станет со мной? Под чьим кровом найду приют? На какой камень мне приклонить голову? Я не знала, что ответить на эти вопросы, что задавала самой себе, присев под деревом у той самой дороги, пыль которой всего несколько дней назад вздымалась из-под колес моей роскошной кареты или из-под копыт моего великолепного скакуна.

В соседнем городке я наняла карету, внесла туда мои две или три сумки, уселась сама, но когда возница спросил: «Куда угодно леди?», не знала, что ему ответить.

– Поезжайте по дороге, – сказала я.

– По какой?

– По этой.

– Но куда?

– До ближайшей деревни или города.

– Ближайший город называется Натли¹⁵⁸.

– Так везите меня в Натли.

И кучер, весьма озадаченный, пустился в путь.

Часа через три он остановил карету посреди площади большого селения, расположенного в прелестной местности, у подножия холма.

– Ну вот, мы в Натли, – сказал он.

– Справьтесь, нет ли здесь небольшого дома, который могла бы снять одинокая женщина, чтобы поселиться там со своей служанкой.

Возница бросил повод на шею своей лошади и отправился на поиски того, о чем я его просила.

Я осталась в карете, охваченная немым оцепенением: сколько минут или часов мне пришлось так просидеть, сказать не могу – я утратила ощущение времени.

Но вот кучер вернулся; на другом конце селения он, по его словам, нашел маленький коттедж, который должен мне замечательно подойти.

– Везите меня туда, – сказала я.

Лошадь остановилась перед маленьким домом, стоящим в тени деревьев среди цветов; при нем был сад, окруженный изгородью с решетчатой деревянной дверцей, выкрашенной в тот же зеленый цвет, что и ставни. За домом по поручению его владелицы надзидала старая служанка, которой было поручено сдать его внаем, если на то найдется охотник. Сама хозяйка, не имеющая иной собственности, кроме этого коттеджа и скудной ренты в пятьдесят фунтов, на которую она жила, находилась в гостях у своего брата, который, выйдя в отставку в генеральских чинах, недавно потерял свою единственную дочь и просил сестру

¹⁵⁸ *Натли* – городок в графстве Сассекс.

побыть с ним. Дом остался таким, каким владелица покинула его, то есть вполне меблированным, небогатым, но чистым.

Мне хватило одного беглого взгляда, чтобы убедиться, что дом во всех отношениях подходит к состоянию как моей души, так и кошелька. Уединенное расположение его обещало мне покой, в чем мое сердце так нуждалось, и притом это жилище было достаточно скромным, чтобы я при моих малых средствах могла воспользоваться им на время, достаточно, чтобы решить, как быть дальше.

С меня спросили тридцать фунтов в год. Я уплатила за шесть месяцев вперед с условием, что буду иметь право покинуть дом, ничего более не платя, если это произойдет в течение названного срока. Таким образом у меня оставалось около двухсот тридцати фунтов, что соответствует пяти тысячам семистам пятидесяти франкам.

Если бы я пожелала остаться в этом домике и жить вдали от света, мне было бы обеспечено около трех лет покоя.

Два часа спустя я уже устроилась в коттедже, с видом и убранством которого даже самый строгий из моих туалетов составлял престранный контраст; впрочем, сравнивая это скромное, но прелестное жилище с той бедностью, в которой прошло мое детство, я не могла не отметить, что в своем падении все-таки задержалась на полпути.

За фунт в месяц и стол здешняя прислуга согласилась поселиться вместе со мной и взять на себя попечение о нашем хозяйстве.

Первой моей заботой было заказать себе один или два наряда, более подходящих к моему новому образу жизни. Я велела сшить их из черного шелка. На все расспросы я отвечала, что меня зовут миссис Харт, я вдова и провожу в уединении первые месяцы моей скорби по утраченному супругу.

Я была чересчур молода, чтобы уже быть вдовой, но предоставляла окружающим думать об этом моем рассказе все, что угодно. Мне это было безразлично: я же все равно никого не видела.

Первую неделю этого затворничества я провела наедине с теми страданиями души и тела, какие всегда сопровождают большие житейские потрясения; потом мало-помалу покой возвратился если не в мою душу, то, по крайней мере, в мои мысли, и я смогла обдумать свое положение.

В общем, я потеряла человека, которого любила, но был ли он достоин тех сожалений, что я испытывала? Было ли то, как он со мной поступил, к лицу истинному джентльмену? Среди превратностей собственного жребия побеспокоился ли он обо мне? Подумал ли о том, что со мной станется? Постарался ли оградить меня от унижений, что уготованы несчастным женщинам, сделавшим свою любовь смыслом собственной жизни?

Я была вынуждена признать, что нет.

Как действия этого человека отличались от поступков сэра Джона Пейна!

С того момента, когда мне удалось беспристрастно оценить сэра Гарри, определить истинную цену ему, печаль утраты стала заметно ослабевать. Несомненно, это был красивый, блестящий юноша, однако моя память подсказывала, что среди друзей сэра Джона и его собственных можно было бы отыскать пять или шесть молодых людей, в этом отношении ему не уступавших; и, вероятно, если бы таинственное происшествие, вследствие которого он вошел в мою жизнь, не оставило в ней столь неизгладимого следа, я бы обратила на него не больше внимания, чем на всех прочих, и он прошел бы мимо меня незамеченным.

Нынешнее же мое положение, как бы то ни было, лучше, чем тогда, когда я впервые прибыла в Лондон. Если я захочу пожить в уединении, у меня впереди долгая череда безмятежных дней. Если пожелаю вернуться в Лондон и показаться там во всем прежнем блеске, моих средств хватит на один-два месяца – срок, достаточный, чтобы вскружить голову этому обществу, в котором я жила и куда всегда могу вернуться на прежних условиях.

Размышляя подобным образом, я глянула в зеркало и убедилась, что юна, свежа, хороша как никогда. Если на моем лице еще и оставались какие-то следы пролитых слез, то довольно было самой легкой улыбки, чтобы уничтожить их.

Но после кипучей жизни, когда каждый день был праздником, каждая ночь – игрой и наслаждением, я нуждалась в нескольких неделях отдыха. Безмятежная ясность моего сердца была замутнена, как чистая гладь озера после грозы: ему требовалось время, чтобы вновь обрести эту ясность. Те первые одинокие дни, что я провела в домике в Натли, не лишены были меланхолической прелести, и я иногда сожалела о них даже в пору, когда судьба вознесла меня на недостижимые вершины; я говорила себе, что эта легкая, тихая жизнь, с похожими один на другой днями, в конечном счете, может быть, более всего прочего отвечает потребностям нашей природы.

Однако должна признаться, что мой внутренний голос шептал мне, что я не из тех, кому природа готовила в удел спокойствие посредственности и отраду уединения; напротив, я принадлежу к натурам, которым необходимы крайности – азарт борьбы, ведущей к триумфу или гибели. На каких подмостках разыграется эта драма, этот поединок с судьбой во имя завоевания будущего? Об этом я ничего не знала, только чувствовала, что мне, воительнице, идущей на бой во всеоружии красоты, каприза и страсти к неведомому, этот покой дарован как краткая передышка перед сражением.

Я провела в Натли два месяца, почти не выходя за садовую ограду. За этот срок во мне возродились все силы и вдохновение моей юности. Сердечная рана затянулась тем легче, что я говорила себе: утрата сэра Гарри была вынужденной, не случилось ничего, что могло бы нанести урон моему самолюбию, коль скоро наша разлука была не следствием охлаждения его страсти, а результатом насилия со стороны обстоятельств, оказавшихся могущественнее, чем воля лорда Фезерсона.

Да, в разрывах подобного рода, – хоть мне, может быть, и не надо бы разглашать этот женский секрет, – наше самолюбие страдает еще больше, чем сердце. Женщина, говорящая себе: «Я разлучена с возлюбленным, но знаю, что он всегда будет любить меня», способна утешиться гораздо легче, нежели та, которой приходится признать: «Я разлучена с возлюбленным, потому что он меня разлюбил».

Вот почему на исходе второго месяца моего затворничества я вновь ощутила непреодолимую тягу к той ослепительной суете, что окружала меня весь последний год. Я решила вернуться в Лондон и снова попытаться счастья; удача была мне до сих пор верна, и я имела основания надеяться, что она не покинет меня в самом начале этого пути.

К тому же, по мере того как разум, а вернее, память возвращалась ко мне и в голове стало проясняться, я припомнила еще одну, может быть пока не упущенную возможность укрепить мое благосостояние. В свое время я так торопливо оставила свой домик на Пикадилли, последовав за сэром Гарри и поспешив оборвать все связи с прошлым, и думать забыла о щедром даре сэра Джона, отдавшего в собственность всю богатую меблировку дома.

И вот теперь я испытывала самое пылкое желание вновь увидеть этот дом, свидетель первых дней моего счастья, то есть торжества моей гордыни, ибо – что меня и сгубило – счастье для меня состояло даже не столько в радостях любви, сколько в удовлетворении гордыни. Я смутно припоминала теперь, что сэр Джон говорил управляющему, будто наем дома был оплачен на год вперед и все, что находится в его стенах, принадлежит мне. Правда, у меня не было никакой бумаги, подтверждающей эти мои права, и если память меня обманывает, если арендный договор составлен на имя сэра Джона, а не на мое – вопрос, который никогда прежде меня особенно не занимал, – или если управляющий окажется бесчестным человеком, со всеми этими заманчивыми надеждами придется расстаться.

Настало время, когда сомнения стали для меня нестерпимы, и я решилась действовать, чтобы наконец отдать себе отчет в истинном положении вещей.

Дилижанс проходил через Натли дважды в сутки – из Льюиса в Лондон и обратно¹⁵⁹. Не сказав служанке, вернусь я или нет (ведь так или иначе срок оплаченной аренды истекал через три с лишним месяца), я отдала ей ключи, заняла место в дилижансе и отправилась в Лондон. На следующее утро я уже была там.

Я наняла фиакр, велела погрузить туда мои вещи и с бьющимся сердцем пролепетала трепетным голосом, чтобы меня везли на Пикадилли.

Когда фиакр остановился у подъезда этого милого, столь памятного дома, где сейчас должен решиться такой важный для меня вопрос, я чуть было не потеряла все свои силы и остановилась перед дверью, не решаясь постучаться.

Но тут вдруг, словно затем, чтобы покончить с моими колебаниями, дверь открылась и в ней появилась женщина. При виде ее я издала радостное восклицание.

Передо мной стояла Эми Стронг, которая, как, вероятно, помнит читатель, всегда оказывала весьма большое влияние на обстоятельства моей судьбы. И вот снова по воле Провидения она встала на моем пути.

Она узнала меня в тот же миг, как я узнала ее, и мы бросились друг другу на шею.

За ее спиной, почтительно держа свою шляпу в руке, стоял привратник; увидев меня, он распахнул обе створки ворот, чтобы могла проехать карета.

Въехав во двор, карета остановилась у самого крыльца. Привратник открыл двери и, поскольку я не решилась ни о чем спросить, заговорил сам:

– Миледи долго была в отсутствии, но она увидит, что в доме все как было, каждая вещь на том же месте, на каком ее оставили.

И он вручил мне ключ от второго этажа, где раньше были мои апартаменты.

Мне стало ясно: ничего не изменилось и все, что находится в доме, принадлежит мне.

¹⁵⁹ Натли отстоит от Льюиса, главного города Сассекса, на 12 км к северу.

XX

Я возвращалась в это благословенное жилище, которое уже не надеялась обрести вновь, с глубокой радостью, и свою любимую голубую комнату я увидела сквозь слезы благодарности сэру Джону, комнату моих мечтаний, как и украшавшее ее огромное зеркало в золоченой раме, напоминавшее о предсказании Дика.

Бедняжка Эми отнюдь не процветала. Я тоже всегда играла в ее жизни роль Провидения; пять или шесть раз она являлась в особняк, пытаясь разузнать что-нибудь обо мне и прибегнуть к моей помощи, но ей неизменно отвечали, что я в отъезде и неизвестно, где пребываю сейчас; она только что сделала последнюю попытку в том же роде и столь же безуспешную, когда, в отчаянии выйдя за порог, столкнулась со мной, неуверенно приближающейся к дому. Так мы повстречались.

Я чувствовала себя такой одинокой, что встреча показалась мне благословением небес; я предложила ей пожить со мной, и, хотя ничего не было сказано относительно того места, которое она станет занимать в доме, Эми согласилась.

Рассуждая здраво, мне предстояло принять одно из двух решений. Убранство дома на Пикадилли принадлежало мне; поскольку сэр Джон отказал его в мою собственность, продажа его позволила бы выручить от двух до двух с половиной тысяч фунтов.

Следовательно, с тем, что у меня было, я могла выручить тысяч шестьдесят франков – это дало бы от ста до ста двадцати фунтов ежегодной ренты.

Решишь я отказаться от великосветских удовольствий, роскоши и блеска и вернуться в свой маленький домик в Натли, мне не стоило бы тревожиться о будущем: такая сумма дала бы мне обеспеченное положение.

Напротив, если идти тем путем, на который я уже вступила полным приключений, капризов случая, – пришлось бы сохранить и дом и мебель, принимать у себя и подвергаться риску новых любовных походов.

Увы! Мой характер побуждал меня именно к последнему, да и Эми, игравшая рядом со мной ту же роль, что змей-искуситель шесть тысяч лет назад – подле Евы, подталкивала меня к такому же решению.

Легко догадаться, к чему я пришла.

Господь, исполненный всепрощения, а не только карающий за грехи наши, надеюсь, не потребует, чтобы я поведала обо всех подробностях того года, что прошел с моего возвращения на Пикадилли, восемнадцатого года моей жизни; все ступени мучительного существования женщины, живущей за счет своей красоты, были мною пройдены, все оскорбления, подстерегающие ее, меня не миновали, и чаша стыда была испита до дна. Если я не рассказываю все, то не потому, что забыла об этом: просто силы изменяют мне при мысли, что пришлось бы в воспоминаниях проделать тот путь снова. Скажу только, что по истечении года, день в день после моего возвращения на улицу Пикадилли, я покинула этот уютный особнячок, распродав все: мебель, драгоценности, кружева, оказавшись более бедной и более одинокой, нежели тогда, когда вступила на его порог, и сохранив от всей былой роскоши лишь шелковое платье, которое было на мне.

Как же я впала в такую нищету, что даже Эми, первая и постоянная соучастница моего падения, покинула меня? На то может ответить только Провидение, пожелавшее низринуть меня на низшую ступень лестницы преуспевания, чтобы затем позволить снова добраться до ее вершины.

Все подробности того ужасного дня навеки запечатлелись в моей памяти. Дело было в пятницу 26 октября 1782 года, в одиннадцать часов, в туманное промозглое утро, какие бывают только в Лондоне.

Прежде чем навсегда уйти из особняка на Пикадилли, я позавтракала ломтем хлеба и стаканом воды и была отнюдь не уверена, что достану на обед еще кусочек хлеба.

Я пошла по Пикадилли к Олд-Бонд-стрит¹⁶⁰, не слишком задумываясь, куда ведут меня ноги, и брела, словно слепая, толкая прохожих и сама наталкиваясь на какие-то препятствия. Вскоре я оказалась на Оксфорд-стрит. Только случай привел меня туда.

Там я как бы очнулась. Оказалось, что я подошла почти к самому дому мисс Арабеллы; поняв это, я на миг замерла. Пока я так стояла, какой-то экипаж въехал во двор и остановился у крыльца; женщина в короткой атласной накидке, богато украшенной кружевами, скользнула в него так стремительно, что облако кружев скрыло ее лицо, за ней в карету поднялся молодой человек; дверца захлопнулась, и карета промчалась мимо меня, обдав грязью. В женщине я узнала мисс Арабеллу, а ее спутник и, по-видимому, новый обожатель был мне вовсе неизвестен.

Карета свернула на Хай-стрит¹⁶¹ и исчезла.

Почему эта женщина, вероятно родовитая не более меня и явно не такая красивая, оставалась всегда богатой и счастливой, в то время как я, побывав богатой и счастливой, вынуждена смотреть ей вслед, отряхивая грязь, которой она окатила меня?

Мне это показалось вопиющей несправедливостью судьбы.

Я оставалась на том же месте еще около получаса и, верно, стояла бы еще долго, так и не отдавая себе отчета, почему не иду дальше, если бы вокруг меня не собралась кучка людей и какой-то полицейский, проложив себе дорогу в маленькой толпе, не спросил меня, что я тут стою, словно в столбняке, по щиколотку в грязи, похожая на безгласную статую.

Я отвечала ему, что видела, как из дома № 23 на моих глазах выехала знакомая мне дама, и я жду ее возвращения, ибо мне надо с ней переговорить.

– Идите-ка своей дорогой, – грубо сказал полицейский, – в такое время женщины, подобные вам, не имеют права стоять на тротуаре.

Его слова вонзились в мое сердце, как раскаленный клинок; я встrepенулась, метнулась на Дин-стрит и спустилась к Стренду¹⁶².

Едва я сделала несколько шагов, как очутилась перед магазином мистера Плоудена, где я когда-то около месяца прослужила за прилавком. Жизнь там не была для меня ни счастливой, ни блестящей, но, по крайней мере, мне жилось спокойно.

На том месте, которое некогда занимала я, сидела другая молодая девушка; по безмятежности, разлитой на ее лице, было видно, что она явно достигла или почти достигла вершины своих мечтаний и стремлений, сделавшись первой среди барышень ювелирного магазина.

Мне слишком живо помнился окрик полицейского у особняка мисс Арабеллы, и потому я не задержалась подле торгового заведения мистера Плоудена и пошла вверх по Стренду к Кингс-Уильям-стрит, которая привела меня на Лестер-сквер, словно заставляя, ступенька за ступенькой, возвращаться по лестнице воспоминаний: там стоял домик мистера Хоардена, где я остановилась, приехав в Лондон, и где меня ожидал такой приятный, исполненный благожелательности прием.

Уже на Стренде меня захватил дождь, он продолжался и сейчас, с каждой минутой усиливаясь, однако я дошла до такой степени нечувствительности, что, даже промокнув до костей, вовсе не замечала этого. Маленький домик выглядел все таким же благообразным, я

¹⁶⁰ *Олд-Бонд-стрит* – проложена в 1680 г.; ведет от Пикадилли в северо-западном направлении к Оксфорд-стрит.

¹⁶¹ Возможно, имеется в виду Сент-Джайлс-Хай-стрит, примыкающая с юга к Оксфорд-стрит у ее восточного окончания.

¹⁶² *Дин-стрит* – расположена в восточной части центрального Лондона; ведет от Оксфорд-стрит в сторону Огрена.

бы даже сказала, пуритански чистым. Я уселась на ступени балагана, возведенного каким-то бродячим театром посреди площади.

Напротив меня виднелась дверь дома мистера Хоардена. Я оставалась там под дождем более двух часов, чувствуя первые признаки голода, но гордость не позволяла мне постучаться в гостеприимный дом и попросить кусок хлеба.

К несчастью, два источника благоденствий, к которым я могла бы прибегнуть, попав в безвыходное положение, были мне недоступны.

Мистер Шеридан, чье имя очень часто произносилось при мне, не имел возможности быть мне полезным из-за пожара, уничтожившего театр Друри-Лейн, где он был директором¹⁶³ и где я могла бы найти место, обеспечивающее некоторое положение.

Что касается Ромни, то у меня никогда не было его адреса, я только помнила, что он обитает где-то неподалеку от Кавендиш-сквер¹⁶⁴ или на самом Кавендиш-сквер, однако подобных сведений было недостаточно, чтобы отправиться на поиски его жилища.

А мне между тем требовалась скорая и действенная помощь: хотелось есть, а я не знала, где придется пообедать, приближался вечер, а я ломала голову, где мне переночевать.

Я подняла глаза к Небесам, надеясь, что мой исполненный мольбы взгляд смягчит их гнев.

В эту минуту мимо того места, где я сидела, проезжала карета; она остановилась, дверца распахнулась, женщина лет сорока или сорока пяти, закутанная в великолепную индийскую кашемировую шаль, вышла и подошла ко мне, подставив голову дождю, изливавшемуся с небес.

В чертах женщины сквозила смесь цинического любопытства и вульгарности, совершенно не согласовавшихся с ее изысканным одеянием.

Не предполагая, что она заинтересовалась именно мною, я уронила голову на руки.

Но она тронула меня за плечо.

Я подняла взгляд: женщина стояла передо мной; она нагло оглядела меня и громко прошептала:

– Да она, право слово, хороша, очень хороша!

С удивлением я посмотрела на нее: чего хотела от меня эта женщина?

– Почему вы сидите вот так под дождем? – спросила она.

– Потому что не знаю, куда идти.

– Глупости! – возмутилась она. – Когда имеешь такое личико, как у вас, нет ничего проще обрести крышу над головой.

– Однако вы видите, что со мной произошло именно так.

– А почему вы так бледны?

– Потому что заоченела и хочу есть.

– Вы ничем не больны?

– Еще нет, но обязательно заболēju, если проведу ночь на улице.

– А кто заставляет вас ночевать под дождем?

– Я же вам сказала, что мне некуда идти!

– Идите ко мне.

Я снова посмотрела на нее и спросила:

– А кто вы?

– Я та, что предлагает вам все, чего вы лишены: кров, пищу, одежду и деньги.

– А какова цена?

¹⁶³ Друри-Лейн горел несколько раз; после пожара 1791 г. здание театра было снесено; новое его здание было отстроено стараниями Шеридана в 1794 г.

¹⁶⁴ *Кавендиш-сквер* – большая площадь с садом в северо-западной части Лондона XVIII в., к северу от Оксфорд-стрит.

– Потом поговорим и об этом, только поторапливайтесь! Я теряю из-за вас не только время, но и шаль и шляпу.

Я все еще колебалась.

– Что ж, тогда доброй ночи, прелестное дитя! – И она шагнула к экипажу.

– Сударыня, сударыня! – взмолилась я.

– Так что, вы решаетесь?

– А если завтра ваши предложения мне не подойдут, будет ли мне позволено уйти от вас?

– Это как вам будет угодно! Разумеется, прежде возместив мне расходы, если таковые потребуются.

– Я следую за вами, сударыня.

Я поднялась. Вода стекала с меня ручьями.

– Садитесь впереди, да так, чтобы вас и видно не было.

Я повиновалась, скорчившись в уголке. Она покачала головой:

– Да, вы являете собой жалкое зрелище!.. Кстати, у вас нет никаких неприятностей с полицией?

– У меня?

– Ну да, у вас.

– Какие у меня могли быть отношения с полицией? Я только сегодня утром вышла из собственного дома!

– Ах! Так у вас был собственный дом?

– Да.

– И где же он находился?

– На Пикадилли.

– Но Пикадилли – не наш квартал.

– Не ваш квартал? Я вас не понимаю.

Она снова внимательно оглядела меня, и ее губы вытянулись в ниточку.

– Впрочем, это возможно, – наконец произнесла она. – Вид у вас вполне добропорядочный. Однако кто угодно может принять такой вид!

– Сударыня! – воскликнула я, почти оглушенная ее неизменной манерой выражаться. – Если вы уже раскаиваетесь, что сделали мне предложение, я готова выйти из кареты.

– Нет, оставайтесь.

И она сама захлопнула дверцу и приказала кучеру:

– Домой!

Через десять минут экипаж остановился перед домом в Хеймаркете, все окна которого были наглухо закрыты.

Я сильно ошарашена, но, едва переступив порог этого дома и услышав, как за мной со стуком захлопнулась дверь, почувствовала, что мне стало еще холоднее.

Мне показалось, что я вступила в склеп.

И действительно, то был могильный приют, могила целомудрия и добродетели, откуда нельзя было выбраться, не неся в душе следы нравственной гибели, гораздо более устрашающие, чем печать физической смерти!

XXI

Из того, что мне требовалось, неотложнее всего – даже утоления голода – была надобность переменить всю одежду и принять ванну.

Миссис Лав – было ли то прозвищем, данным ей завсегдаятами дома, или капризом случая¹⁶⁵? – прекрасно поняла, насколько оба эти желания правомерны, ибо сразу по нашем прибытии приказала, чтобы приготовили ванну и принесли смену белья и пеньюар в предназначенную мне комнату.

Войдя в нее, я без сил рухнула в кресло, продрогшая, почти без чувств, едва замечая, что делалось вокруг меня.

Миссис Лав с недюжинной расторопностью распорядилась всем, но ее взгляд ни на миг не отрывался от меня.

Когда воду согрели, она решила лично прислуживать мне в качестве горничной и приступила к этим обязанностям с некоторым жаром, впрочем, это обстоятельство прошло мимо моего сознания: в том полубесчувственном состоянии, в какое я впала, мало что могло меня насторожить. Мое платье намертво прилипло к коже – в те времена носили очень тесные туалеты, – и она разорвала его на мне, ножницами перерезав шнуры корсета.

В одно мгновение я оказалась нагой. Хотя меня увидела всего только женщина, на меня нахлынуло какое-то неопределенное чувство стыда и кровь бросилась в лицо.

Я поискала укрытия в ванне, но прозрачная вода служила недостаточным покровом моей наготы.

При всем том, едва вступив в теплую воду, я ощутила несказанное блаженство, грудь расправилась, дышать стало легко.

– Ах, сударыня, – вскричала я, уже нимало не беспокоясь о побуждениях, какими руководствовалась эта особа, оказавшая мне столь необычное гостеприимство, – как я вам благодарна!

– Полно, полно, – пробурчала она. – О вас позаботятся, моя крошка, будьте покойны: вы достаточно красивы для этого.

Затем она позвонила и громко приказала принести чашку бульона, при этом тихо прибавив несколько слов, но я не разобрала их.

В обстановке и духе этого дома ощущалась странная смесь роскоши и дурного вкуса. Так, какая-то особа, одетая слишком кокетливо для служанки и недостаточно изысканно, чтобы выглядеть женщиной из порядочного общества, принесла мне превосходный бульон в чашке из грубого фаянса.

Я не без отвращения поднесла ее к губам – за один лишь год я заразилась всеми привычками жизни в роскоши: я, некогда бедная крестьянка, уже не могла себе представить, как можно есть не на серебре и пить не из хрусталя или фарфора.

Когда я выпила бульон, миссис Лав подошла к ванне, встала за моей спиной, взяла расческу, расплела мои волосы и сама расчесала их с такой тщательностью и ловкостью, которая сделала бы честь настоящему парикмахеру, затем она снова заплела их и укрепила короной на голове, придав прическе столь утонченно-прихотливый вид, что я не могла не признать ее искусность, едва взглянув на себя в зеркало.

Когда она почти управилась с моими волосами, возвратилась служанка и шепнула ей на ухо несколько слов, от которых на лице миссис Лав расплылась удовлетворенная улыбка.

¹⁶⁵ Английское слово love («лав») означает «любовь».

– А теперь, милочка, – радостно провозгласила она, – вам пора выбираться из ванны: слишком долгое пребывание в горячей воде вредит не только здоровью, но и красоте. Идите, я сама вытру вас и помогу вам обсохнуть.

Я давно уже приучилась пользоваться во время своего туалета услугами служанки, а потому без стеснения приняла приглашение миссис Лав. Комната была плотно закрыта и хорошо натоплена, по ней не гуляли сквозняки, а под ногами лежал толстый ковер. Я вышла из пены, как Венера, но, в отличие от античной богини, не имея возможности прибегнуть к тому естественному прикрытию, каким послужили бы мои длинные волосы, будь они распущены. Миссис Лав подошла ко мне с пеньюаром, но неожиданно обернулась к служанке.

– Что это за грубое полотно? – спросила она. – Не принимаете ли вы мисс за какую-нибудь девицу с постоялого двора? Уберите-ка эти тряпки и принесите батистовые сорочки и батистовый пеньюар.

Служанка вышла; я с удивлением поглядела ей вслед, пытаясь, наподобие античной статуи, прикрыть наготу руками. Миссис Лав расхохоталась:

– Ах, вот оно что! Вы, как видно, выпускница пансиона благородных девиц? В таком случае, малышка, надо было меня предупредить, я бы надела перчатки до того, как прикоснуться к вам, и наложила бы на рот повязку, прежде чем заговорить. Ну же, встаньте прямо и поднимите руки, чтобы от них отхлынула кровь.

– Но, сударыня...

– Вам что, холодно?

– Нет.

– Тогда ни о чем не беспокойтесь и дайте мне вас хорошенько рассмотреть. Я не отрицаю: вы красивы, и весьма!

Ее похвалы начали меня несколько тревожить, хотя я не имела пока действительной причины для беспокойства.

– Умоляю вас, сударыня, – тихо сказала я, – позвольте мне одеться.

– Надо потерпеть, пока вам подыщут подходящее белье. К тому же, столько бы вы ни ломались передо мной, могу поклясться, что вы не раз, моя куколка, вертелись перед зеркалом в том костюме, каким вас одарила природа, иначе вы не были бы женщиной... Ладно, вот и ваше белье, теперь можете одеться. Только позвольте мне под конец кое-что сказать вам: если вы не последняя дура, ваше преуспеяние в ваших собственных руках, вы слышите?

– Да, сударыня, слышу, хотя, признаться, не вполне понимаю, о чем вы говорите.

– Ладно, ладно, мисс Кларисса¹⁶⁶! Сейчас к вам призовут кое-кого, кто сумеет все разъяснить. Одевайтесь без помех, а если вам понадобится помощь, позвоните – она не заставит себя ждать. До свидания, милочка! И не корчите из себя недотрогу, тогда все обойдется как нельзя лучше.

И миссис Лав удалилась, сопутствуемая служанкой, успевшей до того разложить белье на кресле.

Оставшись одна, я некоторое время не двигалась, пребывая в неподвижной задумчивости. Меня больше не беспокоила моя нагота, вернее, я вспомнила о ней только для того, чтобы поглядеть на себя в зеркало. Насколько мне показалось, миссис Лав отнюдь не сгущала краски в своих похвалах и я вполне могла соперничать с самыми знаменитыми изваяниями древности.

¹⁶⁶ Миссис Лав иронически называет Эмму именем Клариссы Гарлоу, героини романа С. Ричардсона. Роман С. Ричардсона, весьма популярный в XVIII – первой трети XIX в. Кларисса, его чистая и привлекательная героиня, тяготеет к суровым и жестоким бытом своей семьи; легкомысленный аристократ Ловелас увлекает ее обещанием избавить от гнета окружающих; она верит его сладким речам, а он уводит ее в притон, одурманивает и лишает чести. Добродетельная девушка не может мириться со своей судьбой, заболевает и умирает.

Наконец медленно и неторопливо я надела белье, способное удовлетворить самой придирчивой требовательности какой-нибудь Анны Австрийской¹⁶⁷. Все мои благоприобретенные привычки роскошной жизни пробудились во мне, и слова миссис Лав приятно отдавались в ушах: «Если вы не последняя дура, ваше преуспевание в ваших собственных руках». Я уже протягивала руки к обещанному благоденствию, шепча: «Пусть оно настанет побыстрее! Я готова его принять».

Приходится признать, что я создание слабое и легко поддающееся соблазнам, ибо мне, наконец, стало понятно, куда я попала. Я догадалась, каким ремеслом занимается не слишком целомудренная особа, оказавшая мне гостеприимство, а ее восхищение можно было сравнить с радостью лошадиного барышника, оценивающего стати лошади, которую он собирается купить или продать; при всем том мой посвежевший вид и ласкающее прикосновение тонкого белья возродили во мне надежды и я начала вновь пробуждаться к жизни!

Когда я уже закуталась в пеньюар и скользнула босыми ногами в чудесные шелковые домашние туфли, дверь распахнулась и в комнату внесли столик, сервированный на два прибора.

Этот столик и то, что на нем находилось: резная серебряная посуда, китайский фарфор, скатерть саксонского полотна – все свидетельствовало о комфорте и даже роскоши.

Беспокоило только одно: трапеза была сервирована не для меня одной.

Второй прибор предназначался неизвестному, который должен был разделить ее со мной. Фортуна, улыбаясь мне снова, опять принимала таинственный вид, но теперь мне казалось, что она обращается с бедной Эммой уж слишком бесцеремонно. Впрочем, надо признать, что мое положение оказалось более чем незавидным и со мной, воистину, можно было не церемониться.

Как только столик поставили перед камином, дверь снова растворилась и впустила мужчину лет сорока или сорока пяти.

Одет он был изысканно, хотя претензия на благородство и утонченность сказывалась скорее в покрое его одежды, нежели в их богатстве и качестве тканей. На нем были гранатово-красный бархатный камзол с черным позументом, расшитый белый шелковый жилет, атласные штаны и черные шелковые чулки.

Прибавьте к этому белый галстук, рубашку с великолепным жабо из английских кружев, туфли с бриллиантовыми пряжками и треуголку с черным шелковым кантом, довершавшие его наряд; очки в золотой оправе придавали вошедшему отдаленное сходство не то с государственным чиновником, не то с ученым.

При виде его я поднялась с кресла, одновременно смущенная и раздраженная, однако быстро сообразила, что сам дом и мои затрудненные обстоятельства не предрасполагают к излишней щепетильности и, как выразилась миссис Лав, нечего корчить из себя недотрогу. Потому я смолчала и, вся дрожа, снова рухнула в кресло.

Незнакомец, заметив, что я то краснею, то бледнею, понял, в каком я волнении, и приблизился ко мне с изысканной вежливостью:

– Прошу прощения, мисс, за то, что предстал перед вами, не уведомив о своем приходе; но мне не терпится узнать, столь ли вы добры, сколь прелестны.

Я пролепетала что-то невразумительное, ибо, сколь низко я ни пала в дни моего несчастья, я не была готова так прямо, сразу попасть в собственность первому встречному. Помимо воли у меня на глазах заблестели слезы.

– О, – вскричала я, – это ничтожное создание не теряло времени напрасно!

¹⁶⁷ Анна Австрийская (1601–1666) – дочь испанского короля Филиппа III, королева Франции с 1615 г., жена Людовика XIII (1601–1643; король с 1610 г.), мать Людовика XIV, в годы его несовершеннолетия – регентша.

Неизвестный поглядел на меня с некоторым удивлением и, словно желая распознать, искренними ли были проливаемые мной слезы, продолжал:

– Сударыня, насколько я разбираюсь в физиогномике, мне явственно видно, что я имею дело с особой, во всех отношениях достойной, какую несчастливое стечение обстоятельств, осведомляясь о коих я не считаю себя вправе, поставило в ложное положение. А посему тотчас спешу вас успокоить. Я явился сюда не для того, чтобы говорить с вами о любви, хотя ваша красота, сдается мне, способна отменить все прочие предметы обсуждения.

– О сударь! – вскричала я. – Красота иногда оборачивается великими бедами!

Незнакомец улыбнулся:

– Ну, от подобного несчастья, насколько я знаю, женщины легко находят лекарство. Красота, сударыня, – след божества на брэнной земле; так позвольте же одному из ревнителей этого вселенского культа возложить дань уважения к вашим стопам.

Я невольно улыбнулась тому выпретенному тону, каким были произнесены последние слова.

– Прошу прощения, сударь, – сказала я ему, – но мне показалось, что вы только секунду назад заверяли меня, что не станете говорить о любви.

– А разве я, сударыня, изменил данному слову? Почтение – отнюдь не признание в любви.

Я понимала его все меньше и меньше.

– Однако же вам, как предупредила меня хозяйка дома, настоятельно необходимо подкрепиться. Так прошу к столу, поешьте; я сяду рядом с вами, чтобы составить вам компанию, но прежде всего чтобы удостоиться чести вам прислуживать.

От приглашения, сделанного с такой изысканностью, не было никакой возможности отказаться, особенно если учесть, что я в буквальном смысле умирала с голоду.

Я придвинула кресло к столику; незнакомец, до того остававшийся на ногах, тоже пододвинул стул и сел напротив, оставив между мной и собой все пространство круглой столешницы.

– Сударыня, – сказал он, подцепив на кончик вилки кусок холодной курицы и принявшись с ловким изяществом его разрезать, – некий латинский поэт, чье имя Гораций¹⁶⁸, сказал: «Сделки, легче всего приводящие к доброму завершению, суть именно те, что заключаются за столом, ибо вино для мысли – то же, что вода для растений: оно побуждает их распусться и зацвести». Так ешьте же и пейте прежде всего, чтобы ваши мысли пришли в должное равновесие; а после мы поговорим о том деле, что привело меня сюда и может стать подлинной золотой жилой для нас обоих.

Говоря так, он положил на мою тарелку крылышко цыпленка и до половины наполнил мой бокал превосходным бордоским вином.

¹⁶⁸ *Квинт Гораций Флакк* (65-8 до н. э.) – древнеримский поэт, необычайно популярный в эпоху Возрождения и нового времени; автор сатир, од и посланий на морально-философские темы.

XXII

Нет ничего более оскорбительного, нежели та власть над нашей волей, какую имеют потребности природы, выказывая слабость и ущербность самой человеческой натуры.

Я уже писала, какую перемену во мне вызвали теплая ванна, натопленная комната и шелковистое белье; изысканный ужин, подаваемый мне незнакомцем с такими ухищрениями хорошего тона, которые подобали бы какой-нибудь герцогине, окончательно вернул мне доброе расположение духа и ту безмятежность, какую было позволительно иметь в столь стесненных обстоятельствах.

Недоставало узнать только, какого рода сделку мне собираются предложить, однако, как я ни настаивала, до конца трапезы об этом не было промолвлено ни слова.

Во время еды незнакомый мне посетитель вел себя с безукоризненной предупредительностью. Его беседа была обычной для воспитанного и образованного человека, если не считать некоторого налета педантической учености, свойственного речи врачей, адвокатов и вообще людей, посвятивших себя науке.

Когда ужин закончился, мой сотрапезник попросил мою руку и, взяв ее в свои, начал считать пульс.

– Итак, сударыня, – объявил он, – поскольку ваши железы действуют в полной гармонии друг с другом, пульс равномерен: шестьдесят восемь ударов в минуту, а желудок спокойно и без труда переваривает пищу, распространяя благоприятную теплоту во всем теле, – короче, имея в виду, что ваш ум приведен в состояние, благоприятствующее принятию важных решений, я решаюсь сообщить вам, кто я и какая нужда привела меня сюда.

Я вся обратилась в зрение и слух.

– Зовут меня доктор Грехем, я друг Месмера и Калиостро, занимаюсь демонстрацией мегалоантропогенетических опытов¹⁶⁹. В Лондоне я пользуюсь весьма недурной репутацией, и неоспоримые успехи на моем поприще ведут меня к прочному преуспеянию.

– Ах, доктор! – откликнулась я с невольной улыбкой. – Я счастлива познакомиться со столь выдающимся человеком. Один из моих друзей – о его имени умолчу, – несомненно принадлежащий к вашему сообществу, не переставал обещать мне, что как-нибудь поведет меня на один из сеансов, которые вы даете на Олд-Бейли¹⁷⁰. Ведь вы там производите ваши опыты, не так ли?

– Вы правы, сударыня, и вижу, что не ошибся, когда тотчас, как вас увидел, решил, что ваш ум не уступает вашей обворожительности.

Надо ли мне теперь объяснять, какого рода научными трудами я занимаюсь?

– Вы доставите мне этим большое удовольствие, доктор, хотя я и слыхала, что ваши опыты состоят в демонстрации на восковой кукле, выполненной в рост человека, самых недоступных пониманию природных тайн – от обращения крови по жилам до интимней-

¹⁶⁹ Грехем, Джеймс (1745–1794) – английский врач, известный своими мистификациями; родился в Шотландии в семье шорника; закончил Эдинбургский университет, где получил специальность медика по болезням глаз и уха-горла-носа; несколько лет провел в Северной Америке; вернувшись в Англию, в 1775 г. поселился в Лондоне и открыл необычное медицинское заведение, сведения о котором поражали воображение англичан и рождали самые фантастические слухи; холл дома Грехема, расположенный рядом с входом, был украшен костылями, от которых отказались его пациенты; в верхних комнатах находились замысловатые опутанные проводами электрические машины, магнетическое кресло, специальная ванна, через которую пропускался электрический ток, различные химические препараты; составными элементами действия, призванного удивить и покорить пациента, были также живописные полотна, скульптура, оконные витражи; впечатление усиливали музыка, благовония и, наконец, огромный рост ливрейные лакеи; в 1781 г. Грехем демонстрировал публике Эмму Лайонну в виде богини здоровья.

¹⁷⁰ Олд-Бейли – улица в районе Сити, по которой в Средние века проходила городская стена; на ней располагалась знаменитая Ньюгейтская долговая тюрьма.

ших таинств произведения на свет потомства. Ваша восковая статуя, богиня Гигиия, как вы назвали ее, возлежит на особом ложе, названном вами ложем Аполлона¹⁷¹. Не так ли, доктор?

– Истинно так, сударыня. Так вот, если мои демонстрационные опыты имели такой успех, когда я их производил на простой восковой кукле, рассудите же, сколь велико будет их действие на публику, если я возьмусь производить их на живом человеке, на особе, наделенной столь совершенной красотой, как ваша.

– Но, доктор, – возразила я, – именно вы, для кого природа не оставила непознанных тайн, вы должны знать, что красота лица не обязательно сопутствует телесному совершенству и что мало найдется натурщиц, способных позировать, так сказать, для всей фигуры целиком. Так, Клеомен, насколько я слышала от людей, гораздо более сведущих, чем я, был вынужден отобрать до пяти десятков красивейших гречанок, чтобы они позировали ему для Венеры Медицейской¹⁷².

– Так вот, именно это до настоящего времени меня останавливало. Я искал образчик совершенства и еще два часа назад считал, что найти такую невозможно, но сейчас обрел его в вас.

– Во мне, доктор? Однако позвольте мне заметить, что вы до сих пор видели только мое лицо и, быть может, мне куда как далеко до того совершенства, какое вам требуется.

– Вы заблуждаетесь, сударыня, – с полнейшей невозмутимостью отвечал мой собеседник. – Именно поскольку я знаю, что вы средоточие всех возможных совершенств, я предлагаю объединить наши усилия, что должно принести нам славу и деньги.

– Как это так? Вы знаете? – спросила я, все более удивляясь его уверенности. – Кто же вам рассказал?...

– Мне никто не рассказывал, сударыня. Я видел сам.

– Видели? Но где? При каких обстоятельствах?

– Миссис Лав, уже давно разыскивающая для меня девицу совершенной красоты, предупредила меня о вашем появлении. Я тотчас примчался. Когда вы принимали ванну, я находился в соседней комнате. Я наблюдал за вами сквозь особое отверстие, скрытое резными украшениями, а вы оставались обнаженной достаточно долго, чтобы ничто из ваших совершенств от меня не ускользнуло. Что касается изъянов, то я искал их тщетно, ибо не обнаружил ни одного.

У меня вырвался крик ужаса:

– Но неужели вы не понимаете, доктор, что ваш поступок отвратителен?

– Сударыня, – отвечал он, отнюдь не смутившись, – если бы я имел честь узнать вас два часа назад, как я знаю теперь, я никогда не осмелился бы подвергнуть вас такому испытанию; однако, обнаружив вас в заведении миссис Лав, выяснив, каким образом она подобрала вас на Лестер-сквер, я не мог предполагать, что узрю чистый бриллиант там, где не надеялся найти ничего, кроме рейнской гальки.

– О, доктор, доктор! – вскричала я, пряча лицо в ладонях.

Мой собеседник спокойно дождался, пока я не отняла рук от лица, и взял их в свои.

– Послушайте, – заговорил он. – Стечение обстоятельств дает ныне вам в руки возможность, какой более никогда не представится. Вам предстоит выбирать между годами нищеты, пожизненным позором и быстрым, верным обогащением, границы которому может поставить только ваша воля. Вы молоды, красивы, у вас благородная натура; не пройдет и года вашего пребывания в этом недостойном месте, как ваша юность увянет, красота поблекнет, а о благородстве не будет и речи. А здесь за один час, в течение которого вы подвергнете

¹⁷¹ Гигиия – в греческой мифологии дочь бога-врачевателя Асклепия, богиня здоровья.

¹⁷² Клеомен (примерно I в. до н. э.) – древнегреческий скульптор, подражавший Праксителю; принадлежность его резцу статуи Венеры Медицейской сомнительна.

себя всеобщему восхищению, вы будете получать столько, что трех месяцев демонстрации хватит, чтобы обеспечить вашу независимость на всю оставшуюся жизнь; меж тем как здесь за ничтожную плату вы будете влачить дни и ночи, доставаясь первому попавшемуся жалкому пьянице, делаясь игрушкой любого матроса, у которого заведется в кармане лишняя гинея¹⁷³, терпя общество отверженных созданий, попав в рабство к грубой содержательнице этого заведения. У доктора Грехема вы станете богиней Гигиеей, у миссис Лав вы будете всего лишь девицей Харт. Здесь, на тротуаре Хеймаркета, вам ничто не принадлежит: даже шляпа, даже платье, даже рубашка. Там с сегодняшнего дня вы возвратите ваше утраченное благополучие, единственным обломком которого, по всей вероятности, остался перстень на вашем пальце. Вас устрашает необходимость появляться нагой перед зрителями? Я бы понял вас, если бы вы не были восхитительно-красивы. Ибо, как сказал один мой знакомый философ, «целомудренность есть лишь чувство несовершенства». Но поглядите на танцовщицу в знаменитом театре, разве она не более обнажена в своем трико и юбочке из тюля, нежели будете вы, когда ляжете под газовым покрывалом, за балюстрадой, которая помешает к вам подойти? Поверьте мне, в совершенной красоте есть высшее благородство, а восхищение, достигшее высот энтузиазма, исключает вожделение. Судите об этом по мне самому. Ведь я видел вас выходящей из ванны, не так ли? Вы находитесь в доме, где желать – значит иметь. Что же сделал я, увидев вас? Разве я пришел к вам и грубо сказал: «Вы мне понравились, я хочу, чтобы вы мне принадлежали?» Нет, я явился преисполненный почтительности и, преклонив колено, умоляю: «О царица красоты, не повелите ли мне воздвигнуть в вашу честь алтарь?» Вы только что упомянули юных спартанок и афинянок, которые подарили художнику, будучи простыми смертными, каждая свою долю божественной красоты. Разве колебались они показаться нагими перед великим ваятелем, обожествившим их в настоящем и покрывшим славой в потомстве? О нет, радостные и гордые, они сбрасывали с себя даже последнее покрывало, чтобы поделиться потаенными секретами собственных совершенств. Когда афинская куртизанка Мнесарета была осуждена за неуважение к святыням, что сделал ее защитник Гиперид¹⁷⁴? Он развязал ее пояс и позволил тунике соскользнуть с плеч, так что она неожиданно и помимо собственной воли предстала перед судьями во всей своей испепеляющей красе. И заседавшие на ареопаге не только признали ее невиновной, но и поголовно пали на колени¹⁷⁵. Так вот, перед вами сейчас тоже выбор: быть приговоренной к вечному позору либо снискать королевский венец. Поверьте мне, более целомудренно сбрасывать свою тунику один раз в день перед двумя сотнями зрителей, чем развязывать пояс десять раз, оставаясь наедине с любым встречным. Теперь я вас оставлю, подумайте. Я так уверен в безукоризненности ваших суждений, что взываю единственно к разуму, и так полагаюсь на вашу деликатность, что оставляю вам плату вперед за пятнадцать вечеров по двадцать пять фунтов стерлингов каждый, итого – триста семьдесят пять гиней.

Если вы откажетесь от моего предложения, вы просто отошлете мне назад эти триста семьдесят пять гиней и я пойму, что это значит. Если же я до послезавтрашнего утра не получу данную мной сумму назад, я приезжаю к вам с каретой и забираю вас отсюда. Посчитайте, что значит получать двадцать пять гиней за день в течение года, полугода, даже трех месяцев: две тысячи двести пятьдесят фунтов стерлингов! Почти целое состояние. Сумма

¹⁷³ Английская золотая монета; разница между фунтом и гинеей в ту эпоху заключалась не только в том, что одна гинея равнялась двадцати одному шиллингу, а один фунт – двадцати, но прежде всего в том, что фунты были ассигнациями, реальная стоимость которых значительно уступала номиналу, а гинеей – полновесной золотой монетой.

¹⁷⁴ *Гиперид* (390–322 до н. э.) – один из известнейших афинских ораторов; в изложении Квинтилиана (ок. 35 – ок. 96), древнеримского оратора и теоретика ораторского искусства, автора «Наставлений оратору», откуда известен приведенный здесь анекдот, Гиперид таким образом защищал гетеру Мнесарету, более известную под именем Фрины и служившую, в частности, натурщицей Праксителю для его статуи Афродиты.

¹⁷⁵ *Ареопаг* – высший орган судебной и политической власти в Древних Афинах.

громадная, а взамен от вас потребуется лишь один час в день, и в продолжение этого часа вам не надо делать ни единого жеста, вы не произнесете ни слова; вы сможете закрывать глаза, делать вид, что спите, при вашем желании я согласен, по крайней мере, погружать вас в магнетический сон, наконец – набросить на ваше лицо столь густую вуаль, что на следующий день никто, встретив вас, не сможет сказать: «Вот та великолепная статуя, что я видел вчера». А теперь разрешите поцеловать вашу прелестную ручку, мисс Харт: я удаляюсь и продолжаю надеяться.

И, оставив на столике четыре свертка, три по сто гиней и четвертый – с семьюдесятью пятью, доктор Грехем, почтительно поцеловав мою руку, раскланялся и удалился.

Я застыла на месте, не произнеся ни слова, лишь проводив глазами посетителя и задержавшись взглядом на затворившейся за ним двери. На все его увещевания я не нашлась что ответить, но в моей голове развернулось настоящее сражение. Нищета, грозившая мне, отсутствие крова над головой, голод – все это еще могло хоть отчасти объяснить, почему я согласилась принять гостеприимство миссис Лав, однако продлилось оно более трех дней, и я испытаю на себе тлетворные последствия ее забот, что безнадежно запятнают всю мою жизнь и не будут иметь под собой никакого оправдания, поскольку не дадут мне возмещения, соответствующего приносимой жертве. Напротив, у доктора, как он сказал, нагота живой статуи будет накрыта покрывалом Фортуны; я сыграю роль Данаи, но золотой дождь, который прольется на меня, способен в этом мире смыть почти любые пятна¹⁷⁶. С одной стороны меня подстерегало бесчестье, а с другой – одно лишь бесстыдство.

Я протянула руку, по одному стала брать свертки, разворачивать их; монеты посыпались мне на колени. Я погружала руки в это золото, пересыпала монеты, лившиеся из рук звонким золотым водопадом; рыжеватые блики запрыгали у меня в глазах – я пыталась ослепить себя их блеском; я твердила себе, что лишь от меня зависит иметь их в десять, в двадцать, в сто раз больше, что, в конечном счете, мое лицо будет сокрыто от глаз и никто не сможет вогнать меня в краску нескромным прямым взглядом, наконец, я повторяла себе все, что гордыня и необходимость могут нашептать изболевшемуся и нестойкому сердцу несчастного создания, женщины, наделенной от природы пристрастиями, против которых общество создало законы, оставив ей, молодой, красивой, умной, в удел лишь продажу себя как единственное средство против голода и нужды.

В итоге я не отослала назад деньги, оставленные доктором Грехемом, а через день, в одиннадцать часов утра, он, как и обещал, явился за мной в карете.

В тот же вечер, с лицом, прикрытым густой вуалью, и телом, окутанным легким прозрачным облаком газа, я, по собственной воле погруженная в магнетический сон, чтобы победить взбунтовавшееся целомудрие, возлежала на так называемом ложе Аполлона, служа доктору Грехему живым экспонатом для демонстрации его мегалоантропогенетических опытов.

¹⁷⁶ *Даная* – в греческой мифологии дочь аргосского царя Акрисия, мать Персея, одного из величайших героев. Желая избежать судьбы, предсказанной ему оракулом (смерти от руки сына Данаи), Акрисий заточил свою дочь в подземелье, но влюбленный в нее Зевс проник в темницу в виде золотого дождя, и она родила сына Персея. Услышав голос Персея, Акрисий спустился в подземелье, увидел внука и повелел бросить его и мать в сундуке в море. Однако они спаслись, и Персей совершил великие подвиги. Акрисий все же не ушел от судьбы: причиной его смерти случайно стал диск, брошенный рукой Персея во время состязаний.

XXIII

Такое могло произойти только в Лондоне. Тут требовалась именно здешняя особая смесь фальшивой стыдливости и истинного бесстыдства, она-то и объясняла умоисступление, которое вызвало у столичной публики это зрелище обнаженного человеческого тела – спектакль, которого не допустили бы ни в одной цивилизованной стране мира, однако лондонская полиция и не подумала ему воспрепятствовать.

Желающие буквально дрались за право входа в салон, где доктор Грехем производил свои опыты, и хотя каждый входящий был обязан выложить за это фунт стерлингов, толпа собиралась каждый вечер.

Едва лишь зрители уходили, доктор пробуждал меня, я одевалась, мы ужинали и расходились каждый в свою комнату. Должна подчеркнуть, что ни разу за те два или три месяца, когда я постоянно находилась подле него, я не слышала от доктора ни единого слова, которое не было бы исполнено симпатии и уважения.

И вот теперь... я ведь клялась Господом, что выскажу без утайки все, что испытала, позволив читателю заглянуть в самые потаенные уголки не скажу женского сердца – Боже меня упаси выдавать себя за пример, достойный представлять за весь мой пол, – но, по крайней мере, я, как обещала, открою до конца сердце той женщины, которой я была. Ведь даже Руссо в своей «Исповеди» изобразил не человечество, а лишь одного человека¹⁷⁷, и, несмотря на некоторые весьма странные откровения, которые там содержатся, эта «Исповедь» считается достойной книгой. Не пряча от глаз психолога ни один из секретов своей души, я хочу написать книгу, способную если не превзойти произведение Руссо, то соперничать с ним.

Итак, наступает время нового признания.

По вечерам, во время наших совместных ужинов, доктор, должно быть опасаясь, как бы я не прервала череду этих столь доходных сеансов, всякий раз пересказывал мне похвалы и восторги публики, что роем поднимались и кружились над ложем, на котором я была распростерта. Для меня же этот хвалебный хор не существовал, даже слабые отголоски его не достигали глубин моего забвения. Но оттого, как часто он мне повторял, что сама Венера, пойманная в сеть своим ревнивым супругом, не вызывала у богов Олимпа¹⁷⁸ такого восхищения¹⁷⁹, какое внушает смертным моя красота, мне в конце концов захотелось собственными ушами услышать эту пьянящую мелодию восхвалений. Как то обычно случалось с моими желаниями, это искушение вскоре стало непобедимым, а поскольку поддаться ему было нетрудно и не было даже нужды предупреждать об этом доктора, я решилась попробовать.

На третий или четвертый день, как только доктор Грехем приступил к своим пассам¹⁸⁰, я притворилась, будто уже уснула, и с закрытыми глазами и лицом, на которое был наброшен батистовый платок, скрывающий его от взглядов зевак, приготовилась выслушивать те пламенные восторги, которые, по словам доктора, внушала любителям прекрасного моя бесподобная фигура.

¹⁷⁷ Руссо, Жан Жак (1712–1778) – французский философ и писатель; его автобиографическая «Исповедь» (1766–1769; опубликована в 1781 и в 1789 гг.) – один из блестящих образцов ранней психологической прозы.

¹⁷⁸ Олимп – горный массив в Греции; в античной мифологии и поэзии – священная гора, местопребывание верховных богов.

¹⁷⁹ В «Одиссее» (VIII, 266–366) приведена любовная история Афродиты и бога войны Арея: во время свидания их хитроумно приковал к ложу невидимой глазу сетью супруг Афродиты, бог-кузнец Гефест, и в таком виде они предстали перед смеющимися над ними богами.

¹⁸⁰ Пассы – медленные движения рук врача вдоль лица и тела гипнотизируемого при введении его в состояние гипноза.

Грехем не преувеличивал. Никогда хвалы, обращаемые к владычице Книда и Пафоса¹⁸¹, не возносились ввысь в облаках такого благоуханного фимиама, что курился вокруг возвышения, на котором я возлежала. Можно было подумать, будто каждый из этих льстецов, догадываясь, что мой сон притворен и я могу его услышать, изощрялся в комплиментах в расчете на воздаяние.

Я выпивала эту сладкую отраву, не проронив ни капли.

С того дня я решила всегда бодрствовать на этих сеансах, ценя вознаграждение, что доставалось мне в виде похвал, даже выше того, что получала в фунтах стерлингов.

Что касается доктора, то его прибыль была такова, что, не ожидая просьб с моей стороны, он удвоил плату: теперь за каждый вечер мне платили пятьдесят фунтов вместо обещанных двадцати пяти.

Вечеров пять-шесть протекло в этом блаженном опьянении, что дает успех, каким бы он ни был. Но однажды во время очередного сеанса до моего слуха донеслись слова, впившиеся в мое сердце, словно острый клинок, заставив меня вздрогнуть.

– Какая досада, – произнес чей-то голос, – что при подобном совершенстве форм лицо у нее, вероятно, некрасиво!

– Что заставляет вас предполагать, что лицо этой дивной статуи недостойно ее тела? – спросил другой. – Грехем, напротив, утверждает, что ее черты бесподобны.

– Если бы это было так, – возразил первый, – зачем тогда ей его прятать?

По-видимому, его собеседник нашел это соображение резонным, так как он ничего не возразил.

В следующие два дня мне довелось подслушать еще несколько замечаний в том же роде, страшно задевшие мое самолюбие. Доктор Грехем по моему угрюмому виду заметил, что меня тревожит нечто такое, в чем я не желаю признаться. Он пытался расспрашивать меня с присущей ему учтивостью, но я не дала ему никаких объяснений.

По Лондону между тем распространились самые противоречивые слухи относительно моего лица. Никто не предполагал истинной причины. Одни утверждали, будто им известно из достоверных источников, что я обезображена ветряной оспой. Другие – что громадный шрам бороздит мою щеку. Я слушала все эти суждения, и что-то похожее на ярость поднималось в моем сердце.

С огромным нетерпением я ждала, когда у меня накопится достаточная сумма, чтобы можно было, наконец, прекратить эти демонстрации в обнаженном виде, к постыдной стороне которых я уже привыкла, так и не сумев привыкнуть выслушивать замечания тех, кто сомневался в моей красоте.

И вот настал миг, когда, услышав очередную дискуссию в этом роде, я не стерпела. Едва заметным движением я заставила батистовый платок соскользнуть, и мое лицо явилось взорам присутствующих – с закрытыми глазами, но складка губ выражала дерзкий вызов.

Раздалась крики восхищения. Были минуты, когда зеваки в своем энтузиазме чуть было не разнесли балюстраду. Доктору Грехему пришлось броситься вперед, встав между ними и мной. Это происшествие, по видимости случайное, заставило новых зрителей заполнить салон доктора. В тот же вечер новость, что я столь же прекрасна лицом, как и телом, была уже у всех на устах. На следующий день она появилась также и в газетах.

Обманутый подобно всем прочим, доктор Грехем также приписал падение моей вуали случаю, однако это происшествие имело для него такие замечательные последствия, что он начал умолять меня, чтобы я согласилась являться публике с открытым лицом. Я притворилась, будто уступаю его настояниям, хотя это была уступка собственному кокетству.

¹⁸¹ То есть к Афродите. Книд, Пафос – античные приморские города: первый – в Кари, исторической области в нынешней Турции; второй – на острове Кипр, где особенно почиталась Венера и были выстроены храмы в ее честь.

Мой успех увеличился, доходы доктора достигли высочайшей цифры: в конце месяца он имел уже около тридцати тысяч фунтов стерлингов.

Однажды вечером в хоре прочих я расслышала голос, заставивший меня вздрогнуть, – его тембр был мне знаком!

– Это она! – пробормотал голос.

И, помолчав немного, прибавил:

– Она еще красивее, чем я думал.

Я не посмела открыть глаза, ведь тогда стало бы понятно, что я не сплю и все слышу. Мои опущенные веки были последним покровом, за которым еще могла найти приют стыдливость.

По-видимому, это был кто-то, кого я встречала в моей прежней жизни. Но тщетно я напрягала память: звук этого голоса хоть и жил в ней, однако не напоминал никого из тех, с кем я водила знакомство в дни моей связи с лордом Фезерсоном, равно как и с сэром Джоном, ни даже тех, с кем сталкивалась позже.

Очевидно, следовало обратиться ко временам более давним, когда я еще не прибыла в Лондон. (Полагаю, нет нужды говорить, что голос принадлежал мужчине.)

Подошел час закрытия, посетители разошлись, остался только один – по голосу я поняла, что это тот самый, кого я так безуспешно пыталась вспомнить.

– Дорогой мой Грехем, – услышала я, – совершенно необходимо, чтобы вы убедили мисс Эмму Лайонну оказать мне милость, о которой я вас прошу.

– Начнем с того, – возразил доктор, – что особа, чьей милости вы добиваетесь, вовсе не Эмма Лайонна. Ее зовут мисс Харт.

– Возможно, для вас она и мисс Харт, любезный доктор. Но для меня ее зовут Эмма Лайонна. Во всяком случае, представьте меня ей – надеюсь, она не совсем забыла меня.

– Сегодня же вечером? Нет, это невозможно!

– Я настаиваю, чтобы именно сегодня. Скажем, завтра.

– Завтра? Хорошо.

– Договорились.

– При условии, что она не станет возражать.

– В таком случае, как вы понимаете, я ничего не смогу поделывать. Но я надеюсь, что она не откажется. Прощайте, мой дорогой Грехем.

– Прощайте, мой дорогой Ромни.

Ромни! Это был Ромни!

Когда доктор вернулся, проводив его, он застал меня совсем одетой. Но не могла же я первая заговорить с ним о Ромни! Он бы тотчас понял, что, если я все слышала, значит, я вовсе не спала.

За ужином он сам завел этот разговор, осведомившись, знаком ли мне художник по фамилии Ромни.

Равнодушным тоном я отвечала, что года три или четыре назад действительно встретила однажды на берегу Ди художника, который так назвался. Он сделал с меня набросок и предлагал пять гиней за сеанс, если я соглашусь ему позировать.

– Вам не будет неприятно снова встретиться с ним? – спросил доктор. – Сегодня вечером он был в числе наших посетителей. Он узнал вас и выразил живейшее желание быть вам представленным. Портрет кисти Ромни – пропуск в бессмертие, знаете ли.

Я отвечала, что с удовольствием повидаюсь с ним, но, поскольку я собиралась просить его сохранить в секрете некоторые подробности моего прошлого, мне хотелось принять его у себя и без свидетелей.

Грехем поклонился.

– Как вам известно, – сказал он, – вы вправе свободно распоряжаться собой и вольны во всех своих поступках. Только дайте мне слово, что Ромни, какое бы влияние он ни имел на вас, не сможет вас убедить прекратить наши сеансы в течение ближайших двух месяцев. За этот срок я составлю себе необходимое состояние, а также буду иметь удовольствие надолго избавить вас от каких бы то ни было материальных забот.

Обещание, данное доктору Грехему, я выразила простым рукопожатием. Он всегда держался со мной настолько почтительно, что я не могла отказать ему в подобном доказательстве моей признательности.

На другой день, завтракая, по своему обыкновению, вдвоем с доктором, я нашла под моей салфеткой пару бриллиантовых серег, каждая из которых стоила не менее пятисот фунтов стерлингов.

Я как раз примеряла подарок, вне себя от восторга любуясь сверканием драгоценных камней, когда услышала громкий стук в дверь – пять или шесть двойных ударов. В Лондоне каждому известно, что подобный стук возвещает о появлении знатного визитера.

Не было сомнения, что это Ромни. И действительно, пять минут спустя, когда дверь отворилась, на ее пороге возник мой давний знакомец, повстречавшийся мне около залива Ди.

XXIV

Разумеется, я понимала, что при такой встрече лишь полная непринужденность манер поможет мне скрыть двусмысленность моего положения. После того, что Ромни видел вчера, принять позу, исполненную достоинства, было бы верхом глупости. Итак, при его появлении я поднялась и шагнула ему навстречу, протягивая руку и улыбаясь, как старинному приятелю:

– Добро пожаловать!

– Черт возьми, дорогая Эмма! – вскричал он. – Вы для меня припасаете один сюрприз за другим! Я видел вас трижды, и уже два раза мысленно говорил себе, что быть прекраснее невозможно. И в обоих случаях вы меня в том разуверили, так что я теперь и не знаю, не придется ли ошибиться в третий. Вы умудряетесь хорошесть без конца!

– Что я слышу? Уж не признание ли влюбленного? Тогда извольте пасть к моим ногам, – отвечала я. – Если же это речь друга, тогда садитесь подле меня.

– Коль скоро вы придаете делу такой оборот, позвольте мне сказать вам, что я бы не хотел претендовать на ранг друга прежде, чем будет потеряна всякая надежда завоевать более завидное положение.

Вот, дорогая Эмма, я у ваших ног, и я заявляю вам, что поистине вы лучшее из всего, что я когда-либо видел в этом мире, а прекраснее этого дня, когда я говорю вам: «Эмма, позвольте мне любить вас», может быть лишь один-единственный день – тот, когда вы мне скажете: «Ромни, я вас люблю».

– Так любите меня, дорогой Ромни, я не против. Однако идите все-таки сюда, сядьте и давайте поговорим. Надо же мне узнать от вас самих, считаете ли вы меня еще достойной любить вас после всего, что случилось со мной с тех пор, как мы не виделись, и о чем я хочу вам поведать начистоту.

– Прекрасно! – воскликнул он. – Так вы, стало быть, не довольствуетесь тем, что вы красавица, вы еще воспитаны и остроумны! Значит, вы решились окончательно свести меня с ума?

– Ну, тут мне осталось проделать только половину работы, ведь другая половина выпала на долю мисс Арабеллы.

– Вы видите с ней?

– Я ведь сказала, что намерена полностью исповедаться перед вами. Так слушайте.

И вот полусмеясь-полусерьезно, порой скорбно, однако все-таки не без кокетства, поскольку хотела понравиться ему, я рассказала Ромни все, что произошло в моей жизни со дня первой нашей встречи: как я прибыла в Лондон, движимая главным образом надеждой снова увидеть его, а узнав, что он уехал, попала к мистеру Хоардену. Затем я размотала перед ним всю диковинную цепь событий своей истории, не переставая удивляться, как могло случиться, что я ни разу не столкнулась с ним в том аристократическом и артистическом кругу, где провела около полутора лет сначала с сэром Джоном, потом с лордом Фезерсоном. Оказалось, Ромни тоже много обо мне слышал, хотя не догадывался, что речь идет о его старинной знакомой. Сыгранные мной сцены Офелии и Джульетты наделали шума в актерской среде, так что и ему захотелось поглядеть на меня, но его жизнь, без остатка поделенная между искусством и развлечениями, все отвлекала его от этого намерения. Вот и вышло, что мы разминулись.

– Теперь, когда вы так богаты, – заметил Ромни, – я уже не могу предлагать вам пять гиней за сеанс. Речь может быть лишь о том, чтобы мне просить вас о милостыне. Вы вольны располагать вашим сердцем и вашей особой?

– Я свободна, как ветер.

– А доктор Грехем?

– Это мой провожатый, только и всего. Правда, меня связывает с ним данное слово. Он меня вытащил из нищеты, хуже того – из положения самого позорного. Ну а взамен я теперь помогаю ему сколотить состояние.

– Ладно, – сказал художник, – все это можно уладить. Вы обеспечите Грехему богатство, а мне – славу. Потом, если вам вздумается совершить доброе дело, вы помимо всего этого составите мое счастье. Таким образом, мало кто сможет похвастаться, что прожил жизнь с большей пользой, чем вы.

Мы договорились, что с завтрашнего дня я буду посещать его мастерскую на Кавендиш-сквер, проводя там по часу ежедневно, и он начнет серию набросков с меня.

Простились мы так, словно были нежнейшими друзьями, которым остался один шаг до того, чтобы превратиться в любовников.

Мое бедное сердце слишком долго оставалось незанятым. К Ромни я всегда испытывала большую симпатию, и, повторяю, никакие узы не связывали меня тогда ни с кем. Хотя Ромни уже было около сорока пяти, он был одарен тремя достоинствами, каждое из которых стоит молодости: силой, изысканностью и славой – всем тем, чего могла бы пожелать даже женщина, имеющая куда больше права быть требовательной. Итак, в тот момент мне легко было поверить, что я люблю или, вернее, смогу полюбить Ромни.

На следующий день, в условленный час, я приехала к нему. Он ждал меня, совершив все те маленькие приготовления, которые необходимы для встречи желанной особы: воздух был напоен ароматом, повсюду стояли цветы, пол устилал толстый мягкий ковер, великолепная шкура тигра покрывала возвышение, напоминающее то, на котором я возлежала в салоне доктора Грехема. Венок из виноградных листьев, смешанных с гроздьями, по-видимому, ожидал Эригону¹⁸².

Коль скоро я пришла сюда не только без всякого принуждения, но повинувшись желанию, откровенно выражая его сама, с моей стороны было бы просто смешно отказать Ромни в том, чего он ждал от меня.

В первый же день он за два часа сделал великолепный эскиз. У нас в Англии художников мало, но зато те, кто есть, почти сплошь отличные колористы, среди которых Ромни – один из лучших.

Вернувшись, я нашла бедного доктора Грехема несколько обеспокоенным. С тех пор как он вытащил меня из дома на Хеймаркете, чтобы привести к себе, я впервые покинула эти стены.

Развевя его тревоги в том смысле, какой его преимущественно занимал, я уверила его, что сдержу данное слово. Я рассказала и о том, что он уже знал, поскольку Ромни объяснил ему это прежде меня: что давным-давно знакома с этим знаменитым художником, а теперь сверх того возымела к нему сердечную склонность, которой не стала скрывать. Еще три месяца я провела, не меняя прежнего образа жизни, то есть подарив доктору Грехему целый месяц сверх обещанного. За этот срок Ромни написал с меня серию этюдов, а также закончил начатую Эригону, создав затем еще Венеру, Калипсо¹⁸³, Елену¹⁸⁴, Юдифь¹⁸⁵ и Ревекку¹⁸⁶.

¹⁸² *Эригона* – в греческой мифологии дочь Икария, научившегося виноделию у Диониса, бога плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия.

¹⁸³ *Калипсо* – нимфа, владычица острова Огигии, где в течение семи лет удерживала Одиссея.

¹⁸⁴ *Елена* – в греческой мифологии спартанская царица, дочь Зевса, прекраснейшая из женщин, из-за похищения которой началась Троянская война.

¹⁸⁵ *Юдифь* – персонаж Ветхого Завета: благочестивая вдова, спасшая свой город от нашествия ассирийцев, пленив своей красотой их вождя Олоферна и затем убив его.

¹⁸⁶ *Ревекка* – по ветхозаветному преданию, жена Исаака, прародителя еврейского народа.

В конце четвертого месяца доктор объявил о своем намерении вскоре закончить сеансы. Он заработал на них около ста тысяч фунтов стерлингов. Последние сеансы обернулись настоящим безумием: толчея была такая, что посетители буквально задыхались.

Моя же прибыль составила что-то около восьмидесяти тысяч. Грехом предлагал делить выручку пополам, только бы я согласилась продолжать. Я отказалась. Мне надоела эта повседневная необходимость выставлять себя напоказ. Я испытывала потребность возобновить свой прежний образ жизни женщины, ищущей наслаждений. Никогда еще я не была так богата, и мне казалось, этому богатству не будет конца.

Ромни предложил переехать к нему. Я согласилась. Мы провели три месяца в безоблачном согласии. Вся золотая молодежь Лондона была вхожа к Ромни. В числе самых знатных гостей появлялся там и лорд Гринвилл, как говорили, отпрыск благородного семейства Уорвиков¹⁸⁷, тот самый, у кого сэръ Гарри Фезерсон когда-то на Эпсомских скачках выиграл пари на две тысячи фунтов.

Среди знаков внимания, какими я была окружена со всех сторон, его любезности были наиболее настойчивыми, но, надобно прибавить, и самыми почтительными.

Страстный поклонник совершенства форм, Ромни меж тем воспроизводил меня во всех позах, характерных для героинь античности.

Лорд Гринвилл проводил целые часы в созерцании этих его полотен.

В продолжение месяца или двух его любовь не проявлялась иначе как в этом обожании копий да аплодисментах, которыми он приветствовал оригинал, когда мне случалось изобразить какое-нибудь историческое лицо или продекламировать что-нибудь из Шекспира.

Однажды вечером, когда я прочитала монолог Джульетты в то мгновение, когда она собирается выпить снотворное, он приблизился ко мне и, пользуясь тем, что никто не мог его ни увидеть, ни услышать, проговорил:

– Эмма, вы должны стать моей, иначе я сойду с ума.

Я повернулась к нему со смехом.

– Честное слово, я говорю серьезно.

– Слово джентльмена?

– Слово джентльмена!

– Что ж, приходите, когда я буду одна, – отвечала я. – Тогда и поговорим.

– А в какой час я должен прийти, чтобы застать вас одну?

– Это меня не касается. Вы должны проследить, когда Ромни уйдет, и воспользоваться этим.

– Отлично, – сказал он, – большего я и не прошу.

Через два дня, не успел Ромни куда-то отлучиться, как я вновь увидела перед собой лорда Гринвилла.

– Вот я, – произнес он взволнованным голосом, бросаясь к моим ногам.

– Встаньте, милорд, – молвила я. – Нам с вами надо поговорить о серьезных вещах, это лучше делать не стоя на коленях, а сидя рядом. Присядьте же, и давайте побеседуем.

Лорд Гринвилл посмотрел на меня с удивлением:

– Однако, мисс Эмма, я рассчитывал на более теплый прием с вашей стороны.

– Почему я должна была принять вас иначе? – возразила я. – Я люблю Ромни, а не вас; по крайней мере, я не питаю к вам любви в том смысле, который вам бы хотелось придать этому слову.

– И вы никогда не полюбите меня?

¹⁸⁷ Уорвики – старинное семейство, возвысившееся при короле Вильгельме I Завоевателе (ок. 1027–1087; правил с 1066 г.) и угасшее в XV в.; новые графы Уорвики, получившие свой титул в сер. XVIII в., не были потомками этого древнего рода.

– Я этого не сказала, милорд. Любовь состоит из двух стихий, или, точнее говоря, существуют два рода любви. Первый – это когда довольно одного взгляда, чтобы страсть мгновенно овладела всем существом женщины, когда пожар чувств разом вспыхивает от искры симпатии. Второй – когда любовный эликсир проникает в женское сердце медленно, капля по капле, как следствие нежного согласия душ и добрых поступков. Как я ни молода, милорд, мне уже знакомы две эти разновидности любви, и уверяю вас: тому, кто был любим таким образом, какой я назвала вторым, не приходилось сетовать на свою участь. Если бы мне было суждено полюбить вас страстно с первой минуты, это бы уже случилось и я бы не скрывала этого ни от вас, ни от Ромни, которого я бы тотчас покинула ради вас, ведь когда желание влечет женщину к другому мужчине, это уже неверность. Но вы молоды, красивы, богаты, знатны, следовательно, я бы могла вас полюбить – не так, как сэра Гарри Фезерсона, но так, как любила сэра Джона и теперь люблю Ромни.

– Ну да, – заметил сэр Чарлз Гринвилл, – как говорит пословица, «от худого должника бери что можешь». Что ж, видно, мне придется принять такие условия.

– Однако, сэр Чарлз, прошу вас обратить внимание на одно различие, – возразила я. – Должник должен, а я, согласитесь, ничего не должна.

– Вы очень умны, мисс Эмма. А я, к сожалению, много раз слышал, что слишком острый ум портит сердце.

– Не знаю, как у меня обстоит с остротой ума, никто до сих пор не говорил мне, что он уж так изощрен, но сердце у меня есть, я об этом знаю, так как, на мою беду, обычно приказывает оно. До сих пор я опасалась его гораздо больше, чем разума. Позвольте же моему разуму на этот раз принять на себя заботу о моем сердце.

– Я весь внимание, мисс Эмма, хотя должен признаться, что ваши речи повергают меня в трепет.

– Еще не поздно: вы можете последовать примеру Улисса. Прикажите рулевому править в открытое море, подальше от острова Цирцеи¹⁸⁸, или заткните уши воском¹⁸⁹.

– Нет, я хочу слушать ваш голос, даже с риском превратиться в животное. Впрочем, если я готов внимать вам после всего, что успел услышать, это, вероятно, значит, что превращение уже наполовину свершилось.

– Прекрасно! Я вижу, милорд, что вы тоже человек с умом. Стало быть, мы друг друга пойдем. Выслушайте же меня до конца.

– Я вас слушаю.

– Мне еще нет двадцати. Я родилась в деревне, но сумела побороть в себе привычки, унаследованные с детства. Я не получила никакого воспитания, но природная понятливость, чтение и хорошая память позволили мне преодолеть этот недостаток. Я совершала ошибки, но снова встала на ноги. Я была нищей, страдала от голода и жажды, мне нечем было защититься от ветра, дождя и холода, и вот я хожу в бархате, живу в окружении шедевров искусства и, хоть не богата, могу тратить тысячу франков в месяц: до конца моих дней мне обеспечена безбедная жизнь. Если бы я согласилась еще три месяца участвовать в сеансах доктора Грехема, я стала бы миллионершей, но я не пожелала этого. Мне нравится Ромни, я предпочитаю принадлежать ему.

– Так это для того, чтобы сообщить, что Ромни имеет счастье быть любимым, вы предложили мне прийти сюда, когда его не будет дома?

¹⁸⁸ *Цирцея* (Кирка) – в древнегреческой мифологии и в «Одиссее» Гомера волшебница, владычица острова Эя на Крайнем Западе земли; держала у себя в плену целый год Одиссея (рим. Улисса), а его спутников ударом жезла превратила в свиней. В переносном смысле – коварная оболстительница.

¹⁸⁹ Здесь упомянуты сразу два мифологических мотива: чары Цирцеи и пение сирен. Сирены – в древнегреческой мифологии сказочные существа: полуптицы-полуженщины, заманивавшие своим пением мореходов на опасные места и губившие их; в переносном смысле сирена – коварная оболстительница.

– Именно так! Нам надо обсудить серьезные вопросы, от них, возможно, будет зависеть ваша или моя судьба. Поэтому так важно, чтобы мы объяснились с полной откровенностью и без помех.

Сэр Чарлз глубоко вздохнул.

– Но может быть, вы предпочитаете сойти с ума? – спросила я.

– Не понимаю вас.

– Разве вы не сказали: «Будьте моей, Эмма, иначе я с ума сойду»?

– И это правда.

– Что ж, если я могу принадлежать вам только на определенных условиях, надо, чтобы я их вам объяснила.

– Объясните же.

– Итак, повторяю вам, все обстоит следующим образом: я выбрала Ромни без великой любви, но так, как можно выбрать милого человека, который бы разделял твое одиночество в этом мире и мог при необходимости тебя поддержать. Ромни меня любит, и я привязана к нему; наша жизнь приятна и полна нежности, у меня нет причин ломать ее, если только – слушайте внимательно! – если только мне не представится случай изменить к лучшему мое положение, не денежное, заметьте, а мое место в обществе. Вы так любите меня, что готовы лишиться рассудка? Что ж, полюбите настолько, чтобы жениться.

Сэр Чарлз Гринвилл просто подскочил на стуле.

– Жениться? – закричал он. – На вас?!

Я поднялась и сделала ему реверанс.

– Милорд, – сказала я, – когда вы будете расположены ответить на это предложение иначе, чем подпрыгнув от изумления, я буду иметь честь принять вас. А до тех пор разрешите мне отказаться от удовольствия беседовать с вами и радости, которую доставляет мне ваше присутствие.

Затем кивком я простилась с ним и удалилась в свою комнату, оставив его в мастерской одного.

После этого разговора прошло дня три-четыре – сэр Чарлз не появлялся.

XXV

Ромни по-прежнему был отменно хорош со мной: я удовлетворяла его самолюбие как любовница и его вкус художника как модель. Недаром его самые лучшие живописные работы были созданы в пору нашей связи. Он был тогда в такой моде, что, при всей его склонности к мотовству, умудрялся как бы помимо воли откладывать по двадцать-двадцать пять гиней в день, невзирая на то, что содержал в своих конюшнях четверку лошадей, имел две кареты и трех или четырех лакеев в передней.

По вечерам мы устраивали приемы – трижды в неделю, прочие вечера были отданы театру или прогулкам.

Наша связь была украшена всеми прелестями взаимной симпатии, притом без тех бурь, что порождает страсть.

На четвертый день после достопамятного объяснения ко мне снова явился сэр Чарлз. Я приняла его точно так, как если бы между нами равным счетом ничего не произошло; у меня не было к нему ни влечения, ни отвращения. Свои условия я высказала, вовсе не рассчитывая, что он их примет, – скорее затем, чтобы раз и навсегда расставить все по своим местам, чем действительно надеясь стать леди Гринвилл.

Он несколько раз приближался ко мне, заговаривал шепотом, но коль скоро не задавал никаких прямых вопросов и не переходил к сути дела, то не смог вытянуть из меня ни слова о том, что касалось его сердечных мук.

Ромни то ли сообразил, что ревность с его стороны была бы смешна, то ли доверял мне – ведь я оставалась с ним, ничего не просила, да и, кстати, ничего не получая, – то ли, наконец, подобно мне самой, он рассматривал нашу связь как отношения, не обязывающие ни к чему ни его, ни меня, полагая, что они должны продолжаться лишь до тех пор, пока будут приятны для обоих. Как бы то ни было, он никогда не проявлял признаков беспокойства, какие бы любезности ни расточали мне другие. Однажды он сказал мне так:

– Само собой разумеется, мы с вами оба не настолько глупы, чтобы обманывать друг друга, не правда ли? Я вдвойне счастлив обладать вами как любовник и как живописец, но я не позволю себе никакой назойливости, вы ведь это понимаете? Вероятно, первым, кто пожелает расторгнуть нашу связь, буду не я, но если это все же случится, я объявлю вам о том прямо, уверенный, что вы простите мне мою искренность и мы останемся добрыми друзьями. Я просил бы о том же и вас.

Я протянула ему руку, и договор был заключен. Итак, я решила рассказать ему о любви сэра Чарлза, как только это чувство проявится более определенно. Самой себе я поставила лишь одно условие: чтобы потом мне не в чем было себя упрекнуть, я не допущу ни малейшего кокетства по отношению к сэру Чарлзу.

Но признаться ли? Женская опытность подсказывала мне, что вся моя власть над ним, которая, должно быть, обеспечит мне полную победу, зиждилась на полном отсутствии влечения к этому человеку.

На следующий день, когда Ромни отправился на очередной сеанс к леди Крейвен, ставшей впоследствии знаменитой маркграфиней фон Анспах¹⁹⁰, – он тогда писал ее портрет, – явился слуга и доложил о приходе сэра Чарлза Гринвилла.

¹⁹⁰ *Крейвен, Элизабет* (урожд. Беркли; 1750–1828) – английская писательница; в 1765 г. вышла замуж за графа Крейвена, от которого имела семерых детей; развелась с ним в 1781 г.; затем жила при различных европейских дворах; в Анспахе (в Юго-Западной Германии, в Баварии) стала любовницей, а затем и женой маркграфа фон Анспаха; в 1791 г., после того как по ее настоянию маркграфство Анспах было продано Пруссии, жила с мужем в Лондоне вплоть до его смерти в 1806 г., а затем уехала в Неаполь; писала стихи, пьесы; оставила весьма интересные «Мемуары» (1825). Анспах-Байрейтский, Карл Фридрих, маркграф (ум. в 1806 г.) – племянник прусского короля Фридриха II Великого (1712–1786; правил с 1740 г.); в

Я отвечала, что готова принять его.

Он вошел, очень бледный и до крайности взбудораженный.

С улыбкой я указала ему на место возле себя.

– Дорогая Эмма, – заговорил он, – я не в силах более терпеть эту неизвестность.

– Неизвестность? – повторила я. – Мне, напротив, кажется, что в целом свете не найдешь более ясного, недвусмысленного предложения, чем то, что я вам сделала.

– Думаете, я бы колебался, если бы все зависело от меня? Знаете, могло так случиться, что вы меня больше никогда бы не увидели.

– Как так? Вы случайно не собираетесь покончить счеты с жизнью? Подождите хоть, пока октябрь наступит – это же месяц самоубийств.

– Нет, я не хочу становиться в ваших глазах ни храбрецом, ни посмешищем. Истина же проста... Не знаю, известно вам или нет, но у меня есть очень богатый дядюшка. Дядюшкой он приходится мне потому, что первым браком был женат на сестре моей матери. Он по рождению шотландец, молочный брат короля Георга Третьего¹⁹¹, старый ученый, археолог, геолог или кто там его разберет. Его зовут сэр Уильям Гамильтон¹⁹², и вся моя надежда на его огромное наследство, потому что мое собственное достояние невелико, почти ничтожно.

– Вот как? Но, милорд, откуда в таком случае у вас берутся деньги?

– Это жалованье, которое я получаю, служа в министерстве. Но если министерство падет и мистер Фокс, мой товарищ по колледжу и большой приятель, перестанет быть министром¹⁹³, я потеряю тысячу пятьсот фунтов стерлингов жалованья, что приносит мне служба, и тогда у меня останется надежда только на дядюшку. Так вот, дорогая Эмма, этот дядюшка прислал письмо, где говорится точно о том же, о чем я вам только что рассказал. Он предлагает мне должность первого секретаря посольства в Неаполе, а впоследствии возможность унаследовать не только его место, но и все его громадное состояние. Сначала я колебался, принять это предложение или отвергнуть, но чувствую, что вдали от вас жизнь для меня невозможна. Я отказался.

– Напрасно.

– И у вас хватает духу говорить мне это!

– Да. Отказавшись, вы совершили первую глупость. А женившись на мне, совершите вторую, и вам придется это сделать, если правда, что вы остаетесь из-за меня.

– Вы плохая утешительница, Эмма!

– Зато я говорю правду. Поверьте мне, сэр Чарлз, если вы еще не отправили дядюшке письмо с отказом, порвите его; если же оно уже отослано, пошлите вслед второе, с противоположным решением.

Поженившись, мы с вами оба прогадаем. Мне, быть может, и удастся возвыситься, но вас – вас несомненно ждет унижение.

1791 г. уступил свои земли Пруссии

¹⁹¹ *Георг III* (1738–1820) – английский король и курфюрст германского государства Ганновер в 1760–1820 гг.; стремился к личному правлению страной; периодически страдал умопомешательством и в 1811 г. окончательно сошел с ума; в годы его царствования Англия стала ведущим участником европейских коалиций против революционной, а потом наполеоновской Франции.

¹⁹² *Гамильтон, Уильям* (1730–1803) – происходил из древнего аристократического рода герцогов Гамильтонов, но, как младший сын, не унаследовал ни состояния, ни титула; в молодости имел определенно выраженную склонность к изучению естественных наук и археологии, но из-за отсутствия достаточных средств вынужден был около одиннадцати лет прослужить в гвардии (с 1747 г.); после женитьбы на своей родственнице Кэтрин Гамильтон, владевшей богатым поместьем, получил возможность оставить военную службу; в 1764 г. благодаря связям в высшем свете был назначен на пост посла в Неаполе, который занимал 36 лет; при назначении получил рыцарский крест ордена Бани и право называться сэром; в 1782 г. овдовел; в сентябре 1791 г. женился на Эмме Лайонне, с которой познакомился во время приезда в Лондон в 1784 г.

¹⁹³ *Фокс* – Фокс, Чарлз Джеймс (1749–1806) – входил в радикальное крыло вигов и выступал против войны с североамериканскими колониями и революционной Францией.

– Значит ли это, что вы берете назад данное мне обещание и что, даже если я решусь жениться на вас, мне не на что надеяться?

– Об этом я не сказала ни слова, милорд. Обещание было дано, и я его сдержу.

– Увы! – вздохнул сэръ Чарлз. – Горе в том, что я даже не волен совершить то, что вы зовете безумством. Пока я не достигну полного совершеннолетия, отец ни за что не даст позволения на мой брак с женщиной, которую он не сам выбрал для меня; и даже будучи совершеннолетним, чтобы жениться по собственному вкусу, мне придется начать против него борьбу и призвать себе на помощь закон.

– Сколько вам лет?

– Всего лишь двадцать два с половиной.

– Что ж, милорд, – смеясь, сказала я, – по-моему, все это, напротив, складывается наилучшим образом. За два с половиной года, которые пока отделяют вас от вашего совершеннолетия, у вас будет время проверить, действительно ли вы любите меня, и тогда увидим.

– Как, вы способны смеяться надо мной сейчас, когда я так страдаю? Вы же прекрасно видите...

– Я ничего не вижу. Я слышу то, что вы мне говорите, вот и все.

– И вы не верите моим словам?

– Вспомните, что Гамлет сказал Полонию: «Слова, слова, слова!»¹⁹⁴

– Но в мою честность вы верите, мисс Эмма? – серьезно спросил лорд Гринвилл.

– Больше, чем в вашу любовь, сэръ Чарлз.

– А в мое слово джентльмена?

– До известной степени. Но клятвы имеют свойство выдыхаться с течением времени.

– Стало быть, вы ни во что не верите?

– Не совсем так. Я верю в непостоянство всего того, что составляет жизнь человеческую.

– Так представьте себе, мисс Эмма, что я принял неоспоримое решение жениться на вас, когда стану совершеннолетним...

– Это выглядит уже серьезнее, хотя ничего неоспоримого я здесь не вижу.

– Почему же?

– Потому что женщина в моем положении не может подать в суд, требуя исполнения брачного обещания.

– А если я выдам вам бумагу, скрепленную моей подписью, где это обещание будет дано в таких выражениях, что отказ исполнить его покрыл бы меня бесчестьем?

– Тогда об этом еще стоило бы поразмыслить.

– И вы поразмыслите?

– Если получу такую бумагу, возможно...

– Отлично. Вы ее получите сегодня же вечером.

– Не искушайте меня, милорд!

– Мисс Эмма, – произнес лорд Гринвилл, вставая, – я вас люблю больше всего на свете, и если для того, чтобы вы стали моей, необходим брак, что ж, вы будете моей женой.

– Я сделаю для вашего спасения последнее, что в моих силах, милорд: не стану распечатывать ни одного конверта ни сегодня вечером, ни завтра; таким образом у вас до послезавтра будет время передумать. Мне нетрудно подождать двадцать четыре часа после того, как я ждала два месяца.

Он поцеловал мне руку и ушел.

Все это говорилось и делалось им с простотой человека, принявшего решение. Недаром сэръ Чарлз пользовался в свете безукоризненной репутацией во всем, что касалось обя-

¹⁹⁴ «Гамлет», II, 2.

зательности: никто не мог бы усомниться ни в том, что он выполнит свое обещание, ни в том, что он полон готовности это сделать.

Я же со своей стороны, действуя подобным образом, не исходила из корыстных расчетов, не шла на поводу своих честолюбивых устремлений, а уже далеко не впервые подчинялась той непостижимой силе, которая, управляя моей судьбой, требовала, чтобы с каждым шагом я поднималась на еще одну ступень общественной лестницы.

Конечно, однажды я упала; и падение мое было глубоким.

Но вследствие этого падения я снова на ногах – относительно, конечно. Любовь сэра Джона и сэра Гарри была лишь данью моей красоте; любовь Ромни была освящена высоким служением искусству.

Я думала, что в истории даже для куртизанок есть свои ранги: я побыла Фриной¹⁹⁵, потом стала Лаис¹⁹⁶, теперь мне осталось дорасти до Аспазии¹⁹⁷.

Аспазия – подруга Сократа¹⁹⁸ и Алкивиада¹⁹⁹, жена Перикла, чье слово немало значило в решении государственных дел Греции, в том числе таких, как Самосская²⁰⁰, Мегарская и Пелопоннесская войны²⁰¹, уж ее-то не назовешь обыкновенной куртизанкой!

И вот некий голос тихо нашептывал мне теперь, что мне мало быть Лаис, что со временем я стану второй Аспазией.

Вошел Ромни.

Мы были с ним слишком близкими друзьями, чтобы я скрыла от него то, что только что произошло.

– Дорогой мой Ромни, – начала я, – какой совет вы бы дали женщине в моем положении, если бы ей подвернулся случай выйти замуж за будущего пэра Англии и стать миледи?

– А, – сказал Ромни, – так сэр Чарлз Гринвилл наконец объяснился?

– Значит, вы замечали, что он в меня влюблен?

– Черт возьми!

– И ни слова мне не сказали?

– Я был уверен, что в нужный момент вы сами об этом заговорите.

– Милый Ромни, право, вы так очаровательны, что, по чести говоря, у меня, кажется, никогда не хватит мужества расстаться с вами.

– Можете быть уверены в одном, дорогая Эмма; мы с вами не расстанемся никогда.

– Но если я выйду за сэра Чарлза, ведь придется...

– Да ведь расстанутся тела, а вовсе не души. Итак, до тех пор пока воспоминание обо мне будет доставлять вам удовольствие, пока мысли о вас останутся для меня счастьем, разве

¹⁹⁵ Гиперид (390–322 до н. э.) – один из известнейших афинских ораторов. Гиперид защищал гетеру Мнесарету, более известную под именем Фрины и служившую, в частности, натурщицей Праксителю для его статуи Афродиты.

¹⁹⁶ *Лаис* – имя нескольких знаменитых куртизанок, самая известная из которых жила в Коринфе (вторая пол. IV в. до н. э.) и пользовалась благосклонностью знаменитейших государственных мужей и художников Греции.

¹⁹⁷ *Аспазия* (или Аспасия) из Милета – одна из выдающихся женщин античности, вторая жена знаменитого афинского государственного деятеля Перикла (ок. 495–429 до н. э.), которую, однако, современники часто изображали в комедиях как гетеру (поскольку она не имела афинского гражданства и ее брак с Периклом считался не вполне законным).

¹⁹⁸ *Сократ* (470/469–399 до н. э.) – древнегреческий философ; один из родоначальников диалектики; почитался в древности как идеал мудреца; был обвинен в «поклонении новым божествам» и «развращении молодежи»; приговоренный к смерти, он выпил яд цикуты.

¹⁹⁹ *Алкивиад* (ок. 450–404 до н. э.) – полководец, дипломат и политический деятель Древних Афин; отличался необычайной красотой, крайней аморальностью и политической беспринципностью; в юности его воспитанием некоторое время занимался Сократ.

²⁰⁰ *Самосская война* – имеется в виду подавленное Периклом восстание жителей острова Самос (441–439 до н. э.), добивавшихся независимости от Афин.

²⁰¹ *Мегара* – торговый город в Средней Греции, купцам которого афинское собрание в 432 г. до н. э. запретило торговать в Афинах и остальных городах Афинского союза, что явилось одним из поводов Пелопоннесской войны – серии войн за господство в Греции между Афинами и Спартой (431–404 до н. э.).

это не будет истинным, реальным присутствием одного в жизни другого или, как выражается Церковь на своем символическом языке, разве это не родство душ? В пяти сотнях лье, в тысяче лье друг от друга мы, может быть, будем ближе, чем иные пары, которые никогда не расстаются.

– Ромни, да вы просто философ, проповедник платонической любви²⁰².

– Древние говорили: «Кто умирает молодым, тот любим богами». Что ж, мне всегда казалось, что самая прельстительная страсть – та, которой не дано было состариться. Скошенная в полном расцвете, в воспоминаниях она сохраняет свое благоухание и в сравнении с другими, подверженными медленному увяданию, остается вечно юной и свежей, словно весенняя заря.

– Так, значит, Ромни, вы считаете, что... – Я не договорила.

– Я считаю, что вы последуете за своей судьбой, Эмма.

– Стало быть, вы верите, что в один прекрасный день я стану супругой английского пэра?

– Кем вы станете, я понятия не имею. Но если, уехав отсюда года на четыре, я по возвращении услышу, что вы стали королевой и правите тремя державами сразу, меня это не удивит. Я не был бы Ромни, то есть первым художником Англии, если бы не верил во всемогущество красоты.

– Ох, Ромни, как странно: то, что вы сейчас сказали, мне часто повторяет внутренний голос. В этом почти страшно признаваться, Ромни, но я верю в свою судьбу.

– Что ж, доверьтесь ей. К тому же если здесь действительно замешана воля Провидения, сопротивление было бы греховно.

Вечером я получила письмо от лорда Гринвилла, однако, следуя своему обещанию, не распечатала его. Но он, объятый любовным жаром, не имел терпения ждать и пришел в тот же вечер.

Я показала ему нераспечатанное письмо.

А Ромни был с ним так же приветлив, как обычно, и быть может, даже еще приветливей.

– В котором часу мне ждать вашего ответа? – спросил сэр Чарлз.

– Завтра до полудня.

– Дай Бог, чтобы он был таким, какого жаждет мое сердце! – сказал лорд Гринвилл.

Утром я распечатала письмо. Там содержалось следующее:

«Клянусь честью, что по достижении мною совершеннолетия сделаю мисс Эмму Лайонну своей супругой; если я не сдержу своего обещания, согласен, чтобы все считали меня недостойным называться джентльменом.

Лорд Гринвилл.

1 мая 1783 года».

Я показала письмо Ромни.

– Можете не сомневаться ни минуты, – сказал он. – В этих четырех строчках ваше будущее. Если же сэр Чарлз не сдержит слова, не кто иной, как я, займусь тем, чтобы его бесчестие было полным.

– В таком случае возьмите это письмо, – сказала я. – В ваших руках оно сохранится лучше, чем в моих.

– С этой минуты, дорогая Эмма, – сказал Ромни, пряча письмо в шкатулку, где он держал свои самые ценные вещи, – вы моя сестра, а я ваш брат. Если меня постигнет какое-

²⁰² То есть любви чисто духовной.

нибудь несчастье, я позабочусь, чтобы это письмо было вам передано; впрочем, вы сможете в любой момент потребовать его, ведь оно адресовано вам.

Я прошла в свою комнату, взяла перо и написала сэру Чарлзу Гринвиллу:

*«Возьмите у себя в министерстве недельный отпуск и сегодня вечером приезжайте за мной в экипаже; потом везите меня куда пожелаете.
Эмма Лайонна».*

Спустя час я получила такую записку:

«Я приеду и буду в Вашем распоряжении. Но в Вашей записке кое-чего не хватает: после слов „Эмма Лайонна“ следовало прибавить: „Леди Гринвилл“.

*Тот, кого Вы сделали счастливейшим из смертных.
Ч. Г.»*

Вечером карета, запряженная четверкой лошадей, увозила нас по эдинбургской дороге, в то время как Ромни оповещал моих друзей, что через два с половиной года они увидят меня снова, но уже как носительницу титула и имени леди Гринвилл.

XXVI

Мне кажется, я достаточно дала понять, какое чувство если не привязало меня к сэру Чарлзу, то соединило меня с ним.

Прежде всего это убеждение в том, что он действительно любит меня, уверенность в его порядочности, наконец, и, быть может, прежде всего остального, – та гордыня, что влекла меня к почестям, блеску, богатству столь же неотвратимо, как ночного мотылька притягивает пламя, готовое его пожрать.

Сэр Чарлз владел в Шотландии небольшим замком, родовым достоянием своей матери; замок располагался на берегу залива Форт²⁰³, между Масселборо²⁰⁴ и Престонпенсом, в восьми льё от Эдинбурга²⁰⁵. Мы остановились именно там.

От мистера Фокса – кому он, вероятно, поостерегся открыть истинные свои намерения – сэр Чарлз добился не недельного, а месячного отпуска.

Связь наша продлилась более трех лет и оказала решающее влияние на всю мою дальнейшую жизнь, однако если бы я стала говорить о том, какие чувства я испытывала тогда, мне почти не о чем было бы рассказать.

В силу данных обещаний – нарушить их сэр Чарлз почитал для себя невозможным – он смотрел на меня как на свою жену и относился ко мне соответственно. Я тоже, видя в нем будущего супруга, обращалась с ним так, как если бы он им уже стал.

Никогда не забывая, каково было мое положение, когда он встретился со мной, и еще больше – что за несчастья случились со мной до этого, я полностью отдавала себе отчет, какую жертву он принес, обязавшись жениться на мне; вот почему более всего я хотела сделать его счастливым, чтобы за те два с половиной года, которые должны были предшествовать нашему законному бракосочетанию, он ни секунды не раскаивался в данной клятве.

В замке сэра Чарлза мы провели не больше времени, чем это было необходимо, чтобы отдохнуть от долгого путешествия; мы решили потом отправиться путешествовать по Шотландии.

Будь я даже принцессой королевской крови, вряд ли сэр Чарлз смог бы выказать больше предупредительности, нежели я видела от него за то время. Мое путешествие превратилось в курс лекций по истории; во время него я узнала множество легенд об Уоллесе²⁰⁶, о Роберте Брюсе²⁰⁷, Монтрозе²⁰⁸ и Карле Эдуарде²⁰⁹, осмотрела комнату, где был убит Риччо²¹⁰, и замок, послуживший тюрьмой для Марии Стюарт²¹¹.

²⁰³ Имеется в виду Ферт-оф-Форт – глубокий залив Северного моря на восточном побережье Шотландии; на его южном берегу находится столица Шотландии – Эдинбург.

²⁰⁴ *Масселборо* – город на берегу залива Ферт-оф-Форт, несколько восточнее Эдинбурга.

²⁰⁵ *Престонпенс* – городок на берегу залива Ферт-оф-Форт, в 3 км к востоку от Масселборо.

²⁰⁶ *Уоллес, Уильям* (ок. 1272–1305) – национальный герой Шотландии, боровшийся за независимость ее от Англии; возглавил вспыхнувшее в стране в 1297 г. восстание крестьян, горожан и части феодалов против английских наместников и проанглийских баронов.

²⁰⁷ *Роберт I Брюс* (1274–1329) – шотландский король с 1306 г., национальный герой шотландского народа в борьбе за независимость; 24 июня 1314 г. в битве у реки Баннокберн разбил войско короля Англии Эдуарда II. Англия признала Роберта *Брюса* королем Шотландии в 1328 г. Брюсы – нормандский род, который пришел в Англию вместе с Вильгельмом I Завоевателем и получил от него огромные владения в Шотландии.

²⁰⁸ *Монтроз, Джеймс Грехем, маркиз* (1612–1650) – сподвижник английского короля *Карла I*; казнен за выступление на его стороне против войск Кромвеля. *Карл I Стюарт* (1600–1649) – английский король с 1625 г., казненный во время Английской революции по приговору специально созданного Верховного судебного трибунала.

²⁰⁹ *Карл Эдуард* (прозванный Претендентом; 1720–1788) – сын короля *Якова II Стюарта*; боролся за английский престол; в 1745 г. возглавил восстание своих сторонников, но в 1746 г. был разбит в битве под Каллоденом (в Шотландии) и эмигрировал. *Яков II Стюарт* (1633–1701) – английский король (1685–1688); стремился к восстановлению в Англии абсолютизма и католичества; в декабре 1688 г. был свергнут с престола своими противниками в результате государственного

Месяц прошел очень быстро, и мы возвратились в Лондон. В наше отсутствие домоправитель сэра Чарлза снял для нас дом, выходящий фасадом на Грин-парк; у меня и сэра Чарлза были там отдельные апартаменты. Жалованье сэра Чарлза и его личные доходы составляли примерно две тысячи фунтов в год; их не хватало для той жизни, которую он вел. Однако министр – при условии, что ему самому не придется покинуть свой пост, – обещал молодому человеку найти возможность увеличить его жалованье.

Поэтому мой будущий супруг написал лорду Гамильтону, что, будучи обязан своим личным преуспеянием успехам Фокса, он останется в Лондоне, пока его друг сохранит свой пост; кроме того, он сообщил о полученных обещаниях и просил дядюшку со своей стороны приложить некоторые усилия, чтобы эти обещания сбылись.

В ответ сэр Уильям Гамильтон прислал ему чек в тысячу фунтов стерлингов на своего лондонского банкира.

С тонкой предупредительностью лорд Гринвилл осведомился у меня, не желаю ли я взять несколько уроков по необходимым или весьма приятным предметам, чтобы дополнить мое образование; я тотчас поняла, что круг познаний, вполне достаточный для Эммы Лайонны, искательницы приключений и удовольствий, слишком узок для леди Гринвилл, а потому попросила сэра Чарлза лично составить мне план моего обучения. С того дня у меня появились учителя французского, итальянского, я стала брать уроки пения, танца и рисования.

Я уже упоминала, что природа наделила меня чрезвычайной восприимчивостью к знаниям и цепкой памятью. Потому, занимаясь по стольким предметам одновременно, я умудрялась делать быстрые успехи в каждом из них. Голос и слух у меня оказались превосходными, можно было подумать, что музыка была тем искусством, которым я некогда владела, но немного забыла, и теперь мне осталось только кое-что припомнить. И итальянский язык я выучила, так сказать, не разговаривая, а напевая.

Что касается французского, я так горячо взялась за его изучение, что все свободное от иных занятий время меня можно было увидеть не иначе как с книгой прозы или стихов, написанных на языке Расина²¹² и Вольтера²¹³.

Все это совершенно изменило мою жизнь: тысячи мелких удовольствий, расцветивающих существование хорошенькой женщины, уступили места занятиям весьма серьезной особы, более похожей, скажем, на какую-нибудь мать семейства. А через десять месяцев появление малютки-дочери придало нашему союзу полную видимость настоящего супружества.

Однако за два месяца до этого наше благополучие оказалось под серьезной угрозой.

То, что предвидел сэр Уильям Гамильтон, свершилось. Свергнув министерство²¹⁴ Питта²¹⁵, Чарлз Фокс в 1782 году получил портфель министра иностранных дел и тотчас

переворота, т. н. «Славной революции», и бежал во Францию.

²¹⁰ *Риччо, Давид* – итальянский музыкант; секретарь и возлюбленный Марии Стюарт; заколот на ее глазах в 1566 г.

²¹¹ *Мария Стюарт* (1542–1587) – королева Шотландии (1542–1567) и Франции (1559–1560); известна своей трагической судьбой: католичка, свергнутая с престола восставшими протестантскими лордами, она бежала в Англию, где как претендентка на английский престол была арестована и после многолетнего заключения казнена. Существует несколько замков, где Мария Стюарт пребывала в заточении, но здесь, вероятно, имеется в виду ее собственный замок Холируд, где она и Риччо были застигнуты с поличным ее супругом с 1565 г. Дарнлеем, лордом Генри Стюартом (1545–1567), который приказал убить Риччо и превратил апартаменты жены в место ее заключения, откуда она вскоре бежала; однако это может быть и замок Лохливен, где она в 1567 г. подписала отречение от шотландского престола.

²¹² *Расин, Жан* (1639–1699) – французский поэт и драматург; автор пьес на библейские и исторические сюжеты.

²¹³ *Вольтер* (настоящее имя – Мари Франсуа Аруэ; 1694–1778) – французский писатель и философ-просветитель; сыграл огромную роль в идейной подготовке Великой французской революции.

²¹⁴ Здесь описан эпизод политической борьбы между двумя ведущими в то время политическими партиями Англии: вигами и тори.

²¹⁵ *Питт, Уильям Младший* (1759–1806) – премьер-министр Великобритании в 1783–1801 и 1804–1806 гг., один из

заклучил мир с Америкой и Францией²¹⁶. После этого Фоксу показалось, что дипломатический триумф дает ему неограниченные возможности, а потому, получив сведения о лихоимствах, чинимых Ост-Индской компанией²¹⁷, он открыто объявил о них с парламентской трибуны и потребовал расследования, однако, проиграв в Верхней палате²¹⁸ оказался вынужденным сложить с себя министерские полномочия и вернуться в ряды оппозиции.

Для нас его отставка означала потерю сэром Чарлзом своего места. А его ежегодные доходы составляли от двухсот пятидесяти до трехсот фунтов стерлингов.

Как обычно, он воззвал к своему дядюшке, заверяя того, что через самое малое время Чарлз Фокс не преминет возвратиться в министерство, а если это произойдет, его положение окажется как никогда прочным и сулит заманчивые виды на будущее, ибо за преданность и дружбу ему непременно воздастся.

Сэр Уильям Гамильтон откликнулся присылкой нового чека в тысячу фунтов на своего лондонского банкира.

С этой суммой, если к ней прибавить собственные доходы сэра Чарлза и ренту с восьми или десяти тысяч фунтов, принадлежавших мне самой, мы могли бы жить довольно скромно в ожидании лучших дней – именно к этому я, насколько у меня хватало сил, подталкивала сэра Чарлза. Однако из-за того ли, что он страстно верил в скорое возвращение к власти мистера Фокса, или же потому, что его привычная расточительность не внимала доводам здравого смысла, мы продолжали жить по-прежнему.

Вследствие этого случилось так, что вскоре мы оказались без всяких средств.

В этих обстоятельствах мне оставалось только одно: предоставить мое маленькое достояние в распоряжение того, чье имя я вскоре собиралась носить.

Я так и сделала.

Прошло полтора года, и эти деньги тоже истощились.

В третий раз сэр Чарлз написал своему дядюшке, но теперь он получил лишь отказ, впрочем, с предложением приехать в Неаполь на тех же условиях, что были оговорены ранее.

Однако подобный отъезд неминуемо превратился бы в нашу вечную разлуку; сэр Чарлз не допускал и мысли последовать дядюшкиному приглашению.

А наше семейство увеличилось: детей стало двое, и это лишь усугубило наши трудности.

Конечно, через три месяца сэр Чарлз должен был достигнуть совершеннолетия, а я была уверена: в тот самый день, как это произойдет, я стану леди Гринвилл; но что это должно было дать? Некоторые перемены в нашем положении, но никаких – в состоянии денежных дел.

Между тем наша нужда мало-помалу перерастала в настоящую нищету.

Не могу, да и вряд ли сумею хорошенько описать все каждодневные случаи, когда наша гордыня, наши привычки и природные склонности вступали в схватку с необходимостью:

главных организаторов коалиции европейских государств против революционной, а затем и наполеоновской Франции.

²¹⁶ Фокс, Чарлз Джеймс (1749–1806) – входил в радикальное крыло вигов и выступал против войны с североамериканскими колониями и революционной Францией.

²¹⁷ Имеется в виду Ост-Индская компания (1600–1858) английских купцов, торговавшая с Ост-Индией (куда входила территория современной Индии и некоторых стран Южной и Юго-Восточной Азии); имела собственную армию и аппарат колониального управления. Огромные средства, получаемые Компанией, давали ей возможность вмешиваться в политическую жизнь самой Англии, подкупать людей в правительственных кругах и депутатов, которые прикрывали преступления, творимые в Индии чиновниками Компании; кроме того, ее монопольные права затрудняли английскую торговлю с колониями. В связи с этим назрел вопрос о реорганизации управления Индией. В 1784 г. Фокс внес в палату общин законопроект, по которому Ост-Индская компания ставилась под контроль парламента в лице семи выбранных им комиссаров; кандидатуры служащих в Индии должны были утверждаться парламентской комиссией. Билль Фокса прошел палату общин, но был отклонен палатой лордов, что привело к падению кабинета министров и отставке Фокса.

²¹⁸ Английский парламент состоит из двух палат: Верхней (палаты лордов) и Нижней (палаты общин).

один раз я уже вкратце обрисовала такое падение, но множить подобные описания... на это у меня не хватило бы смелости и сил.

Я не могла не испытывать благодарности к сэру Чарлзу, переносившему все эти страдания из любви ко мне, но его печаль, его муки, его отчаяние не могли укрыться от меня. Мне удалось победить его сопротивление, и он послал четвертое письмо дяде.

Ответ лорда Гамильтона поразил нас как удар молнии.

Он сообщал нам, что навел справки о положении, в каком оказался сэр Чарлз, и разузнал, что причиной его бедственного положения явилась любовь к куртизанке, недостойной такого чувства; далее он объявлял о своем скором приезде в Лондон, где намеревался сам составить свое суждение и действовать так, как подскажет ему увиденное.

При всем том в письме был еще постскрипту: сэру Чарлзу сообщалось, что, если ему придет добрая мысль последовать ранее сделанным предложениям, для этого достаточно сейчас же отправиться в Неаполь, оставив недостойную его даму в Лондоне, а милосердный родственник уж позаботится о том, чтобы она не умерла с голоду.

В похвалу сэру Чарлзу я должна сказать, что последнее письмо его скорее раздражило, чем расстроило, и он не стал даже писать ответ.

Однако благородные чувства ничего не могли изменить в нашем положении. После того как мы ограничили себя во всем, что посчитали излишеством, нам уже приходилось отказывать себе и в необходимом. Мы продали последние драгоценности, более года не платили за дом, нам предъявили иск, и достаточно было окончательного решения суда, чтобы выкинуть нас вместе с детьми на улицу.

Мы были доведены до той крайности, когда уже начинаешь желать новых несчастий, поскольку никакая самая страшная катастрофа казалась неспособной ухудшить нашу жизнь.

Вдруг нам стало известно, что сэр Уильям Гамильтон уже неделю как пребывает в Лондоне, в своем особняке на Флит-стрит²¹⁹.

Нас никто не предупредил о его прибытии. Вне всякого сомнения, сэр Уильям использовал это время, чтобы побольше разузнать о нас; в любом случае над нашими головами сгустились грозные тучи.

Узнав эту новость, сэр Чарлз принял внезапное решение.

– Моя дорогая Эмма, – сказал он мне, – ничто, кроме расставания, не способно сделать нас более несчастными. Так вот: наша судьба в ваших руках.

Я поглядела на него с недоумением. Он же продолжал:

– Послушайте, я знаю своего дядю – это археолог, влюбленный во все, что обладает пластической красотой; свою жизнь он проводит среди прекраснейших мраморных изваяний Древней Греции, между тем мне неизвестна статуя, будь то создание самого Праксителя²²⁰ или Лисиппа²²¹, которая сравнялась бы с вами в совершенстве. Ступайте к моему дяде, бросьтесь ему в ноги, умоляйте – и наше дело будет выиграно!

Я с удивлением посмотрела на моего будущего супруга, совершенно сбитая с толку подобным предложением.

– Как? – воскликнула я. – Он предубежден против меня, а вы желаете, чтобы именно я испытала на себе его гнев?

– Его раздражение против вас, милая моя Эмма, объясняется только тем, что он не понимает, почему я в вас влюблен, а этого он никогда не поймет, если сам не увидит вас. Но

²¹⁹ *Флит-стрит* – находится в районе Сити; продолжает Стренд к востоку; на этой улице с нач. XVIII в. располагались издательства крупнейших газет.

²²⁰ *Пракситель* (ок. 390 – ок. 330 до н. э.) – древнегреческий скульптор; работал главным образом в Афинах. Мраморная статуя «Венеры Книдской», как и другие его произведения, отличает чувственная красота и одухотворенность.

²²¹ *Лисипп* (вторая пол. IV в. до н. э.) – древнегреческий скульптор, придворный художник Александра Македонского.

стоит ему хоть раз вас увидеть, испытать на себе неотразимое очарование вашего голоса, увидеть слезы в ваших умоляющих глазах, и он поймет все и простит нас.

Я лишь покачала головой: подобный шаг вызывал во мне глубочайшее отвращение.

– Тогда, – вздохнул он, – нам остается только покориться неизбежному, ибо я уверен, что мне нечего ожидать от визита к дяде: он ждет его, заранее приготовился и, так сказать, вооружился, простив меня, в то время как вас...

Но я прервала его:

– Послушайте, сэр Чарлз, мне неприятно, если в вашем уме, но главное – в вашем сердце могла зародиться мысль, что ради вас, ради того, чтобы отплатить вам за вашу преданность, я неспособна согласиться на любой, пусть самый оскорбительный для меня самой шаг. Дайте мне только срок до завтра, чтобы я смогла подготовиться к такому визиту, и я отправлюсь туда!

– Вы вольны, Эмма, поступать как считаете нужным, – отвечал он. – Но поверьте, время дорого, и потерять даже лишнюю минуту было бы величайшей неосторожностью. Не сегодня завтра лорд Гамильтон может опередить нас, а для успеха предприятия надо, чтобы первенство здесь осталось за нами. Наденьте самое скромное платье: вы никогда не бываете так хороши, как в минуты естественной простоты. Наденьте его и отправляйтесь на Флит-стрит; все знают, где находится особняк лорда Гамильтона, смело входите, говорите то, что вам подскажет сердце, – и от вашего имени, и от моего, и от имени наших детей... Господь довершит остальное!

В словах сэра Чарлза звучала такая убежденность, что я сама чувствовала, как поддаюсь его доводам. Когда я просила отсрочки на день, я поступала как осужденный на смерть, умоляющий отложить казнь; я старалась оттянуть решающий миг, но, коль скоро решение уже было принято, медлить значило лишь продлевать мучения.

С твердостью, которую способна придать только решимость отчаяния, я направилась в свою комнату, надела самое простое платье, подвязала волосы, которые никогда не пудрила, простенькой лентой, коротенькая накидка и широкополая соломенная шляпка довершили мой туалет. Прюдалав все это довольно быстро, я снова предстала перед сэром Чарлзом.

При звуке шагов он поднял голову – и у него невольно вырвался восхищенный взглас:

– Ах, вы никогда не были так прекрасны, дорогая Эмма! Воистину, мы спасены!

XXVII

Решившись быть смиренной до конца, я не стала нанимать карету, а отправилась на Флит-стрит пешком через Пэлл-Мэлл и Стренд²²².

Сэр Чарлз не ошибался: мне стоило лишь спросить, где дом сэра Уильяма Гамильтона, и мне тотчас его показали.

На пороге особняка я почувствовала, что мои колени слабеют, и прислонилась к стене, стараясь собраться с силами.

Его милость был у себя.

Лакей, встретивший меня у входа, осведомился, кто я, чтобы доложить своему господину о моем приходе. Но я боялась, что при одном этом имени двери передо мной закроются, и потому отвечала так:

– Просто скажите сэру Уильяму, что молодая дама просит принять ее.

Хотя мне шел уже двадцать пятый год, я выглядела такой юной, что лакей, не желая признать меня молодой дамой, возвестил о приходе какой-то девушки. Потом до меня донесся голос сэра Уильяма:

– Просите.

Я прижала руку к сердцу, стараясь унять его мучительное биение и чувствуя, что мне не хватает воздуха.

Лакей возвратился, распахнул дверь и пригласил меня войти.

Сэр Уильям сидел за столом, правя корректуру своего труда под названием «Заметки о Везувии».

Я остановилась в дверях, ожидая, когда он поднимет голову.

Заметив меня, он на мгновение замер в неподвижности, глядя мне в лицо, потом поднялся и сделал шаг навстречу.

– Что вам угодно, прелестное дитя? – спросил он.

Голос изменил мне, я смогла только шагнуть к нему и, почти лишаясь чувств, упала на ковер.

Видя мою бледность и то, как меня колотит дрожь, он позвонил, призывая на помощь. Вошел лакей.

– Ей плохо! – закричал сэр Уильям. – Вы же видите, ей совсем плохо! Идите сюда, помогите мне!

Вдвоем они перенесли меня на канапе. При этом моя шляпа упала, и из-под нее хлынула волна волос.

Если бы я подстроила это нарочно из кокетства, и тогда не могло бы получиться лучше: у меня были несравненные волосы.

– Соль! Принесите нюхательную соль! – приказал сэр Уильям.

Лакей принес флакон, и лорд, присев возле меня и прислонив мою голову к своему плечу, поднес его к моему лицу.

Я открыла глаза, которые до последней минуты оставляла закрытыми не столько от слабости, сколько от страха.

– Ах, милорд, вы так добры! – прошептала я и соскользнула к его ногам.

Он смотрел на меня с возрастающим изумлением.

– Должно быть, мисс, вы собираетесь просить меня о чем-то неисполнимом, – сказал он, – если вы настолько сомневаетесь в моем согласии.

²²² Пэлл-Мэлл – старинная улица в центре Лондона (впервые отмечена на карте в 1658 г.); расположена к западу от Стренда, в направлении к Грин-парку; своим названием обязана старинной игре, напоминающей крокет.

Я закрыла лицо руками и разрыдалась.

– О милорд, милорд, – проговорила я, не поднимая головы, – если бы вы только знали, кто перед вами!

– Так кто же вы?

– Та, что ненавистна вам более, чем кто-либо другой в этом мире, милорд.

– Я ни к кому не питаю ненависти, мисс, – возразил сэр Уильям.

– В таком случае я та, кого вы считаете самой презренной.

Он положил руку мне на голову и приподнял ее.

– Эмма Лайонна, – пробормотала я.

– Но это невозможно! – воскликнул он, отшатываясь. – Невозможно!

– Почему же, милорд?

– Немыслимо, чтобы это лицо было лицо падшей женщины!

– Ваш племянник, человек со столь благородным сердцем, никогда не сделал бы своей избранницей падшую женщину.

– Но как быть со всем тем, что я слышал о вас? Правда это или сплошные хитросплетения лжи?

– А что именно говорили вашей милости? Я готова со всей искренностью ответить на любые вопросы. Для того, кто оказался в моем положении, искренность – первейшая из добродетелей.

– Мне говорили, что ваша мать была служанкой на ферме, а вы сами пасли овец...

– Это правда, милорд.

– Потом вы стали прислугой в маленьком провинциальном городке...

– И это правда.

– Еще я слышал, что, приехав в Лондон, вы нашли приют в доме одного славного доктора, мистера Хоардена, который устроил вас на работу в ювелирный магазин, но ваши дурные наклонности вскоре побудили вас отказаться от этой скромной судьбы.

– Это также правда.

– Но дальше, конечно, начинается клевета: мне говорили, будто вы сделались любовницей сэра Джона Пейна, потом сэра Гарри Фезерсона...

Ни слова не говоря, я кивнула, признаваясь в истинности всего, что было им сказано.

– Потом вы продолжали опускаться все ниже: стали сообщницей шарлатана Грехема, любовницей Ромни и, наконец, сошлись с моим племянником, которому, как меня уверяли, вы согласились уступить только с условием, что он женится на вас, притом вынудили подписать брачное обещание и таким образом держите моего племянника теперь в рабстве наперекор его воле.

– Я прошу вашу милость дать мне десять минут, чтобы оправдаться, – отвечала я.

И поднявшись, бросилась вон из комнаты.

– Куда вы? – закричал сэр Уильям. – Подождите!

– Я вернусь, милорд.

Как на крыльях, я сбежала по лестнице и, вскочив в проходивший мимо фиакр, крикнула:

– На Кавендиш-сквер!

Пять минут спустя я уже вбегала к Ромни. Мне посчастливилось: он был дома.

– Брачное обещание лорда Гринвилла! – закричала я. – Дорогой Ромни, отдайте мне его!

– Да что с вами такое, милая Эмма? Вы вне себя.

– Не важно... Это обещание, оно мне нужно... Умоляю, скорее! Скорее!

Ромни бросился к шкафу, открыл уже известный мне ящичек и достал бумагу, подписанную лордом Гринвиллом.

– Возьмите, – сказал он. – Но может быть, вы все же посоветуетесь со мной, прежде чем что-то предпринимать?

– В том, что касается столь тонких материй, милый Ромни, советоваться можно только с собственной совестью. Благодарю вас.

Выбежав из комнаты, я поспешила к фиакру и велела отвезти меня на Флит-стрит. Поднявшись по лестнице с той же быстротой, с какою только что спустилась, я увидела сэра Уильяма; в раздумье он прохаживался по комнате большими шагами.

Не давая лорду времени на расспросы, я протянула ему брачное обещание сэра Чарлза.

– Что это такое? – спросил он.

– Пусть ваша милость соизволит прочесть.

И сэр Уильям прочел:

«Клянусь честью, что по достижении мною совершеннолетия сделаю мисс Эмму Лайонну своей супругой; если я не сдержу своего обещания, согласен, чтобы все считали меня недостойным называться джентльменом.

Лорд Гринвилл.

1 мая 1783 года».

– Ну и что же? – сказал он. – Я и так знал, что это обещание существует.

– Вы ошибаетесь, милорд, – возразила я, – его больше нет.

И, подойдя к камину, я бросила бумагу в огонь, который тотчас пожрал ее.

– Что вы сделали? – спросил сэр Уильям.

– Ничто больше не связывает вашего племянника, милорд, – отвечала я. – Он свободен, теперь вам остается только убедить его меня покинуть.

И не сказав более ни слова, я вышла из комнаты, не оглянувшись, хотя он звал меня, и отправилась домой. Сэр Чарлз ждал меня в крайней тревоге.

– Ну скажите же, – спросил он, как только я вошла с разгоревшимся от быстрой ходьбы и перенесенных волнений лицом, – что там произошло?

Я во всех подробностях описала ему свою встречу с его дядюшкой.

– Стало быть, вы сожгли мое брачное обещание?

– Да, сэр Чарлз, теперь вы свободны.

– Это только значит, дорогая Эмма, что мой долг перед вами, прежде записанный, стал по отношению к вам долгом чести. Вот и вся разница.

– Послушайте, сэр Чарлз, – сказала я, – здесь есть над чем поразмыслить. Сейчас наступил самый решающий миг, от него зависит ваша судьба. Если сейчас вы расстанетесь со мной, не только свет одобрит вас, но будущность ваша тотчас окажется обеспечена, вы вступите во владение своим состоянием, тогда как, напротив, если вы станете упорствовать и не покинете меня, общество вас осудит, а дядюшка лишит наследства. Если исходить из денежных соображений, вы никак не можете со мной остаться, я же в материальном отношении могу без вас обойтись. Разбогатев, вы вернете мне десять тысяч фунтов, которые мы растратили вместе, и сможете добиться от дядюшки, чтобы он обеспечил наших детей, таким образом, мы все сможем жить в достатке. Если же вы останетесь бедняком, мои дети и я тоже будем бедны, и неизбежно наступит день, когда вы раскаетесь в своем самопожертвовании, а наши дети станут меня упрекать, что по моей вине они остались ни с чем.

– Довольно, Эмма, довольно! – вскричал сэр Чарлз, прижимая меня к себе, словно боялся, что меня вырвут из его объятий. – Пусть будет все что Господу угодно, но никакая человеческая власть не в силах разлучить нас!

Вдруг он вскрикнул. Я оставила дверь открытой, и его дядюшка, который вошел не замеченный нами, запретив слуге объявить о своем визите, стоял на пороге. Итак, он слышал все только что сказанное между нами.

– Дядюшка! – воскликнул сэр Чарлз, отступая в смущении.

Я же обратилась к лорду Гамильтону:

– Как видите, милорд, я сделала все, что от меня зависело. Не моя вина, если я не преуспела.

– Оставьте-ка меня наедине с этой молодой женщиной, сударь, – сказал сэр Уильям сэру Чарлзу.

Сэр Чарлз отвесил почтительный поклон и удалился.

Сэр Уильям Гамильтон подошел ко мне и протянул руку:

– Я вами доволен, мисс, и надеюсь, что вы будете и далее проявлять настойчивость в своих попытках вразумить его.

– Прошу прощения, милорд, – возразила я, – но, как видите, я не нуждаюсь в том, чтобы вы поддерживали меня вашими советами. Надеюсь, что мне хватит советов моей собственной совести.

– Отлично! Но, как вы только что говорили этому молодому безумцу, у вас ведь есть дети.

– Это другое дело, и мой материнский долг напомнить, что они нуждаются в вашем внимании.

– Насколько я понял, мой племянник задолжал вам десять тысяч фунтов стерлингов.

– Возможно, милорд, но это касается только его и меня.

– Если мой племянник согласится покинуть вас, я готов утроить эту сумму.

– Я не отдаю в рост ни мои деньги, ни мою любовь.

– Но что вы будете делать с двумя или тремя сотнями фунтов ренты?

– Попробую использовать мои таланты.

– Будете давать уроки?

– Почему бы и нет?

– Уроки чего?

– Французского или итальянского языка.

– Вы говорите по-французски и по-итальянски?

– Да.

Тогда сэр Уильям обратился ко мне со словами сначала на одном, потом на другом из названных языков. Я отвечала достаточно правильно, так как он, видимо, был удовлетворен.

– Вы еще и музыкантша, не так ли? Я вижу здесь фортепьяно и арфу.

– Да, я играю на этих инструментах.

– Вы не сочтете нескромным, если я попрошу вас что-нибудь сыграть?

– Вы вправе приказывать, милорд.

– А если, вместо того чтобы приказывать, я попрошу вас об этом?

– В таком случае вы, может быть, будете снисходительны, если я вам спою одну вещь, очень близкую моему нынешнему душевному состоянию.

– Пойте что вам угодно; каков бы ни был ваш выбор, я послушаю с удовольствием.

Должна признаться, что в ту минуту я уже была не совсем чужда ухищрений кокетства. Поскольку я не могла угадать побуждений, заставивших сэра Уильяма задавать мне все эти вопросы, то не увидела в них ничего, кроме бесчувственности и эгоизма, и была возмущена жестокостью обращенной ко мне просьбы – не мог же он не понимать, каково мне петь, находясь в подобной ситуации! И уж если нельзя было отказаться, я хотела, по крайней мере, извлечь из этой своей вынужденной покорности как можно больше пользы для нашей любви.

Призвав на помощь всю ту редкостную мимическую выразительность, какой одарила меня природа, я присела перед арфой, прислонившись к ней лбом, мои распущенные волосы разметались по плечам, пальцы, пробежав по струнам, извлекли из них несколько скорбных аккордов, и я, словно Дездемона, поникнув под бременем безутешной тоски, запела душе-раздирающую балладу об иве:

Несчастливая крошка в слезах под кустом
Сидела одна у обрыва.
Затянемте ивушку, иву споем,
Ох, ива, зеленая ива²²³.

На званных вечерах у сэра Гарри и у Ромни мне не однажды случалось исполнять эту балладу, полную поэтической жалобы, и всегда она имела громадный успех, но на этот раз я пела как никогда выразительно, ведь и моя душа была истерзана печалью.

Сделав паузу между первым и вторым куплетом, я прислушалась, но не уловила даже дыхания сэра Уильяма: вся его душа была прикована к словам моей песни.

Я продолжала:

У ног сиротинки плескался ручей.
Ох, ива, зеленая ива.
И камни смягчались от жалости к ней.

Тут я остановилась, как бы давая понять, что сэр Уильям уже получил достаточное доказательство моих способностей к мимической игре, пению и музицированию. Но он взмолился:

– О, заклинаю вас, продолжайте!

И я вновь запела:

Обиды его помяну я добром.
Ох, ива, зеленая ива.
Сама виновата, терплю поделом.
Ох, ива, зеленая ива.
Не плачь, говорит он, не порть красоты.
Ох, ива, зеленая ива.
Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.
Ох, ива, зеленая ива.

И заставив струны арфы издать пронзительный жалобный вскрик, медленно угасший, словно последний вздох умирающей, я умолкла, взволнованная, тяжело дыша, обессиленно склонив голову к плечу, в ожидании нашего спасения или нашего осуждения.

– Сударыня, – произнес сэр Уильям, – теперь я понял, почему мой племянник обожает вас. Скажите ему, что я его прошу посетить меня завтра, нам есть о чем поговорить.

И он удалился, почтительно поклонившись мне.

Едва лишь дверь за ним закрылась, как сэр Чарлз (из спальни ему было и слышно, и видно все, что здесь происходило) вбежал в салон и, сжав меня в объятиях, с сияющими от радости глазами, вскричал:

– Ты спасешь нас, я был в этом уверен!

²²³ «Отелло», IV, 3. Перевод Б. Пастернака.

XXVIII

Можно понять, какие чувства оставил во мне этот день. Сэр Чарлз питал радужные надежды, а я почему-то не могла их разделять.

Мне казалось, что в этой моей мнимой победе над сэром Уильямом кроется что-то непонятное. В ответ на все, что мне говорил лорд Гринвилл, на все планы, которые он строил, я повторяла:

– Завтра посмотрим.

И вот завтра настало.

Сэр Уильям Гамильтон не назначил часа встречи, и сэр Чарлз собрался к нему в девять утра.

Я осталась дома. Время ожидания показалось мне столетием, хотя то был всего лишь час.

Когда он истек, сэр Чарлз возвратился. При одном взгляде на него я тотчас поняла, что ни одна из его надежд не исполнилась. Он был бледен и выглядел совершенно уничтоженным.

– Ну что? – спросила я, заранее трепеща.

– Неумолим! – отвечал он, вытаскивая из кармана какое-то письмо. – Он настаивает на нашем немедленном разрыве.

– Что я вам говорила?

– В случае нашего согласия, – продолжал сэр Чарлз, – он предлагает ренту в пятьсот фунтов стерлингов каждому из наших детей, причем в случае смерти одного из них его доля достанется другому; я буду продолжать получать тысячу пятьсот фунтов ренты, а вам будут возвращены десять тысяч, истраченные нами совместно.

– И что же вы ответили?

– Я отказался.

– Что это за письмо?

– Оно адресовано вам.

– От вашего дядюшки?

– От моего дядюшки.

– Так давайте прочитаем.

– Оно именно вам, и я дал слово, что вы прочтете его одна.

– Дайте его мне,

– Хотите, я вам что-то скажу? – продолжал сэр Чарлз, печально глядя на меня.

– Что именно?

– Мой дядя влюблен в вас.

Я содрогнулась.

– Вы с ума сошли, сэр Чарлз!

– Клянусь вам, что это так.

Моя голова склонилась на грудь.

Догадка, сверкнув как молния, озарила мое сознание.

Я вспомнила всю вчерашнюю сцену, вспомнила полные восхищения взгляды сэра Уильяма, его голос, исполненный нежности.

С письмом в руке я подошла к камину. Я собиралась бросить его в огонь.

Сэр Чарлз остановил меня.

– Эмма, – твердым голосом произнес он, – вчера вы подбадривали меня, убеждая быть мужчиной, а я противился вашим доводам, которые касались и интересов наших детей, и интересов, касающихся лично меня. Сегодня я говорю вам: Эмма, прочтите это письмо и

подумайте о тех предложениях, что в нем содержатся, ибо я уверен – там есть предложения. Настал час окончательного решения, и если вчера я считал себя вправе распоряжаться своей участью и судьбой моих детей, то сегодня я не могу выбирать за вас и стать препятствием на вашем пути к будущему счастью и благоденствию.

Я с изумлением смотрела на него, но, зная благородство Чарльза, ни на минуту не усомнилась в чистоте побуждений, заставивших его так говорить со мной.

– Я обещал моему дяде, – продолжал он, – что дам вам возможность, не чиня никаких препятствий, прочесть его письмо. Читайте же, милая Эмма, и если это ультиматум сэра Уильяма Гамильтона, а я уверен, что так оно и есть, предоставляю вам решить нашу судьбу.

Со слезами на глазах он обнял меня и удалился в спальню, оставив меня в салоне одну.

Я стояла, застыв в неподвижности; на лбу у меня выступил пот, я вся дрожала. Потом, зашатавшись, упала в кресло. Я понимала, что и в самом деле держу в руках судьбу всех нас. Распечатав письмо, я не сразу смогла прочесть его: туман застилал мне глаза. Мало-помалу буквы стали более различимыми, мой взгляд прояснился, и я прочла:

«Сударыня, со вчерашнего дня я много думал, думал со всем тем спокойствием и хладнокровием, какие только возможно сохранить, увидев Вас даже в мои лета.

Страсть моего племянника стала мне понятна: ее объясняют Ваши качества, Ваши достоинства, наконец, очарование Вашей натуры. Мне стало ясно, что Вы не просто любимы – Вы любимы вечной любовью.

Но в жизни есть роковые силы, против которых бороться бессмысленно: в столкновении с ними победить невозможно, можно лишь разбиться насмерть. Не далее как вчера мы с Вами оба имели перед глазами пример действия этих роковых сил: он содержится в Вашей истории, в признаниях, которые Вы мне сделали с такой искренностью.

Подумайте сами и скажите мне, возможно ли, чтобы в том самом городе, который видел Вас любовницей сначала сэра Джона Пейна, затем сэра Гарри Фезерсона, а также пособницей Грехема и натурщицей Ромни, Вы вдруг стали женой сэра Чарльза Гринвилла, рискуя на каждом шагу, который Вы сделаете на улицах Лондона, встретиться с памятью о прошлом, которого не сможешь никаким раскаянием, так что даже всемогущество Господне было бы не в силах избавить Вас от него.

Ваш брак с моим племянником, даже если допустить, что я бы на него согласился и позаботился о Вашем благосостоянии, сулит невзгоды и Вам, и Вашим детям.

Вам двадцать пять лет, – это Вы мне сказали, что таков Ваш возраст, ибо я сам не дал бы Вам больше восемнадцати, – итак, Вам двадцать пять, а моему племяннику только двадцать четыре, стало быть, он на год моложе Вас. Он еще только вступает в возраст страстей. Как бы Вы ни были прекрасны, соблазнительны, совершенны, не исключено, что настанет день, когда он к Вам охладет, и тогда Вы услышите из его уст слова сожаления о той жертве, которую, как ему покажется, он принес Вам.

Ныне, если Вы возьмете в мужья его, человека, лишённого средств и видов на будущее, это будет самопожертвованием с Вашей стороны, и я первый готов заявить об этом но в глазах света все-таки жертву принесет он.

Я же предлагаю Вам следующее: вместо того чтобы стать моей племянницей, будьте мне дочерью.

Бездетный вдовец, я одинок в этом мире; племянник, выросший вдали от меня, чужд моему сердцу; моя привязанность к нему – лишь отражение той любви, что я питал к его матери, моей сестре, непосредственно к нему у меня нет никаких чувств; да он и сам, не отдавая себе в том отчета, измеряет свое расположение ко мне лишь мерой того добра, что я могу для него сделать.

Если Вы согласитесь стать моей приемной дочерью, все непреодолимые преграды, мешающие Вам спокойно и счастливо жить в Англии, растают сами собой, как исчезает след судна, перешедшего из одного моря в другое. Я увезу Вас в Неаполь, где Вас никто не знает, не видел, где Вас не будут звать ни Эммой Лайонной, ни мисс Харт, где Вы не будете прежней любовницей Пейна и Фезерсона, сообщницей Грехема, натурщицей Ромни. Вы будете носить другое имя: Вы выберете его сами и станете моей названной дочерью, моей возлюбленной дочерью.

Не стану говорить Вам о моем богатстве. У меня семь-восемь тысяч фунтов стерлингов ренты, не считая жалованья посла, что составляет пять тысяч в год; я разделю это состояние на три части: одна достанется Вам, другая – моему племяннику, третья Вашим детям.

Но нет, я буду говорить Вам только о тех услугах, какие можете мне оказать Вы. Мне пятьдесят восемь лет; я нуждаюсь в заботе, в дружбе – за неимением любви; мне нужно, чтобы меня любили, как можно любить старика. Сколько мне еще осталось жить? Шесть, восемь, может быть, десять лет. Рассудите, как быстро протекут эти годы в Вашем возрасте; итак, в худшем случае проиграв ставку в десять лет, Вы окажетесь в итоге свободной, богатой тридцатипятилетней женщиной в полном расцвете сил и красоты, к тому же – позвольте мне прибавить эти слова, не вкладывая в них никакого язвительного намека, – женщиной, очистившейся ценой своей самоотверженной преданности.

Разрешите прибавить еще, что я живу в Неаполе, одном из прекраснейших городов мира, причем имею все основания рассчитывать, что проживу там до конца моих дней; что я друг короля и королевы; что я там окружен обществом, на которое Вы тотчас приобретете огромное влияние благодаря Вашей красоте, Вашим дарованиям, Вашей необычайности, наконец; что это общество состоит из выдающихся умов и талантов, аристократии всякого рода, будь то аристократия крови или духа; что Вы, рабыня прошлого, станете там царицей будущего.

Теперь я все сказал. Подумайте. Я жду Вашего ответа с большим нетерпением, чем влюбленный юноша: жду, как старый эгоист.

Впрочем, каким бы ни оказалось Ваше решение, оно ничего не изменит в чувствах, что я к Вам питаю, и среди них уважение занимает первое место.

Уильям Гамильтон».

Признаться, это письмо, такое простое, благородное и полное достоинства, глубоко тронуло меня. Мои руки безвольно повисли вдоль тела, я уронила голову на грудь и погрузилась в мечтательное раздумье.

Когда я подняла голову, передо мной стоял сэр Чарлз. По его меланхолической улыбке легко было понять, что он догадывался обо всем, что творилось в моей душе.

Я протянула ему письмо:

– Прочтите.

Но когда он опустил взгляд на исписанную страницу, я с живостью воскликнула:
– Нет! Только не при мне! Прочтите его один, так же как я его читала. Как бы то ни было, у вашего дяди благородное сердце.

Сэр Чарлз отправился в свою комнату, а я снова осталась одна в салоне.

Одна? О нет... Письмо сэра Уильяма населило его множеством незнакомых видений. Похоже, что рок, случай, судьба, Провидение в который раз готовились распорядиться мной, невзирая на мои собственные намерения, не оставляя мне возможности выбирать. Я не могла оспаривать правоту и разумность соображений сэра Уильяма Гамильтона по поводу моего брака с его племянником. Все эти доводы не раз приходили в голову и мне самой, и чем более близкой оказывалась эта цель, поставленная передо мною моим честолюбием, тем менее желанной она становилась в моих глазах.

Зато горизонты, которые только что открылись передо мной, когда я читала письмо сэра Уильяма, были так заманчиво озарены солнцем Средиземноморья, прежде светившим мне разве что сквозь строфы Тассо²²⁴ и Ариосто²²⁵! Мое пагубное воображение, всегда готовое увлечь меня в вольную страну фантазии, уже принялось развертывать передо мной свои ослепительные миражи. Я вновь стану королевой салона; эта роль, утраченная мной после отъезда сэра Джона, утраты сэра Гарри, разорения сэра Чарлза, возвратится ко мне в новом, еще не виданном мною блеске: эту роль я завоюю благодаря положению, которое в дипломатическом мире занимает сэр Уильям Гамильтон.

Посол – это ведь если и не сам король, то представитель королевской власти; самое взыскательное женское честолюбие не может не удовлетвориться рангом супруги посла. Правда, последовав за сэром Уильямом, я буду не супругой, но всего лишь приемной дочерью посла, а это далеко не одно и то же, ведь скука, каприз или взбалмошный нрав старика в любой момент могут привести к тому, что меня выставят за дверь, возвратив к состоянию Эммы Лайонны, а то и мисс Харт. Приемная дочь – положение очень уязвимое, тут нет никаких гарантий.

Что ж, значит, сэру Уильяму следовало предложить мне стать не его приемной дочерью, а женой. При этой мысли слепящий туман поплыл перед моими глазами.

Однако что здесь уж такого невероятного? Разве лорд Гринвилл не принадлежит к более родовитому семейству, чем лорд Гамильтон? Разве он не потомок Уорвиков или, по крайней мере, не отпрыск одной из боковых ветвей этого прославленного рода, берущего свое начало от самого легендарного графа Ричарда Невилла, которого прозвали «делателем королей»²²⁶? А сэр Уильям принадлежит к хорошему шотландскому роду, только и всего. Итак, если Гринвилл, то есть, иначе говоря, Уорвик, соблаговолил дать мне брачное обещание, почему бы сэру Уильяму Гамильтону, правда богачу, правда занимающему высокое положение, но зато лишенному того обаяния молодости и аристократизма, какое есть у его племянника, – почему бы сэру Уильяму не сделать леди Гамильтон ту, которой довольно сказать только слово, чтобы стать леди Гринвилл?

Останавливалась ли я когда-нибудь в своем пути наверх? Или, иначе говоря, как случилось, что мои падения всегда имели, так сказать, провиденциальное значение, благодаря чему каждое из них возносило меня выше, чем я находилась до того, как пала?

²²⁴ *Тассо, Торквато* (1544–1595) – итальянский поэт, автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580), одного из известнейших произведений мировой литературы.

²²⁵ *Ариосто, Лудовико* (1474–1533) – итальянский поэт и драматург, автор героической рыцарской поэмы «Неистовый Роланд» (1516).

²²⁶ *Ричард Невилл граф Уорвик* (1428–1471) играл выдающуюся роль во время т. н. войны Алой и Белой розы (1455–1485) – борьбы за престол двух ветвей английского королевского дома: Ланкастеров (в гербе их была алая роза) и Йорков (в гербе – белая роза); переходя с одной стороны на другую, способствовал возведению на царство нескольких представителей враждующих династий, за что был прозван «делателем королей»; погиб в бою.

Разве стать леди Гамильтон после того, как я была почти что леди Гринвилл, не значит возвыситься настолько же, насколько взмыла вверх любовница Ромни, превратившись в леди Гринвилл?

Итак, решено: я стану леди – Гринвилл или Гамильтон, будет видно.

XXIX

Более часа я провела под властью этих мыслей, и только бой часов вывел меня из мечтательного оцепенения.

Я стала оглядываться, желая найти сэра Чарлза.

Неужели он все это время читал письмо своего дяди? Почему, прочтя его, он не вернулся, чтобы вместе обсудить наше положение?

Я поднялась, решившись пойти к нему, если он сам не пришел ко мне. Но, войдя в спальню, я увидела, что она пуста.

Я заглянула в туалетную комнату, но и там никого не было.

Сэр Чарлз ушел? Возможно, из спальни был ход на черную лестницу, а она ведет на улицу.

Я огляделась, пытаюсь отыскать какой-нибудь ключ к этой загадке, и заметила на бюро сэра Чарлза развернутое письмо его дядюшки.

Рядом с ним я увидела листок бумаги, на котором рукой лорда Гринвилла было начертано несколько строк:

«Я не ошибся, Эмма: мой дядя влюблен в Вас. Я не хочу, пользуясь влиянием, которое, возможно, имею на Ваше сердце, заставить Вашу судьбу свернуть с предначертанного пути. В этот дом я вернусь не ранее чем через неделю и, по всей вероятности, уже не найду Вас здесь.

Но во имя будущего наших детей, ради счастья нас обоих не соглашайтесь быть никем иным, кроме как леди Гамильтон.

Чарлз Гринвилл».

Итак, он тоже увидел эту дорогу, что открывалась передо мной, он тоже поверил, что я могу достигнуть той цели, которая некогда ослепляла меня, пока я не научилась смотреть на нее не опуская глаз, как орел смотрит на солнце.

Я взяла перо и стала писать:

«Милорд, я показала лорду Гринвиллу письмо, которое Вы сообразовали мне прислать.

Он тотчас покинул дом, объявив, что желает предоставить мне возможность свободно распорядиться своей и его судьбой, а также судьбами наших детей, а потому намерен вернуться только через неделю.

Итак, мне надобно Вам ответить, и я это сделаю с той же прямотой, какую до сих пор проявляла по отношению к Вам.

Каким образом я могу оказаться достойной быть приемной дочерью сэра Уильяма Гамильтона, если я недостойна стать его племянницей?

Нет, милорд, все это слишком сложно, настоящий выход много проще: я не буду ни Вашей дочерью, ни племянницей, я останусь, как и была, просто Эммой Лайонной.

Я покидаю Лондон. Два года назад я провела три месяца – быть может, самых счастливых в моей жизни! – в прелестном маленьком городке Натли. Я возвращаюсь туда.

Согласно воле сэра Чарлза, с которым я Вам обещаю больше не видаться и которому возвращаю свободу от всех прежних обязательств, я буду жить или одна, или с нашими детьми, посвятив свою жизнь их воспитанию.

За детей я теперь спокойна, коль скоро Вы, милорд, принимаете участие в их судьбе.

Я заблуждалась, милорд, когда думала, что смогу быть честной женой, доброй матерью, способной составить счастье порядочного человека; я заблуждалась, ибо Вы судите иначе.

Но и Вы ошиблись, полагая, что я могу, потеряв право на свое прежнее достаточно двусмысленное положение, согласиться на другое, еще более ложное.

Мое положение в обществе как любовницы лорда Гринвилла сложилось в Лондоне; но кто скажет, какое положение я сумею занять в Неаполе в качестве вашей приемной дочери?

Нет, милорд, такая честь не по мне. Рожденная в потемках безвестности, я и умру там же – право, дни, проведенные мной в солнечном блеске успеха, были не самыми счастливыми для меня.

Прощайте, милорд! Найдите своему племяннику супругу благородную и целомудренную, сделайте ее Вашей приемной дочерью и предоставьте бедную Эмму ее нищете и бесчестию.

*Считающая себя служанкой Вашей милости и не претендующая на более высокое звание
Эмма Лайонна».*

Не медля ни минуты, я отослала это письмо сэру Уильяму Гамильтону и занялась приготовлениями к отъезду.

Либо сэр Уильям примчится сюда прежде, чем я упакую свою первую дорожную сумку, либо, зная, что я в Натли, сэр Чарлз приедет за мной туда.

В первом случае это будет шаг вперед, во втором, впрочем, тоже, и так было бы даже лучше, ибо после отъезда лорда Гринвилла мне не хотелось задерживаться в этом доме.

Сэр Уильям поспешил ко мне, едва лишь получил письмо. Он застал меня за упаковкой моих вещей.

– Так это что, серьезно?! Вы действительно хотите уехать? – вскричал он.

– Как нельзя более серьезно, милорд, – отвечала я. – Не можете же вы предполагать, что я бы позволила себе шутить с вами?

– А если бы ваше послание не застало меня дома и я пришел бы не тотчас, а спустя два часа?...

– Меня бы уже здесь не было.

– Вы воображаете, что таким способом вам бы удалось ускользнуть от меня?

– Ускользнуть от вас, милорд? Не понимаю. Я ведь не бегу ни от вас, ни от сэра Чарлза. Я ни от кого не бегу. Я просто уезжаю.

– Я был бы в Натли через час после вашего приезда. А возможно, что и за час до него.

– Но что же вам делать в Натли, милорд?

– Я бы явился, чтобы сказать вам, Эмма, что, с тех пор как узнал вас, больше не могу обходиться без вас и умоляю остаться со мной в том качестве, какое вы сами выберете.

Мое тщеславное сердце сладко затрепетало.

– Милорд, – произнесла я, – вы сами знаете, что существует лишь один род уз, способных связать меня с вами, – тот самый, в котором я отказала вашему племяннику.

– Эмма, что заставляет вас так говорить со мной? Тщеславие?

– Нет, милорд, достоинство.

– Признайтесь, Эмма: поступая так, вы следуете чьим-то советам?

– Вы угадали, милорд.

– И кто же этот советчик?

– Некто, без мнения которого я не могу ничего честно решить.

– Кто же он?

– Сэр Чарлз.

– Мой племянник?

– Пройдите в эту комнату, милорд, – там на бюро вы найдете письмо, которое, уезжая, оставил мне сэр Чарлз.

Сэр Уильям вошел в спальню и почти тотчас вернулся с письмом в руках. Наскоро пробежав его глазами, он обратился ко мне:

– Мисс Эмма, угодно ли вам оказать милость человеку, который всегда будет вам только отцом, согласившись стать его женой?

У меня подкосились ноги, и я упала в кресло; жемчужинки холодного пота проступили на моем лбу.

Не сон ли это?

Надменный сэр Уильям Гамильтон, приехавший из Неаполя затем, чтобы расторгнуть мой союз с его разоренным племянником, союз, который я чуть было не заключила, действительно предлагает мне свое имя, титул, состояние?

– Милорд, – сказала я, – если я потороплюсь принять такое великолепное предложение, вам со временем может прийти в голову мысль, что я ловко поймала вас на слове. Повторите мне это предложение завтра, и я вам отвечу.

– Согласен, но с условием, что свой ответ вы дадите в часовне моего особняка и мы в тот же вечер уедем в Неаполь.

– Завтра, милорд, любое ваше желание будет для меня приказанием.

– А пока вы разрешите сэру Уильяму провести с вами сегодняшний вечер как другу?

– Отказать вам, милорд, значило бы отнять у вас шанс вовремя одуматься.

– Вы полагаете, что я буду скучать?

– Боюсь, что послу, другу королевской семьи, ученому, окруженному аристократией духа и крови, общество овечьей пастушки из Уэльса покажется не слишком занимательным.

– Вы похожи на принцесс из наших народных сказок, Эмма: вашей крестной матерью была фея, но вы, чтобы надежнее сохранить свою тайну, сократили на одну букву имя, которое она вам дала. На самом деле вы не Эмма, вы Гемма²²⁷!

– Милорд, милорд, вы слишком привыкли беседовать с королевой! Вспомните, что вы в Лондоне, а не в Неаполе.

– Эта королева станет вашей подругой, Эмма; эта королева еще попросит вас давать ей уроки изящества и тонкого вкуса; эта королева будет вынуждена уступить вам свою корону в тот самый день, когда вы пожелаете затмить государыню в глазах ее подданных!

– Когда вы говорите ей такие любезности, милорд, королева протягивает вам руку для поцелуя?

– Почему вы спрашиваете?

– Хочу поучиться царственным манерам в предвидении будущей роли вице-королевы.

И я подала ему руку.

Лорд Гамильтон поцеловал ее так почтительно, как будто перед ним была сама Мария Каролина²²⁸.

²²⁷ Гемма (от лат. *gemma* – «перл», «жемчужина») – здесь: драгоценное украшение.

²²⁸ Мария Каролина Габсбургская (1752–1814) – жена Фердинанда IV, с 1768 г. неаполитанская королева, дочь императрицы Марии Терезии и сестра французской королевы Марии Антуанетты, казненной в 1793 г. во время Революции; отличалась неукротимой ненавистью к Французской республике и передовым идеям; была вдохновительницей антифранцузской политики своего королевства и расправы с неаполитанскими республиканцами.

– Учитывая мои завтрашние планы, – произнес он, отпуская мою руку и кланяясь, – вы не удивитесь, если я скажу, что у меня много дел на сегодня. Позвольте же мне вас покинуть и не забудьте, что вы обещали подарить мне сегодняшний вечер.

Я и сама испытывала потребность остаться в одиночестве, чтобы разобраться в чувствах, теснившихся в моем сердце, и особенно в мыслях, переполнявших мозг. Я сделала сэру Уильяму самый грациозный реверанс и сказала, что буду ждать его в восемь вечера.

Когда он ушел, я сжала голову руками, словно боялась, что она разорвется.

Есть ли необходимость далее задерживать внимание читателя на странной ситуации, в которой я оказалась, вынуждая его, так сказать, перелистывать вместе со мной страницы, заполненные ее подробными описаниями?

Нет. Как и догадывался лорд Гринвилл, сэр Уильям Гамильтон влюбился до безумия; в час дня, расставаясь со мной, он был очарован, ослеплен, опьянен!

На следующий день, благодаря оплаченному моим будущим супругом разрешению не оповещать о нашей женитьбе, протестантский пастор, некогда по милости самого сэра Уильяма получивший свой приход, обвенчал нас в одной из комнат особняка, преобразованной в часовню. Все произошло без шума, очень скромно; не было никого, кроме необходимых по обычаю свидетелей.

По окончании церемонии пастор передал каждому из нас выписку из своей приходской книги, что подтверждало законность наших супружеских уз.

На сей раз это было уже не брачное обещание вроде того, что некогда прислал мне лорд Гринвилл, – это был настоящий брак, пусть заключенный втайне, но тем не менее законный.

В тот же вечер, после того как сэр Уильям с истинно королевской щедростью уладил все дела сэра Чарлза и наших детей, мы покинули Лондон и отправились в Неаполь.

XXX

Мы пересекли часть Франции, Бельгию, Германию, побывали в Вене, задержавшись там на срок, необходимый для того, чтобы сэр Уильям мог засвидетельствовать свое почтение императору Иосифу II²²⁹, которому он имел честь быть представлен четыре года назад, когда его величество посетил Неаполь инкогнито, без свиты, под именем простого дворянина; потом мы побывали в Венеции²³⁰, Ферраре²³¹, Болонье²³² и Риме.

Когда мы прибыли в Рим, сэр Уильям решил постепенно вводить меня в итальянский высший свет. Археологические изыскания не раз привлекали лорда Гамильтона в Рим – не скажу в главный город христианского мира, но в столицу Цезарей²³³, – и здесь он был близко знаком со многими самыми достойными семействами.

Мы приехали туда в начале весны 1788 года.

Пий VI²³⁴ занимал резиденцию на площади Святого Петра²³⁵ в течение тринадцати лет, а самому ему был семьдесят один год. Прекрасный Анджело Браски, который, будучи избран папой как преемник Климента XIV²³⁶, даже колебался, не присвоить ли себе в новом качестве имя Формоз II²³⁷, настолько он был влюблен в свои женственные черты и пышные светлые волосы, так и остался неутомимым поклонником своей красоты, и об этом культе собственной персоны рассказывали самые смешные подробности. Злые языки, которые есть повсюду, даже в Риме, утверждали, что в конце концов его святейшество чем-то обязан своей великолепной наружности, ибо она имеет непосредственное отношение к его возвышению, ради

²²⁹ *Иосиф II* (1741–1790) – император Священной Римской империи с 1765 г.; до 1780 г. – соправитель своей матери Марии Терезии; провел в своих владениях ряд реформ в духе просвещенного абсолютизма.

²³⁰ *Венеция* – город и порт в Северной Италии, административный центр области Венето; расположена на островах лагуны Адриатического моря; в X в. формально получила статус самостоятельной республики; в Средние века играла большую роль в политической жизни Европы и в ее торговле с Востоком; в результате войн Французской республики и Империи отошла к Австрии (1797–1805), затем до 1814 г. была в составе наполеоновского Итальянского королевства, после чего снова стала австрийским владением; в 1866 г. вошла в состав объединенного Итальянского королевства.

²³¹ *Феррара* – город в Северной Италии в области Эмилия Романья, административный центр одноименной провинции; с кон. XVI в. – папское владение; в 1796–1814 гг. входила в состав итальянских земель, принадлежавших Франции; в 1860 г. вошла в состав объединенного Итальянского королевства.

²³² *Болонья* – древний город в Северной Италии, административный центр одноименной провинции и области Эмилия Романья; известна старейшим в Европе университетом (XI в.); в нач. XVI в. была захвачена римскими папами; в 1796–1814 гг. входила в состав вассальных по отношению к Франции государств Италии – Цизальпинской республики и Итальянского королевства; в 1815 г. вернулась под власть Рима; в 1860 г. вошла в состав объединенного Итальянского королевства.

²³³ *Цезарь, Гай Юлий* (102/100 – 44 до н. э.) – древнеримский полководец, политический деятель и писатель, диктатор; был убит заговорщиками-республиканцами. После смерти Юлия Цезаря правители Рима носили тройной титул «император Цезарь Август» и считались прямыми потомками диктатора.

²³⁴ *Пий VI* (в миру – граф Джованни Анджело Браски; 1717–1799) – римский папа с 1775 г.; во время Итальянской кампании 1796–1797 гг. французы вынудили его подписать сначала перемирие (1796 г.), а затем по Толентинскому миру (февраль 1797 г.) согласиться с потерей ряда территорий Папского государства (Болоньи и Феррары) и выплатить большую денежную контрибуцию; после провозглашения республики был изгнан из Рима; свои последние дни провел в заключении, во французской крепости Баланс.

²³⁵ *Площадь Святого Петра* – расположена в центре Рима на правом берегу Тибра, у подножия Ватиканского холма; главная часть ее архитектурного ансамбля – папский собор Святого Петра, построенный в XVI–XVII вв. при участии многих выдающихся архитекторов Италии; на нее выходят также некоторые из зданий Ватикана.

²³⁶ *Климент XIV* (в миру – Джованни Винченцо Лоренцо Ганганелли; 1705–1774) – римский папа с 1769 г.; распустил конгрегацию иезуитов, хотя и отказался публично осудить их деятельность, что способствовало в дальнейшем восстановлению ордена.

²³⁷ *Формоз* (от лат. *formosus*) – букв.: «изящный», «прекрасный». Римский папа под таким именем занимал Святой престол с 891 г. по 896 г. Через несколько месяцев после смерти Формоза I тело его было выгашено из гробницы, осквернено и сброшено в Тибр.

которого кардинал Руффо²³⁸, старшина Священной коллегии²³⁹, употребил всю свою власть, ибо, как говорили, он питал к молодому прелату расположение, подобия которого надлежит искать в античности: оно было сравнимо с любовью Сократа к Алкивиаду²⁴⁰.

Эта красота, положившая начало его карьере, продолжала способствовать ей и в дальнейшем – разумеется, если верить все тем же злым языкам, чьи суждения я лишь повторяю; Анджело Браски, потеряв своего покровителя, позаботился заменить его покровительницей: он вступил в тайную связь с любовницей кардинала Редзониго, племянника папы²⁴¹, и папа предоставил ему место верховного казначея, которое впоследствии отнял у него славный Ганганелли²⁴², взамен сделав его кардиналом. Впрочем, Климент XIV не мог поступить иначе: кардинальская шапка, согласно обычаю, полагалась каждому верховному казначею святого престола, если он терял свой пост, будь то по заслугам или нет. Тем не менее Анджело Браски принес Ганганелли благодарность за оказанную честь, однако папа, как уверяют, чистосердечно заявил ему:

– Я вас сделал кардиналом, потому что хотел отдать пост казначея человеку, чья порядочность не вызывает сомнений.

Поблагодарив за милость, Браски не счел уместным выразить признательность также и за мотивы, по которым она была ему оказана.

Когда мы прибыли в Рим, мне представилась благоприятная возможность повидать его святейшество, который, как было известно, с женщинами видался, хотя их не принимал. В самом деле, когда какая-нибудь знаменитая иностранка или местная аристократка выражала желание увидеть верховного понтифика и об этой просьбе передавали его святейшеству, он отвечал обыкновенно, что в такой-то день и час намерен прогуливаться в саду Квиринала²⁴³, если дело происходило летом, или в парке Ватикана²⁴⁴, если была зима; дама являлась в нужный срок в условленное место и, встретившись его святейшеству по пути, получала папское благословение.

Но я, как протестантка, не могла надеяться даже на такую привилегию; однако нашлось еще более простое средство снискать желаемую честь.

Управляющие коллегии Пропаганды добились согласия его святейшества присутствовать на одном из их ученых диспутов²⁴⁵; следовательно, для сэра Уильяма как посла было нетрудно получить там места. Поскольку эти места были оставлены заранее, нам не пришлось ни стоять в очереди, ни ждать, – мы явились туда точно к началу заседания.

Едва мы уселись, как громкий шум возвестил о прибытии его святейшества.

Должна признаться, что его появления я ожидала с большим любопытством.

²³⁸ Здесь речь идет о Томазо Руффо, двоюродном деде Фабрицио Руффо. Руффо – знатная калабрийская фамилия, представители которой играли значительную роль в истории Южной Италии в Средние века.

²³⁹ *Священная коллегия* – конгрегация священной канцелярии, высшее ведомство по делам веры папской курии; осуществляет надзор за чистотой веры и морали, выносит суждения по этим проблемам, решает вопросы, связанные с браком.

²⁴⁰ О разделенной любви Сократа к *Алкивиаду* рассказывает Плутарх («Алкивиад», 4, 6–7). Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) – полководец, дипломат и политический деятель Древних Афин; отличался необычайной красотой, крайней аморальностью и политической беспринципностью; в юности его воспитанием некоторое время занимался Сократ.

²⁴¹ Имеется в виду римский папа Климент XIII (в миру – Карло Редзониго; 1693–1769; правил с 1758 г.), в основном известный своей поддержкой иезуитов, изгнанных из Португалии и Франции.

²⁴² То есть Климент XIV (см. примеч. выше).

²⁴³ *Квиринал* – дворец на одноименном римском холме; до 1870 г. служил одной из папских резиденций.

²⁴⁴ *Ватикан* – комплекс дворцов и религиозных зданий в центре Рима, главная резиденция папы римского и высших учреждений католической церкви; мировой центр католицизма; создавался в течение нескольких столетий начиная с кон. XIV в.

²⁴⁵ Имеется в виду папская конгрегация Пропаганды веры, ведомство папской курии по вопросам проповедования веры среди язычников, а также церковного управления территориями, не имеющими самостоятельных иерархий.

Действительно, трудно было найти более представительного старца, чем Пий VI: его кудри, став из белокурых серебряными, сохранили свою роскошную волнистость, кожа была слишком свежа, чтобы поверить, что тут обошлось без притираний, но зубы были в самом деле красивы, а взгляд отличался замечательной живостью.

Возможно, что в тот день его глаза блестели ярче обычного, а румянец на щеках был розовее. Молва, вполголоса передаваемая из уст в уста, гласила, что его святейшество только что постиг очередной припадок яростного гнева, внушавшего ужас его ближайшему окружению и способного вспыхивать по самой ничтожной причине.

Для торжества, на котором ему предстояло присутствовать, Пий VI заказал своему портному новое одеяние; но не совсем удачно заложенная складочка на панталонах нарушила безупречную правильность форм, предмет его особой гордости. За этот грех его святейшество упрекнул беднягу посредством пинка, придя в негодование, которое виновный пытался умерить смиренными извинениями. Но извинениям, сколь бы они ни были смиренны, как говорят, положила конец оглушительная пощечина. Сраженный не так болью, как ужасом, грешник впал в бесчувствие, из которого его удалось вывести не иначе как обильным кровопусканием.

Церемония началась. Все шло наилучшим образом до тех пор, пока уже ближе к концу заседания его устроители, полагая, что доставят удовольствие верховному понтифику, продемонстрировав, сколь далеко Церковь простирает свое влияние, если ее приверженцев можно встретить даже в тропиках, предоставили слово молодому негру из Конго, и сей африканец-неофит начал свою речь²⁴⁶, на мой взгляд как нельзя более выразительную, но в самом начале прерванную его святейшеством, который поднялся и вышел вон с видом крайнего неудовольствия; не прошло и нескольких секунд, как причина столь дурного расположения духа стала всем известна. Пий VI не занимали ни красота произносимой речи, ни Конго, на какой бы широте эта страна ни располагалась, он заметил только одно – негр очень безобразен; его лицо неприятно поразило органы зрения папы, и он удалился, посоветовав впредь не оскорблять его взор видом подобных уродов.

Это было все, чего заслужили управляющие коллегии Пропаганды своим благородным рвением!

Зато несколькими месяцами раньше, 6 октября 1787 года, – дата, оставшаяся в памяти окружения его святейшества благодаря отметившему этот день грандиозному празднеству, – Провидение даровало его святейшеству большую радость: принцесса-герцогиня, синьора Констанция Онести, разрешилась от бремени крупным младенцем мужского пола.

В Риме принцессой-герцогиней называли жену одного из племянников папы, которого последний сделал принцем-герцогом; что до прочих его племянников, в основном они стали кардиналами²⁴⁷.

Принцесса-герцогиня, то есть супруга принца-герцога Онести-Браски, как поговаривали, была дорога его святейшеству в нескольких смыслах: как племянница, поскольку была замужем за его племянником, но также как дочь любовницы кардинала Редзониго, прекрасной Джулии Фальконьери, с которой он сам был близок. Ходили слухи, что вследствие этого принцесса-герцогиня была папе еще роднее, нежели он сам согласился бы допустить, ибо на самом деле Пий VI отрицал насколько он мог это отцовство, ссылаясь на религиозные принципы, которые не запрещали ему адюльтер, но нетерпимо относились к кровосмешению.

²⁴⁶ *Неофит* – новообращенный сторонник какого-либо учения или религии.

²⁴⁷ Когда Джованни Браски стал папой Пием VI, он вызвал в Рим своих племянников Онести (родом из городка Чезены), именовавших себя Браски-Онести. Старший, Лодовико (1748–1818), стал командующим папской гвардией.

По поводу же рождения упомянутого младенца в Риме прошли большие торжества, причем все кардиналы и прелаты выражали свою радость и преданность его святейшеству, осыпая подарками принцессу-герцогиню.

Мужа принцессы мне довелось встречать на вечерах или, как выражаются в тех местах, на беседах у княгини Боргезе²⁴⁸, менее скучных, чем другие римские беседы, хотя, говоря об этой всеобщей скуке, надобно сделать исключение для бесед, происходивших в доме старого кардинала де Берниса, где царила непринужденность, присущая Франции, которую он представлял²⁴⁹. Итак, супруг Констанции Онести – я встречала его у княгини Боргезе – был довольно видным мужчиной с лицом и статью атлета, уроженцем маленького городка Чезены, достаточно представительным, чтобы стать принцем-герцогом. Он отличался дремучим невежеством, так что в Риме, когда речь заходила о каком-либо бедняге, достигающем последней степени идиотизма, обычно говорили: «Он глуп, как принц-герцог».

Впервые явившись к княгине Боргезе непосредственно после прибытия из Чезены, еще переполняемый тщеславием по поводу своего титула принца-герцога и родословной, только что обнаруженной у него благодаря весьма своевременным изысканиям некоего римского ученого, он захотел пить и попросил у хозяйки дома стакан воды.

Принц-герцог стоял, прислонясь к камину, и г-жа Боргезе ответила:

– Дерните два раза за шнурок, у вас за спиной, и вам принесут то, чего вы хотите.

Он повинился, ничего не понимая: принц-герцог не был еще знаком с таким способом использовать колокольчик, изобретенным г-жой де Ментенон, как известно, всего-навсего какую-нибудь сотню лет назад²⁵⁰. Поэтому невозможно описать его изумление, когда стоило лишь дважды дернуть за шнурок, как в дверях появился лакей с подносом, полным прохладительных напитков. Чтобы удовлетворить его любопытство, пришлось объяснить ему, каким образом действует звонок, и тут – надо отдать ему справедливость – он пришел в такой восторг, что весь вечер только об этом и говорил. Восхищение принца-герцога было так велико, что, вместо того чтобы отправиться к себе домой, он приказал отвезти его в Ватикан и, разбудив своего дядю, который уже успел отойти ко сну, поделился с ним своим примечательным открытием.

Папа, не вставая с постели, дернул за шнурок звонка, висевший у его изголовья, и сказал камердинеру, прибежавшему на этот зов:

– Проводите монсеньора Онести, и в следующий раз, прежде чем пропустить его ко мне в такой час, потрудитесь сначала осведомиться, стоит ли то сообщение, с каким он сюда спешил, того, чтобы меня будить.

Невежество принца-герцога распространялось на все области без исключения. Через несколько дней я застала его высочество у маркизы Бокка Падули-Джентили. Там беседовали об английской и французской литературе – предметом разговора были Шекспир²⁵¹, Бен Джонсон²⁵², Расин²⁵³, Корнель²⁵⁴, Мольер²⁵⁵.

²⁴⁸ *Боргезе* – знатное итальянское семейство, за одного из представителей которого впоследствии вышла замуж сестра Наполеона, Полина.

²⁴⁹ *Франсуа Жоашен де Пьер де Бернис* (1715–1794) – французский церковный и государственный деятель, дипломат и поэт; член Французской академии; фаворит Людовика XV; после успешного выполнения нескольких дипломатических миссий получил пост министра иностранных дел (1755–1758); способствовал вовлечению Франции в Семилетнюю войну (1756–1763); с 1768 г. посол в Риме; не принял Французскую революцию и остался в Риме, где и умер.

²⁵⁰ *Ментенон*, в девичестве Франсуаза д'Обинье, по мужу Скаррон, маркиза де (1635–1719) – фаворитка Людовика XIV, на которой он тайно женился в 1684 г. после смерти своей первой жены Марии Терезы.

²⁵¹ *Шекспир*, Уильям (1564–1616) – английский драматург и поэт; автор многочисленных трагедий и комедий, поэм и сонетов.

²⁵² *Джонсон*, Бенджамин (Бен; 1573–1637) – английский драматург, теоретик драмы.

²⁵³ *Расин*, Жан (1639–1699) – французский поэт и драматург; автор пьес на библейские и исторические сюжеты.

²⁵⁴ *Корнель*, Пьер (1606–1684) – французский драматург, автор трагедий.

Принц-герцог будто воды в рот набрал: он не знал никого из этих господ, их имена он слышал впервые. Когда речь зашла о трагедии «Магомет»²⁵⁶, посвященной Ганганелли²⁵⁷, сэр Уильям произнес имя Вольтера.

– А! – вскричал принц-герцог, подпрыгнув от радости на своем кресле. – Этого я знаю! Немецкий монах, враг святой Церкви!

Добрейший принц спутал Вольтера с Лютером²⁵⁸.

В общем, могло показаться, что некий рок заставляет этого болвана постоянно попадаться нам на пути. На следующий день он вновь оказался вместе с нами за столом у венецианского посла. Беседовали о Вене, об императорской картинной галерее²⁵⁹. Принц-герцог, объятый высоким вдохновением эстета, вскричал:

– Когда я жил в Вене, я проводил целые дни в этой галерее, погружившись в созерцание «Ночи», полотна кисти Корреджо²⁶⁰.

Все переглянулись. Ведь каждый из присутствовавших знал, что висевшая ранее в галерее Модены²⁶¹ «Ночь» Корреджо, купленная Августом III²⁶², курфюрстом Саксонским²⁶³, находится ныне в Дрездене²⁶⁴.

Лорд Гарвей, граф Бристольский, епископ Дерри, что в Ирландии²⁶⁵, не смог без возражений стерпеть подобное проявление невежества.

– Право, монсеньор, – произнес он, – мне неловко противоречить столь ученому собеседнику, но осмеливаюсь все-таки уверить вас, что вы ошибаетесь; картина, которой,

²⁵⁵ *Мольер* (настоящее имя – Жан Батист Поклен; 1622–1673) – французский драматург и театральный деятель.

²⁵⁶ «*Магомет, или Фанатизм*» (1741) – трагедия Вольтера.

²⁵⁷ *Ганганелли* – Климент XIV (в миру – Джованни Винченцо Лоренцо Ганганелли; 1705–1774) – римский папа с 1769 г.; распустил конгрегацию иезуитов, хотя и отказался публично осудить их деятельность, что способствовало в дальнейшем восстановлению ордена.

²⁵⁸ *Мартин Лютер* (1483–1546) – профессор Виттенбергского университета, монах августинского ордена, основоположник Реформации; началом ее считается 31 октября 1517 г., когда Лютер прибил к дверям университетской церкви лист, содержащий 95 тезисов-возражений против индульгенций. Лютер считал, что грехи человеку может отпустить только Бог, что спасение дается исключительно верой, что человек непосредственно общается с Богом, а потому церковь как посредник между Христом и верующими не нужна, излишни посты, обеты, безбрачие духовенства, культ мощей и икон, не существует особой благодати священства, решения пап и Соборов есть человеческое мнение, а истина содержится в Писании, которое каждый может читать и толковать. Идеи Лютера нашли отклик по всей Европе, особенно в Германии.

²⁵⁹ Имеется в виду сформировавшаяся со времен Средневековья императорская коллекция – одно из богатейших художественных собраний в мире, которое включает картины различных национальных школ и большинства мастеров мирового значения; в 1800 г. на основе этой коллекции была открыта Императорская картинная галерея в Вене, первоначально размещавшаяся во дворце Верхний Бельведер; в XIX в. она продолжала пополняться новейшей живописью; в кон. XIX в. была перенесена в специально построенное в 1873–1881 гг. здание Музея истории искусств.

²⁶⁰ *Корреджо* (настоящее имя – Антонио Аллегри; ок. 1489–1534) – итальянский художник, автор многочисленных фресок и картин, преимущественно на религиозные и мифологические сюжеты. Созданная ок. 1530 г. картина «Святая ночь» (другое ее название – «Рождество») изображает поклонение пастухов новорожденному Христу.

²⁶¹ *Модена* – древний город в Северной Италии в области Эмилия Романья, центр одноименной провинции; в 1452–1859 гг. – столица самостоятельного герцогства (за исключением 1797–1814 гг.); в 1860 г. вошла в состав Сардинского, а затем объединенного Итальянского королевства.

²⁶² *Август III* (1696–1763) – курфюрст Саксонский (с 1733 г. под именем Фридрих Август II) и король Польский (с 1736 г.); польский трон занял при помощи России; тратил огромные средства на приобретение предметов искусства и содержание своего двора.

²⁶³ *Саксония* – территория на востоке Германии; с X в. – самостоятельное феодальное владение; в XVIII в. – одно из крупнейших и экономически развитых германских княжеств, правители которого имели титул курфюрстов (т. е. князей-избирателей, участвовавших в выборах императора Священной Римской империи) и были викариями (заместителями) императора; в кон. XVIII – нач. XIX вв. участвовала в войнах против революционной Франции и Наполеона; в 1806–1813 гг. находилась в орбите французского влияния, за что саксонский курфюрст был возведен в сан короля; в 1871 г., сохранив некоторые самостоятельные права, вошла в состав Германской империи.

²⁶⁴ *Дрезден* – главный город Саксонии; упоминается с 1216 г.; с 1485 г. – резиденция герцогов и курфюрстов Саксонии; с 1806 г. – столица Саксонского королевства; известен художественными и архитектурными памятниками.

²⁶⁵ *Дерри* (Лондондерри) – город в Северной Ирландии, у залива Лох-Фоул.

согласно вашему желанию, следовало бы находиться в Вене, чтобы вы могли созерцать ее в полное свое удовольствие, тем не менее в настоящее время пребывает в Дрездене.

– Прекрасно! – запротестовал принц-герцог. – Вы, стало быть, хотите сказать, что разбираетесь в этом лучше, чем мой дядя? О том, что картина в Вене, я слышал от него, а он в качестве папы непогрешим, вот как!

– Монсеньор, – возразил лорд Гарвей, – ваш довод для меня не годится: вспомните, что я протестантский епископ, а следовательно, не признаю непогрешимости вашего дяди.

Я уже упоминала о том, как гордился принц-герцог своей родословной, наскоро состряпанной для него и оставляющей далеко позади ту поддельную родословную, которую в свое время изготовил адвокат Никола Давид для герцогов Гизов²⁶⁶ и которая восходила к самому Карлу Великому²⁶⁷.

Что касается родословной принца-герцога, то ее подноготная такова.

Анджело Браски происходил из знатного, но обедневшего чезенского семейства; его сестра вышла замуж за мелкого буржуа, уроженца тех же мест, по фамилии Онести, который занимался торговлей и никогда не имел ни малейшей претензии развезжать в каретах французского короля.

Однако когда папский племянник стараниями его святейшества превратился в принца-герцога, ему пришлось подыскать происхождение, достойное подобного ранга.

По счастью, знаток генеалогии, взявшийся за это дело, листая «Житие святого Ромуальда»²⁶⁸, натолкнулся на следующую фразу:

«Romualdus, ex honestis parentibus natus»²⁶⁹.

Не упустив удобного случая, знаток своего дела присвоил Ромуальду фамилию Онести и подготовил роскошно изданный труд: из него явствовало, что племянник папы является прямым потомком этого святого, урожденного Онести.

Само собой разумеется, что именно в честь этого неоспоримого родства первенец, рожденный принцессой-герцогиней 6 октября 1787 года к великой радости папского двора, при крещении получил от своего дяди имя Ромуальдо.

²⁶⁶ Генрих I, герцог Гиз, по прозвищу Меченый (1550–1588), Людовик Лотарингский, кардинал де Гиз (1555–1588) и их дядя Карл, кардинал Лотарингский (1524–1574) – вдохновители Священной лиги, направленной по существу против французского короля Генриха III (1551–1589; правил с 1574 г.); пытались путем подложных документов доказать свои права на французский престол. Эпизод с поддельной родословной Лотарингского дома, к которому принадлежало семейство Гизов, изложен в романе Дюма «Графиня де Монсоро».

²⁶⁷ Карл Великий (742–814) – король франков, а с 800 г. – император; принадлежал к династии Каролингов.

²⁶⁸ Ромуальд (952–1027) – итальянский монах, основавший ок. 1010 г. в селении Камальдоли близ города Ареццо орден камальдулов, отличавшийся весьма строгим уставом; канонизирован католической церковью, его день отмечается 19 июня; жизнеописание Ромуальда составлено знаменитым церковным деятелем Петром Дамиани (1007–1072).

²⁶⁹ «Ромуальд, в семействе честнейшем рожденный» (лат.). В переводе с латинского: «Ромуальд, в семействе честнейшем рожденный»; определение «честнейшее», совпадающее по звучанию с фамилией «Онести», давало возможность истолковать фразу так: «Ромуальд, в семействе Онести рожденный».

XXXI

Говоря, что римские беседы были очень скучны, мне бы следовало прибавить: скучны для других, ибо для меня они представляли собой зрелище настолько новое, что казались занимательными или, вернее, необычными.

Римлянки, конечно, очень красивы, но это скорее можно сказать о простолюдинках, чем о знатных дамах. Среди жительниц Трастевере²⁷⁰ и среди крестьянок окрестных селений отнюдь не редко можно было встретить женщин, напоминающих мадонн Рафаэля²⁷¹, но, повторяю, почти все они принадлежали к простонародью.

Среди же аристократок красавицы попадались гораздо реже: вот причина, почему мое появление в великосветских салонах Рима произвело настоящий переполох.

Среди прелатов и кардиналов возникла смута, почти революция.

Но прежде следует пояснить, что представляет собой обыкновенный званый вечер в Риме, если никакое чрезвычайное явление вроде моего визита не нарушает установленного порядка.

На таких сборищах царит обстановка во вкусе правительственных чиновников и духовенства: это времяпрепровождение в рамках строгого этикета, и если сердце подчас еще может найти там что-то для себя интересное, то ум – никогда. Повсюду чувствуешь себя настолько стесненно и принужденно, что малейшие проявления веселости становятся невозможны даже среди молодых людей. Во всех сердцах прячется боязнь, в любом взгляде сквозит недоверие. Вместо того чтобы пускаться в откровенные излияния, как в Англии или во Франции, здесь все молча изучают друг друга, страшась скомпрометировать себя неосторожным словом. Чужестранцы, лишённые подобных опасений, в этой ледяной атмосфере тоже становятся холодны и скованны. Это общество напоминает громадные часы, механизм которых остановлен и лишь время от времени начинает двигаться от какого-нибудь сотрясения, чтобы вскоре замереть снова.

К счастью, там хотя бы играют, причем игра ведется крупная, но, как бы ни был присущ мне азарт, я все-таки предпочла наблюдать и размышлять над тем, что у меня перед глазами, полагая, что к картам я еще успею вернуться.

Если хозяйка дома не играет, она завладевает каким-нибудь преосвященством или министром и беседует с ним в продолжение всего вечера; остальные присутствующие, облаченные каким-либо саном или званием, поступают так же, и эти многочисленные беседы с глазу на глаз так серьезны и тихи, что в кругу пятидесяти персон можно услышать, как пролетает муха. Все эти люди своей неподвижностью напоминали мне сенаторов Древнего Рима, восседающих на своих курульных²⁷² креслах в ожидании смерти от руки галлов²⁷³.

²⁷⁰ *Трастевере* (от *итал.* trans – «за», Tevere – «Тибр»; букв. «Затибрье») – квартал Рима, лежащий за Тибром, т. е. на правом берегу, отделенный рекой от основной части города; в XVIII в. – южная окраина, населенная беднотой – трастеврийцами.

²⁷¹ *Рафаэль, Санти* (1483–1520) – итальянский живописец и архитектор, представитель Высокого Возрождения; в своих картинах (в том числе в многочисленных изображениях Богоматери) воплотил возвышенные человеческие идеалы.

²⁷² *Курульное кресло* – в Древнем Риме складное, украшенное слоновой костью кресло высокопоставленных должностных лиц.

²⁷³ Имеется в виду эпизод, который рассказал древнеримский историк Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.) в своем знаменитом труде «История Рима от основания Города». Когда в 390 г. до н. э. галлы захватили Рим, римские сенаторы-старцы не покинули город, а пожелали умереть, принеся себя в жертву за отечество. «Они воссели в своих домах на креслах из слоновой кости, облачившись в те священные одежды, в коих вели колесницы с изображениями богов или справляли триумфы» (V, 41). Вначале варвары с благоговением взирали на стариков, застывших на пороге своих домов, но после того как один из сенаторов, Марк Папирий, ударил жезлом из слоновой кости галла, вздумавшего погладить его по бороде, они пришли в бешенство и убили всех.

Когда среди собравшихся оказывается три-четыре кардинала, для остальных гостей дело принимает особенно неудобный оборот. Достоянейшие преосвященства без конца бродят туда-сюда, им надо уступать место, приветствовать их приближение глубокими поклонами и остерегаться наступить на волочащуюся полу их одеяния. Простые прелаты толпятся вокруг них, изгибаясь, как скобки, и встречая рукоплесканиями каждую фразу, которую преосвященство удостоит обронить из своих священных уст.

Мое появление в Риме и в этих кругах, как я уже говорила, произвело немалое волнение. Преосвященства, перестав блуждать взад-вперед наподобие мольеровского мнимого больного²⁷⁴, собирались вокруг меня и, так как я с легкостью говорила по-итальянски, в то время как лишь немногие из них с грехом пополам могли объясниться по-французски, а английского не знал никто, они были в восторге от возможности расточать мне комплименты, одновременно пресные и преувеличенные, на том языке, на котором, по словам Данте, так звонко звучит *si*²⁷⁵.

Одним из самых настойчивых моих почитателей стал лорд Гарвей, епископ Деррийский, и поскольку он говорил со мной по-английски, будучи если не по уму, то по своей самобытности способен поддержать беседу, так что каждый из нас смеялся словам другого; преосвященства и столпы ультрамонтанства, окружавшие нас, были весьма заинтригованы²⁷⁶.

Из всех этих вечеров наиболее приятными я считала беседы, происходившие в доме маркизы де Санта Кроче. Но, правда, это был круг близких друзей, куда я попала благодаря положению лорда Гамильтона; там собиралось самое избранное общество, состоявшее почти сплошь из членов дипломатического корпуса.

Я очень настойчиво добивалась, чтобы меня представили маркизе де Санта Кроче, потому что знала, что на ее маленьких приемах, куда гости собираются в десять вечера, бывает кардинал де Бернис, а я хотела познакомиться с этим обаятельным стариком, так как читала его стихи – те, которые он сам называл грехами молодости.

Кардиналу де Бернису было в ту пору семьдесят три года; он сохранил не только все свое остроумие, но и почти не утратил юношеской живости; в Риме он пребывал в качестве протектора Франции²⁷⁷. Было известно, что смолоду он сыграл заметную роль в европейской дипломатии, принял монашество и сан аббата; оказавшись в Париже, он публиковал там свои стихи галантного содержания и понравился г-же де Помпадур²⁷⁸; в возрасте двадцати девяти лет был принят в Академию; после смерти кардинала Флери быстро сделал карьеру²⁷⁹, был отправлен послом в Венецию, стал кардиналом. Это он, будучи министром иностранных дел, подписал союзный договор с Австрией²⁸⁰, а во время Семилетней войны

²⁷⁴ Речь идет об Аржане, персонаже комедии Мольера «Мнимый больной» (1673); врач прописывает ему прогулки по комнате, но он не знает, как ему надо ходить по ней: вдоль или поперек.

²⁷⁵ Да (*итал.*). То есть звучит итальянское слово «да» («*si*»), которое великий итальянский поэт Данте (1265–1321) кладет в основу своей классификации романских языков, называя итальянский – языком *si* («Божественная комедия», «Ад», XXXIII, 80).

²⁷⁶ *Ультрамонтанство* (от *фр.* *ultramontain* – «за горами», т. е. за Альпами) – оформившееся в XV в. религиозное течение в католицизме, ратующее за неограниченные права папского престола на вмешательство в церковные и, главное, в светские дела любого католического государства.

²⁷⁷ То есть кардинала, защищавшего интересы французской церкви при папском престоле.

²⁷⁸ *Помпадур, Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де* (1721–1764) – фаворитка французского короля Людовика XV; оказывала значительное влияние на дела государства.

²⁷⁹ *Флери, Андре Эркуль де* (1653–1743) – видный французский государственный деятель, кардинал; дипломат и глава правительства (1726–1743) Людовика XV

²⁸⁰ Имеется в виду Версальский союзный договор между Австрией и Францией, подписанный 1 мая 1756 г. Заключение договора было вызвано общим обострением международной обстановки того времени: усилением франко-английского морского и колониального соперничества и обострением борьбы Австрии и Пруссии, союзницы Англии, за гегемонию в Германии; согласно его условиям, договаривавшиеся стороны гарантировали друг другу свои владения и обещали военную помощь; в январе 1757 г. к договору присоединилась Россия. Версальское соглашение ознаменовало собой коренное

впал в немилость, так как был приверженцем мира наперекор мнению г-жи де Помпадур²⁸¹. Однако в 1764 году г-жа де Помпадур умерла, и кардинал де Бернис²⁸² стал архиепископом Альбийским²⁸³, а пять лет спустя – послом в Риме. В первые годы своего пребывания здесь он играл весьма блестящую роль, и, хотя Испания приобрела чрезвычайное влияние на Ватикан, ему удавалось благодаря своим личным качествам обеспечить и Франции неплохую позицию.

В тот же день, когда нас представили его преосвященству, мы были приглашены отобедать у него на завтра.

Мы заранее знали, что стол у кардинала де Берниса превосходен и что, вопреки обычаям римских слуг, его лакеи не экономят на гостях, скармливая им остатки вчерашнего пиршества.

Кардинал жил на широкую ногу, был хлебосольным, и всякий, кто однажды был ему представлен, знал, что место за столом ждет его всегда. Эта повседневная расточительность, празднества, которые он давал, беспечное мотовство, происходившее в его окружении, вели кардинала к разорению тем вернее, что родные его, управлявшие его имуществом во Франции, изобретали каждый год то засуху, то наводнение, лишь бы избавиться от необходимости высылать ему деньги; всегда оказывалось, что восстановление разрушенного поглотило все средства, еще остававшиеся после стихийных бедствий.

Милый старик рассказал мне все это смеясь и не без кокетства прибавил:

– Какое счастье, что мне семьдесят три! Так или иначе моих средств хватит на тот недолгий срок, что остался до конца.

Увы, этот достойный человек ошибался. Отозванный со своего поста три года спустя за несогласие примириться с Французской революцией, лишенный всего своего достоинства, он, расставшись с сотней тысяч римских экю ренты, остался в стесненных обстоятельствах, которые обернулись бы нищетой, если бы не вспомоществование, что выхлопотал для него при испанском дворе кавалер д'Асара, его друг²⁸⁴.

Мы встречали у кардинала де Берниса этого испанца, о доблести, честности и учтивости которого в Риме было единодушное мнение. В те дни он и испанский двор, двор Карла III²⁸⁵, находились в несколько щекотливом положении в связи с одним мелким мошенничеством, допущенным его святейшеством: вопреки своим настояниям, испанцам так и не удалось добиться справедливости.

Как всем известно, общество Иисуса²⁸⁶ в 1767 году было изгнано из Испании и Неаполя, а в 1773-м орден иезуитов был вообще упразднен Климентом XIV²⁸⁷, прожившим после его отмены менее двух лет.

изменение расстановки сил в Европе (переход Австрии и Франции от вековой конфронтации к союзническим отношениям) и привело к Семилетней войне.

²⁸¹ Имеется в виду Семилетняя война (1756–1763) между Францией, Австрией, Россией, Испанией, Саксонией и Швецией с одной стороны и Пруссией, Англией и Португалией – с другой, результатом которой стала победа Великобритании над Францией в борьбе за торговое и колониальное первенство.

²⁸² Бернис стал архиепископом Альбийским в 1764 г.

²⁸³ Альби – административный центр департамента Тарн в Юго-Западной Франции, главный город местного архиепископства.

²⁸⁴ Д'Асара, Хосе Николас (1731–1804) – испанский дипломат, приложивший руку к изгнанию иезуитов из Испании; знаток античности, меценат и коллекционер.

²⁸⁵ Карл III (1716–1788) – дон Карлос де Бурбон; в 1734–1759 гг. король Обеих Сицилии под именем Карла VII; провел ряд реформ, принесших ему большую популярность; с 1759 г., после смерти старшего брата, король Испании; в новом своем государстве также провел много реформ в духе просвещенного абсолютизма, укрепивших королевскую власть и улучшивших экономическое и военное положение страны; во внешней политике ориентировался на союзнические отношения с Францией.

²⁸⁶ Общество Иисуса – важнейший католический монашеский орден, основанный в 1534 г. в Париже испанским дворянином Игнатием Лойолой (ок. 1491–1556). Орден ставил своей целью борьбу любыми средствами за укрепление церкви

Хотя Карл III был очень зол на святых отцов, ведь с самого рождения ему приходилось бороться со слухами о том, что на самом деле он сын кардинала Альберони²⁸⁸, а не Филиппа V²⁸⁹, его мщение ограничилось их высылкой из пределов державы и тем, что он побудил к такой же мере своего сына Фердинанда²⁹⁰; однако он продолжал выплачивать им пенсию в звонких испанских пиастрах, весьма ценимых в Италии и особенно в Риме, ибо местные монеты чеканились Бог весть из чего.

И вот в Чивитавеккья²⁹¹ прибыл корабль с пиастрами²⁹², присланными из Мадрида.

Эти пиастры были предназначены для уплаты пенсии изгнанникам.

Пий VI велел доставить их на монетный двор.

Когда деньги прибыли, вместо того чтобы распределить их между святыми отцами, его святейшество повелел их расплавить, добавить туда четвертую часть примеси, начеканить паоло²⁹³, папетто²⁹⁴, тестоне²⁹⁵ и карлино²⁹⁶ и выдать этой жалкой монетой причитающуюся иезуитам сумму, причем на этой махинации, как уверял нас Дженкинс, банкир сэра Уильяма, папа выгадал более двадцати пяти на сто.

Ни иезуиты, ни кавалер д'Асара, несмотря на все свои протесты, не смогли добиться восстановления справедливости; уверившись в том окончательно, они отправили королю

против еретиков и протестантов и служил главным орудием контрреформации. Имя иезуитов стало символом лицемерия и неразборчивости в средствах для достижения цели.

²⁸⁷ В сер. XVIII в. усиление влияния иезуитов, их распушенность и участие в сомнительных коммерческих предприятиях вызвали возмущение в обществе и беспокойство европейских правительств. В 1764 г. иезуиты были изгнаны из Франции; в Испании в 1767 г. они были арестованы в течение одной ночи и высланы во владения папы; вскоре орден был запрещен в Неаполе и некоторых других странах; в 1773 г. *Климент XIV* формально распустил орден, однако фактически он продолжал существовать и в 1814 г. был восстановлен. Климент XIV (в миру – Джованни Винченцо Лоренцо Ганганелли; 1705–1774) – римский папа с 1769 г.; распустил конгрегацию иезуитов, хотя и отказался публично осудить их деятельность, что способствовало в дальнейшем восстановлению ордена.

²⁸⁸ *Альберони, Хулио* (1664–1752) – испанский кардинал и министр; был любовником супруги своего повелителя *Елизаветы Фарнезе*; беспорядочная личная жизнь послужила причиной наложенного на него папой церковного покаяния. *Елизавета Фарнезе* (1692–1766) – испанская королева, жена испанского короля Филиппа V, принцесса Пармская; принесла, по словам современника, на испанский престол «гордость спартанки, упрямство англичанки, итальянскую утонченность и французскую живость»; властвуя над своим супругом, употребила все влияние для упрочения тронов своих детей.

²⁸⁹ *Филипп V* (1683–1746) – второй внук Людовика XIV, первый король Испании из династии Бурбонов (с 1700 г.); до вступления на испанский трон носил титул герцога Анжуйского, издавна принадлежавший принцам французского королевского дома.

²⁹⁰ *Фердинанд* (1751–1825) – третий сын испанского короля Карла III; с 1759 г. король Сицилии (под именем Фердинанда III) и Неаполя (под именем Фердинанда IV) из династии Бурбонов; придерживался крайне реакционных взглядов, отличался жестокостью и вероломством; в 1799 и 1806–1815 гг. во время вторжения французских войск бежал на Сицилию; в 1816 г., после изгнания наполеоновских ставленников, принял титул короля Соединенного королевства обеих Сицилий – под именем Фердинанда I. В 1820–1821 гг., когда в Неаполе произошла новая революция, Фердинанд вынужден был подписать конституцию, ограничивавшую его права. Но вскоре он сумел сообщить австрийскому императору, что поклялся соблюдать конституцию против собственной воли, и просил Австрию и Англию оказать ему всемерную помощь. 23 марта 1821 г. австрийские войска вошли в Неаполь и восстановили там неограниченную монархию.

²⁹¹ *Чивитавеккья* – порт и приморская крепость на Апеннинском полуострове в его западной части на берегу Тирренского моря, в 65 км к северо-западу от Рима; во время действия романа входила в состав папских владений.

²⁹² *Пиастр* – итальянское название старинной испанской монеты песо, имевшей крупное достоинство.

²⁹³ *Паоло* – серебряная папская монета среднего достоинства (вес ее постепенно снижался), чеканившаяся в XVI–XIX вв.

²⁹⁴ *Папетто* – серебряная монета, имевшая хождение в Папской области; стоимость ее была чуть больше франка.

²⁹⁵ *Тестоне* (итал. *testone* от *testa* – «голова») – народное название венецианской монеты лиры, обладавшей крупным достоинством и чеканившейся с XV в.; эта монета стала весьма популярной, и по ее образцу чеканились монеты во многих государствах Италии.

²⁹⁶ *Карлино* (карлин) – неаполитанская золотая монета крупного достоинства; впервые стала чеканиться в 1278 г. при короле Карле I Анжуйском; в кон. XIII – нач. XIV в. неаполитанские короли чеканили также серебряные карлино. В нач. XVIII в. в некоторых итальянских государствах серебряные карлино стали чеканиться снова. Серебряный карлино, получивший в 1303 г. название «украшенный лилией», имел широкое хождение в течение всего периода существования Королевства обеих Сицилий и составлял 1/10 дуката; монеты того же названия чеканились также в Савоие и Папском государстве.

Карлу III прошение о том, чтобы впредь пенсия выдавалась им непосредственно из рук испанского посла.

Но все это мелочи по сравнению с тем, что мне приходилось слышать о других способах, используемых верховным понтификом с целью раздобыть денег или, говоря точнее, увеличить достояние принца-герцога и кардинала Онести, двух своих племянников. Его святейшество было до мозга костей подточено гангреной непотизма²⁹⁷.

Ко времени нашего прибытия в Вечный город Пий VI, несмотря на свое могущество мирское и церковное, готовился проиграть процесс, который он мог бы десять раз выиграть, если бы был всего лишь несправедлив.

Но, к несчастью, он был сущим нечестивцем.

А дело было так.

Был в Риме носильщик, рожденный в окрестностях Милана, который своим тяжким трудом скопил баснословную сумму в восемьсот тысяч римских экю (то есть четыре миллиона четыреста тысяч французских ливров).

Этого носильщика звали Лери.

У него было три сына – Амазис, Джузеппе и Джанно.

Отец разделил свое состояние между ними, но с условием, что, если кто-либо из них умрет, не имея детей мужского пола, его доля наследства перейдет к братьям.

Джанно, старший сын, умер вскоре после отца, не оставив потомства. Джузеппе умер вторым, у него была дочь Анна Мария. Что до Амазиса, третьего сына, то он, став священником, тем самым утратил возможность обзавестись наследниками мужского пола.

Было бы справедливо, чтобы все досталось девушке, даже наследство священника, поскольку никто из умерших братьев не оставил после себя сына.

Однако священник, напротив, стал утверждать, что все принадлежит ему, и действительно присвоил наследство целиком в ущерб Анне Марии, чью мать он терпеть не мог.

Анна Мария затеяла судебный процесс против своего дяди.

Тогда священник, злоупотребляя своим влиянием и подкупив свидетелей, стал доказывать, что Анна Мария незаконнорожденная.

Однако, расставив ей эту ловушку, он добился только того, что общественное мнение возмутилось.

Толки об этом процессе достигли ушей папы, и он почувствовал выгодное дельце. Он поручил некоему Нардини отправиться к Амазису и предложить ему кардинальскую шапку и ренту, о размерах которой необходимо было достичь любовного соглашения. Амазису давали понять, что, поскольку состояние было заработано его отцом в государстве его святейшества, справедливость требует, чтобы все, кроме причитающейся ему по условиям первоначального дележа трети, отошло в собственность папы.

Амазис увидел в этом предложении способ удовлетворить одновременно свое тщеславие и свою ненависть; он составил дарственную, передав во владение папе все свое добро в расчете на то, что тот великодушно возместит понесенный им ущерб.

Папа незамедлительно передал добытое состояние в собственность принцу-герцогу; что касается ренты и кардинальского сана, обещанных Амазису, он об этом и думать забыл.

Амазис возроптал, но тщетно.

Тогда им овладело раскаяние в причиненном бессмысленном зле. Он написал завещание, где объявлял, что дар, принесенный его святейшеству, был следствием ловушки, в которую он попал по указке бесчестного советчика; признавался, что такому дурному совету он

²⁹⁷ *Непотизм* (от *лат.* *nepos* – «внук», «племянник») – раздача римскими папами должностей, званий, земель родственникам.

последовал преимущественно из ненависти к невестке, за что просил у нее прощения, и, изобличая себя в преступном умысле, требовал подаренное назад.

Нардини, пособник его святейшества, кому, вероятно, тоже забыли заплатить за его труды, присоединился к Амазису, объявив также о своем раскаянии в том, что способствовал Пию VI в исполнении его гнусных замыслов.

Завещание Амазиса и признания Нардини вскоре были преданы гласности, и со всех сторон стал раздаваться негодующий ропот; однако папа в ответ ограничился заявлением, что щедрость, проявленная Амазисом в его пользу, была не чем иным, как чудом святого апостола Петра²⁹⁸, и что не пристало противиться этому благодаянию, коего святой удостоил своего преемника.

Поскольку все это происходило, когда папе был уже семьдесят один год, Анна Мария и ее мать, посоветовавшись с лучшими адвокатами Рима, решили было подождать его кончины, чтобы затем возобновить процесс и судиться уже не с папой, а с принцем-герцогом.

Такое решение привело Пия VI в панику. Ведь после его смерти некому будет обрушить всю тяжесть папской власти на чашу весов – по старинной мифологической традиции неотъемлемого атрибута правосудия.

Тогда он решил заставить девушку признать его права и в свою очередь затеял против нее судебный процесс. Но интерес к этой истории, к бедной крошке, которую он вздумал обобрать, стал настолько всеобщим, а несправедливость, против которой она восставала, была настолько очевидной, что судьи предупредили святого отца о безнадежности предъявленного им иска и посоветовали решить дело миром.

Тогда папе пришлось обратиться к Анне Марии с деловыми предложениями, и они договорились. По слухам, Анна Мария согласилась ограничиться половиной наследства своего деда, уступив другую принцу-герцогу, который таким образом из четырех миллионов четырехсот тысяч ливров чужого добра присвоил два миллиона двести тысяч!

Что он вышел из положения с честью, сказать трудно, но уж что с выгодой, – так это несомненно.

²⁹⁸ *Святой апостол Петр* – по церковному преданию, первый епископ римский в 33–64/67 гг. (именно эта должность впоследствии превратилась в папский сан).

XXXII

При моей страсти к театру легко догадаться, что по прибытии в Рим я прежде всего попросила сэра Уильяма повести меня на какой-нибудь спектакль. Мое любопытство теперь оказалось тем сильнее, что я была наслышана о местном обычае, согласно которому женские роли в театре исполняли юноши.

Право, не знаю, можно ли считать юношей двойственными существами, способными заменить женщин. Греки, эти страстные любители красоты, в своих пластических фантазиях создали образ Гермафродита²⁹⁹, средоточие всех прелестей обоих полов, того, кто был разом и Гебой³⁰⁰, и Ганимедом³⁰¹. Римляне же со своими сценическими обычаями выпускали на подмостки существа, не принадлежащие ни к тому полу, ни к другому, не годные быть ни Гебой, ни Ганимедом.

Впрочем, эти диковинные создания внушали римским прелатам любого возраста те же безумные восторги, какими воспламеняется лондонская и парижская молодежь, пленяясь красотками из Оперы.

Сэр Уильям повез меня в театр Балле³⁰². Давали «Армиду» Глюка³⁰³, и роль Армиды³⁰⁴ исполнял юный певец, пользовавшийся самым неистовым обожанием со стороны римских прелатов.

Когда он появился на сцене, – должна признаться, что, не будучи предупреждена, приняла бы его за женщину, и даже красивую женщину! – так вот, в миг, когда он выступил на сцену, не успев еще взять ни одной ноты, зал взорвался аплодисментами. Суровые прелаты, почтенные кардиналы, чей бесстрастный вид поражал меня, казалось, были готовы лишиться чувств от восхищения, чуть только этот... эта... это... право, не знаю, как сказать, – короче, это нечто показалось из-за кулис.

Успех был огромен.

Мы сидели в ложе кардинала Браски-Онести, младшего брата принца-герцога³⁰⁵, который, насилу поднявшись с одра тяжелой болезни, считал, что страсти, возбуждаемые этим новым Спором³⁰⁶, не могут повредить выздоравливающему. Он хвастливо рассказывал нам, что недуг приключился с ним вследствие полнейшего истощения сил после оргии, во время которой он держал пари, что перепьет пятерых самых лихих пьяниц и окажет внимание пятерым самым красивым куртизанкам Венеции.

²⁹⁹ *Гермафродит* – сын Гермеса и Афродиты, юноша необычайной красоты, которого по просьбе влюбленной в него нимфы Салмакиды боги слили вместе с ней в одно двуполое существо.

³⁰⁰ *Геба* – богиня цветущей юности, дочь Зевса и Геры; кравая богов на Олимпе (подносила им нектар и амброзию).

³⁰¹ *Ганимед* – в греческих сказаниях сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои; за свою необычайную красоту был похищен Зевсом и вознесен на Олимп, где стал виночерпием.

³⁰² Итальянский театр, основанный в Риме в 1726 г. К. ди Джулиано Капраника и в том же году сданный им в аренду Д. Балле; вначале в нем ставились комедии дель арте, с 1755 г. также пьесы К. Гольдони; с 1765 г. здесь шли преимущественно оперы Н. Пуччини, Дж. Паизиелло, Д. Чимарозы и др.; в 1789 г. был закрыт и открылся вновь в 1796 г.

³⁰³ *«Армида»* (1777) – пятиактная опера на либретто Ф. Кино; одно из самых совершенных творений композитора. *Кино*, *Филипп* (1635–1688) – французский лирический поэт, представитель классицизма; писал также трагедии, тексты для парадных придворных представлений и оперные либретто; либретто «Армиды», которое использовал Глюк, создано Кино в 1688 г.

³⁰⁴ *Армида* – одно из действующих лиц поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим», владелица роскошных волшебных садов, название которых стало нарицательным; поэтическая красавица, увлекшая многих рыцарей.

³⁰⁵ *Браски-Онести*, *Ромуальдо* (1753–1830) – итальянский кардинал, ближайший помощник папы Пия VII (Барнаба Луиджи, граф Кьярамонти; 1742–1823; правил с 1800 г.), разделивший все превратности его карьеры.

³⁰⁶ Римский император Нерон (Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь; 37–68; правил с 54 г.), известный своей крайней жестокостью и аморализмом, сделал евнухом мальчика-раба Спора и торжественно вступил с ним в брак, одевал как императрицу, появлялся вместе с ним публично на торжествах.

Святой отец едва не умер в результате всех этих подвигов, однако пари было выиграно. Кардинал Браски-Онести был одним из самых ярких почитателей модной оперной знаменитости. Он обещал лорду Гамильтону провести его в уборную странной Армиды и добиться для него позволения присутствовать при туалете волшебницы, которой предстоит переодевание между первым и вторым актом.

Я спросила, могут ли и дамы тоже быть допущены туда.

Он отвечал, что вообще это не принято, но, разумеется, синьор Велути – так звали певца³⁰⁷ – охотно сделает для меня исключение как для иностранки, особенно если я соблаговолю сделать ему несколько комплиментов, так как, в сущности, синьор Велути обожает красивых женщин.

Кардинал приказал пропустить нас, и через дверь, соединяющую зрительный зал с подмостками и кулисами, мы попали сначала на сцену, потом в коридор, ведущий к уборной Армиды. Перед ее дверью стояла очередь, заполнив коридор.

Однако при виде кардинала-племянника обожатели поскромнее поспешно расступились, прижимаясь к стенам, и мы вошли в комнату, сплошь затянутую небесно-голубым атласом и по части изысканности больше похожую на будуар светской обольстительницы.

Кумира мы застали перед его алтарем, то есть перед туалетным зеркалом; кардинала-племянника он приветствовал самой прельстительной улыбкой и спросил, как тот осмелился явиться сюда без букета цветов или коробки конфет.

Тогда кардинал Браски-Онести, сняв с мизинца перстень с бриллиантом стоимостью в добрую тысячу римских экю, надел его на палец синьора Велути, прося принять это кольцо вместо букета. Имея честь сопровождать английского посла с супругой, прибавил он в свое оправдание, он не знал, будет ли у него сегодня возможность прийти сюда, дабы выразить свое восхищение; однако лорд и леди Гамильтон пожелали познакомиться с великим певцом, чьему искусству они рукоплескали, и он, Браски, воспользовался этим, чтобы поблагодарить любимого артиста за наслаждение, которое он ему доставил в первом акте «Армиды». После этого кардинал представил нам синьора Велути, и тот соблаговолил протянуть сэру Уильяму Гамильтону руку для поцелуя, а мне милостиво предложил сесть.

То ли ему приятен был сам факт, что мы иностранцы, то ли он был польщен вниманием со стороны посла одной из могущественнейших держав, – так или иначе, синьор Велути был с нами очень мил; он бросал на меня самые нежные взгляды и говорил, что, если мы позволим, он будет счастлив отдать нам визит.

Само собой разумеется, что мы не могли отвергнуть столь заманчивое предложение.

Потом, занявшись исключительно мной, он пожелал знать, какой помадой я крашу губы и при помощи какого состава добиваюсь такой белизны зубов. Я отвечала, что никогда не использовала для полоскания рта ничего, кроме чистой воды, что касается моих губ, то их цвет таков, какой дала природа.

Синьор Велути воскликнул, что этого никак не может быть, что такое возможно разве что чудом, и, взяв свечу, попросил у меня позволения рассмотреть мои губы и зубы поближе. Я предоставила ему эту возможность со всей предупредительностью, на какую была способна, и после такого осмотра синьор Велути торжественно признал, что я самая красивая особа из всех, каких он когда-либо видел.

Полагая, что этой похвалой он отдал нам долг гостеприимства, он вновь принялся за свой туалет, одновременно продолжая заигрывать с поклонниками и время от времени

³⁰⁷ Вероятно, имеется в виду Джанбаттиста Веллути (1780–1861) – известный оперный певец, тенор, имевший великолепный голос и отличавшийся артистичной манерой исполнения. В Средние века в Западной Европе довольно часто кастрировали молодых певцов (особенно в церковных капеллах) для сохранения у них на всю жизнь голоса высокой тональности.

испуская грациозные рулады, всякий раз встречаемые восторженными аплодисментами присутствующих.

Было забавно наблюдать, какие усилия эти господа, все или почти все принадлежавшие к высшему духовенству, предпринимали, оспаривая друг у друга взгляд, улыбку, благосклонное слово фальшивой Армиды. Один услужливо держал наготове ее венок из роз, другой – ее волшебную палочку, третий – покрывало, призванное не столько скрывать, сколько подчеркивать ее прелести; еще один завладел короткой накидкой, предохраняющей это ангельское горлышко от воздействия сквозняков, способных причинить ему вред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.